

DOI: 10.22378/kio.2023.1

ISSN 2313-612X (print)

ISSN 2712-813X (online)

Научный журнал

**КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

2023. Том 10, № 1

Scientific journal

**CRIMEAN HISTORICAL
REVIEW**

2023, vol. 10, no. 1

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
Крымский научный центр, 2023

Учредитель и издатель:
Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Журнал основан в апреле 2014 г. решением Ученого совета
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-59824
от 17 ноября 2014 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

Главный редактор
Р.С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э.Х. Сейдаметов (Симферополь)

Редактор английских текстов
Л.С. Сейтхалилова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н.С. Сейдаметова (Симферополь)
Э.Э. Абибуллаева (Симферополь)

Редактор татарских текстов
Л.Р. Мургазина (Казань)

Редактор турецких текстов
Ш.Э. Сеит-Маметов (Симферополь)

Редакционный совет:
М.Г. Крамаровский, И.М. Миргалеев,
И.В. Зайцев

Редакционная коллегия:

В.В. Трепавлов (Москва), Питер Голден (Нью-Брансуик, США),
Р.Р. Салихов (Казань), Брайан Глин Вилльямс (Дартмут, США),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция), Р.Р. Сабитов (Париж, Франция),
И.А. Керимов (Симферополь), Элизабет Титмаер (Берлин, Германия),
А.М. Эмирова (Симферополь), М.А. Наматов (Бишкек, Киргизская
Республика), Грета Лин Улинг (Мичиган, США),
М.М. Гибатдинов (Казань), Д.В. Сень (Ростов-на-Дону),
Г.Ф. Габдрахманова (Казань), Г.Н. Кондратюк (Симферополь),
А.А. Непомнящий (Симферополь), Т.Б. Усеинов (Симферополь),
Н.М. Акчурина-Муфтиева (Симферополь), И.А. Заатов (Симферополь),
Р.Д. Куртсеитов (Симферополь), Н.С. Сейтягьяев (Симферополь),
У.К. Мусаева (Симферополь), П.Н. Петров (Алматы, Казахстан),
Э.И. Сейдалиев (Симферополь), В.П. Кирилко (Симферополь)

Технический редактор

Л.С. Гиниятуллина (Казань)

Литературный редактор

Н.Ю. Сеитвелиева (Симферополь)

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Тел./факс (843) 292-84-82 (приемная)

Журнал размещен и индексируется в международных реферативных
и полнотекстовых базах данных: Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека
открытого доступа КиберЛенинка

E-mail: mail@crimeanreview.ru

<https://www.crimeanreview.ru>

Founder and Publisher:
**State Budgetary Institution “Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences”**
(420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation)

Journal was founded in April, 2014 by the decision of the Scientific Council
of Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

The certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-59824
given by Roskomnadzor on November 17, 2014

Published 2 times a year

Editor-in-chief
R.S. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief
E.Kh. Seydametov (Bakhchisaray – Simferopol)

English texts editor
L.S. Seytkhalilova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor
N.S. Seydametova (Simferopol)
E.E. Abibullaeva (Simferopol)

Tatar texts editor
L.R. Murtazina (Kazan)

Turkish texts editor
Sh.E. Seit-Mametov (Simferopol)

Editorial council:
M.G. Kramarovsky, I.M. Mirgaleev,
I.V. Zaytsev

Editorial board:

Vadim V. Trepavlov (Moscow), Peter Golden (New Brunswick, USA),
R.R. Salikhov (Kazan), Brian Glyn Williams (Dartmouth, USA),
Ilyas Kemaloğlu (Istanbul, Turkey), R.R. Sabitov (Paris, France),
I.A. Kerimov (Simferopol), Elisabeth Tietmeyer (Berlin, Germany),
A.M. Emirova (Simferopol), M.A. Namatov (Bishkek, Kyrgyzstan),
Greta Lynn Uehling (Michigan, USA), M.M. Gibatdinov (Kazan),
D.V. Sen' (Rostov-on-Don), G.F. Gabdrakhmanova (Kazan),
G.N. Kondratyuk (Simferopol), A.A. Nepomnyashchiy (Simferopol),
T.B. Useinov (Simferopol), N.M. Akchurina-Muftieva (Simferopol),
I.A. Zaatov (Simferopol), R.D. Kurtseitov (Simferopol),
N.S. Seytyagyaev (Kiev, Ukraine), U.K. Musaeva (Simferopol),
Pavel N. Petrov (Almaty, Kazakhstan), E.I. Seydaliev (Simferopol),
V.P. Kirilko (Simferopol)

Technical editor

L.S. Giniyatullina (Kazan)

Literary editor

N.Yu. Seitvelieva (Simferopol)

Editorial Office Address:

420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax (843) 292 84 82

The journal is included and indexed in an international abstract and full-text databases by Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database (RSCI), Scientific Electronic Library of Open Access CyberLeninka

E-mail: mail@crimeanreview.ru

<https://www.crimeanreview.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

- Илья Зайцев.** Письмо крымского ученого Афиф ад-Дина Абдаллаха ал-Кефеве шейху Йахйе смотрителю гробницы Мухьи ад-Дина Ибн Араби в Дамаске (1630-е годы) 10
- Максим Шалак.** Поход Мухаммед-Гирея I на Москву 1521 г. в свете критического анализа русских исторических источников 21
- Алан Фишер.** Крымские татары (3) (перевод с английского Сейтхалиловой Л., Алиевой А.) 33
- Григорий Кондратюк.** Крымские татары в национально-государственном строительстве Крымской АССР (20–30-е годы XX века) 87

Литература и язык

- Исмаил Керимов.** Джемиль Сеитабла Керменчикли (1891–1942) эдебий-медений бир темсиль сыфатында 97

Культура

- Лилия Габдрафикова.** Татарский поэт Сагит Сунчелей и Крым начала 1920-х гг. 106
- Исмет Заатов.** Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративного искусства (часть третья) 120
- Севиля Велиева.** Музыкальные инструменты крымских татар в собрании Бахчисарайского музея-заповедника 147

Наследие

Исмет Заатов. Республиканский крымскотатарский музей искусств: опыт создания (от первого лица)	162
Рефат Абдужемилев. Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая»). Часть 3	176
Рефат Абдужемилев. «История крымских ханов» анонимного автора. Часть 2 (окончание)	198

Новые издания: рецензии, отзывы

Бобровников В.О. Реабилитация историками Крымского ханства в 5-томнике о крымских татарах	220
---	-----

Хроника

События январь – май 2023 г.	233
Стенограмма круглого стола «Крымские татары: судьба этнонима» (4 марта 2023 г.), посвящённого вопросам идентификации и этнонима крымскотатарского народа на современном этапе	239
Памяти Вадима Винцеровича Трепавлова	258

CONTENTS

History and Modernity

- Il'ya Zaytsev.** A letter from the Crimean scholar
Abdallah b. Ibrahim 'Afif ad-Din-efendi to sheikh Yahya,
the custodian of the tomb of Muhya ad-Din Ibn Arabi
in Damascus (1630s) 10
- Maxim Shalak.** The campaign of Muhammad Giray I
to Moscow in 1521 in the light of a critical analysis
of Russian historical sources 21
- Alan Fisher.** The Crimean Tatars (3)
(Trans. from English by Seytkhalilova L., Alieva A.) 33
- Grigorii Kondratjuk.** Crimean Tatars in the national-state
construction of the Crimean ASSR (20–30s of the 20th century) 87

Literature and language

- Ismail Kerimov.** Literary and cultural character
of Cemil Seitabla Kermenchikli (1891–1942) 97

Culture

- Liliya Gabdrafikova.** Tatar poet Sagit Suncheley
and Crimea in the early 1920s 106
- Ismet Zaatov.** Ethno-cultural basis of the process
of formation of the Crimean Tatar artistic culture
and decorative art (part three) 120
- Sevilya Velieva.** Musical instruments of the Crimean Tatars
in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve 147

Heritage

- Ismet Zaatov.** Republican Crimean Tatar Museum of Art:
the experience of creation (from the first person) 162
- Refat Abduzhemilev.** Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi.
The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray”
 (“Mehmed Geray’s History”). Part 3 176
- Refat Abduzhemilev.** “The History of the Crimean Khans”
by the anonymous author. Part 2 (end) 198

New editions: reviews, comments

- Vladimir Bobrovnikov.** Rehabilitation by Historians
of the Crimean Khanate in a five-volumes book
about the Crimean Tatars 220

Chronicle

- Events January – May 2023 233
- Record of the round-table conference “Crimean Tatars: the fate
of the ethnonym” (March 4, 2023), dedicated to the identification
and ethnonym of the Crimean Tatar people at the present stage 239
- In memory of Vadim Vintserovich Trepavlov 258

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 930.272

DOI: 10.22378/kio.2023.1.10-20

Письмо крымского ученого Афиф ад-Дина Абдаллаха ал-Кефеви шейху Йахье смотрителю гробницы Мухьи ад-Дина Ибн Араби в Дамаске (1630-е годы)

Илья Зайцев

Институт востоковедения РАН

Аннотация. В статье публикуется арабский текст и перевод на русский язык письма крымского ученого, поэта и судьи Абдаллаха б. Ибрахим 'Афиф ад-Дин-эфенди (? – 1640, Кафа) шейху Яхье – смотрителю гробницы Мухьи ад-Дина Ибн Араби в Дамасском квартале Салихийа. Письмо может быть датировано 1630-ми годами. Это письмо – еще один пример тесных связей, которые существовали между крымскими средневековыми учеными и их собратьями в Сирии. Эти связи, как видим, поддерживались представителями крымской уламы на протяжении столетий, из поколения в поколение.

Ключевые слова: Крым, Ибн Араби, Дамаск, суфизм

Для цитирования: *Зайцев И.В.* Письмо крымского ученого Афиф ад-Дина Абдаллаха ал-Кефеви шейху Йахье смотрителю гробницы Мухьи ад-Дина Ибн Араби в Дамаске (1630-е годы) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 10–20. DOI: 10.22378/kio.2023.1.10-20

Почти 15 лет тому назад, подробно рассказывая о таком виде крымских исторических источников как записи последовательности правлений крымских ханов, автор этих строк упомянул о рукописи Матенадарана под

шифром Osm. 363, заметив вскользь, что эта рукопись содержит также письмо муфтия Кафы Афиф ад-Дина Абдуллы ал-Кефевии [5, с. 200]. Пришло время обратиться и к этому интереснейшему тексту.

هو ابي الفيوم عليه

في ارض العالم العاقل اعرف المنور الوجيه باطية فذمة القر الا نور الطرب الحال الطام البان علانية
الفرح المحض الاطيب من العبر والمسك الا فرزة سيدنا الشيخ الاعظم العارف بالله الاكبر محي الدين ابو الفوارس
رضي الله عنه وقد سرت الاطير حولنا ان يحكي وامر من القلب محي القلوب بالمداني نكحنا
العليا في عين امر الدماء هو اللائق بالشيخ ان اصنعه بسؤال احوالنا فانا وكبر لله تقابرة دنا مع
اولادنا واصحابنا في سلامة ونزوع من الله جل سلا ان تكونوا كذا انه قد بلغنا تعلمه البليغ الحقيق
كحال الحجة والبوداد المحمل على شائنا وما والدماء الحجوم والدماء والاصاب والاولاد المدبر فيه
تربح محي وتفصيل محي ونحيا العدم فيه عدم فادرات الحجة في الحضور والغيبة وهو من الكبرياء لا ينسور
شك ذرسة فحصل لنا بحفا لعدتكم الا سيهني المنظور على اللائق محي كخط العظيم من الصفا فحكي
شاهرت فطعمكم المبارك الفال وسعدتكم محي بلي المعنى ففرت بركتكم من العيون واضلح ما كان في السعد والبر
ذخر صدق ما قيل خط اعرضكم وتبين فاشغلت بالسر والشا والدماء لكم ولاولادكم وللصاويان والهو
لا يطاق بالاوراق فاستور من الحكيم الرضي فطاعة ان ينسج القلوب بطيبة السلاط على الحسن قال بالندى
والالا حيل عليه ويكلم سيد الملك المتفكر بلوغا سلامتكم المحرم افرح عيبتكم بمسكال النفس والنترة في
دسانه اولادكم واصحابكم ولا تصيحكم العاقل العالم الشيخ البرهمن وجميع اربابكم والافراد جامع الشيخ الكاشف اليه
على عليه وسيمسحان محمدا وصاحب الصالحية ووضوحه الاقدار الشيخ احمد القصبه واسو من الشيخ عبد كق
فوالقدر والشهد الا هو من الدين القاطع الوالي والشيخ البرهمن انه لا يحسد احد طالب العلم وطفله واهله ولا من
تفقد من المال صدقا وفوق على من الكمال ووضوحه الا قد سمعتموها اوقاف الحجوم سبها بانها والابن في
على انما وبلغوا فضلكم وعاونوا وسلامنا للشيخ الاسلام منسقا والحق الاطلاع سيدنا المعنى عبد الرحمن العاقل
والاولاد العلم والكرام لا نتم جميعا في سلامة وسعادته وزياته محنة وسياحة وسبعم اولادنا واصحابنا عليكم
وعلى اولادكم جميع الاجداد ونحوكم كما علمنا من ذر جوع العلم احوالكم الشريعة بالكتوب واما جهلنا الرور
والصفا ان موصل الوقتة بغير الغنى العالم الصاير رفاهه العلماء والصلي ايريدون اورا محي الاسلام وزياة
البنع عليه الصلوة والهوا معلوم ان في جميع الذين ضالين وناقضين مرتدين فالر جوتمكم محي
بالدانة على الحيا والحيوة الوجوع وكيد الله ارساكم الله تعالى وجميع المسلمين من المحفرا ت واما انكم وسائر
المؤمنين على نيل اراوات وفوز المبراة نعمة افضل العالم الضائع الابنية تحمد صلح الله تعالى عليه وعليهم وعلى
واصحابها واصحابه وسلم

الشيخ الفقيه حفيظ الدين
عبد الله الكفوي

Текст

هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ تَعَالَى

إلى أحنينا العالم العامل المكرّم الموقر المنور الوجه بمواظبة خدمة القبر الأنور، الطيب الحال الطاهر البال بملازمة الضريح المقدّس الأطيب من العنبر والمسك الأذفر، تربة سيّدنا الشّيخ الأعظم العارف بالله الأكبر مُحيّ الدين العربي - رَضِيَ اللهُ تَعَالَى عَنْهُ وَقَدَّسَ سِرَّهُ الْأَطْهَرَ - مولانا الشّيخ يحيى دَامَ حَيَّ الْقَلْبِ وَمُحَيِّ الْقُلُوبِ بالدّعاء في تلك الحضرة العُليا. فالمعني أثر الدّعاء اللائق بأولي النّهى. إن أحسنتم بسؤال أحوالنا فإننا والحمد لله ببركة دعائكم مع أولادنا وأصحابنا في سلامة ونرجو من الله - جَلَّ وَعَلَا - أن تكونوا كذا. ثمّ إنّه قد بلغنا نظمكم البليغ المفضح عن كمال المحبّة والوداد، المشتتمل على ثنائنا وثناء والدنا المرحوم والدعاء لنا وللأصحاب والأولاد، المدرج فيه تاريخ حجّنا وتفصيل عجننا وثننا، المدمج فيه عدم تفاوت المحبّة في الحضور والغيبة وهو من المشاهدات لا يتصور فيها شكّ وريبة. فحصل لنا بمطالعة خَطِّكُمْ الأبهى الأسنى المنطوي على اللّطائف الحسنى بخطّ العظيم من الصّفاء فكأنّي شاهدتُ طلعتكم المباركة الفال وسمعتُ مقالّتكم الجزيلة المعنى. فصرتُ بذلك قرير العين واضمحلّ ما كان من البعد والتباين وظهّر صديق ما قيل: «الخطّ أحد المرويتين». فاشتغلتُ بالشّكر والثناء والدعاء لكم ولأولادكم وللأحباء، وبيان الأشواق لا يُطاق بالأوراق. فالمسؤول من الحكيم الرّحيم الخلاق أن يشفي القلوب بطيب لذة التلاق على أحسن حال بالتبني والآل، صلّى عليه وعليهم وسلّم الملك المتعال. وبلغوا سلامنا إلى المخدم أحمد چليبي المهتمّ باستكمال النفس والتبخر في العلوم وسائر أولادكم وأحبائكم، وإلى إخيكم العالم العامل الشّيخ إبراهيم وجميع أقربائكم، وإلى خدام جامع الشّيخ المشار إليه -

رَحْمَةُ اللَّهِ تَعَالَى عَلَيْهِ - وَإِلَى سُكَّانِ مَحَلَّةِ وَصَالِحِي الصَّالِحِيَّةِ، وَخُصُوصاً إِلَى قُدُوتِهِمُ الشَّيْخِ أَحْمَدَ الْفَصَالِيِّ وَأُسُوتِهِمُ الشَّيْخِ عَبْدِ الْحَقِّ ذِي الْقَدْرِ الْعَالِيِّ، وَإِلَى الْمَوْلَى تَقِيِّ الدِّينِ الْقَاضِي الْوَالِيِّ، وَإِلَى الشَّيْخِ إِبْرَاهِيمَ وَابْنِهِ سَيِّدِ أَحْمَدِ طَالِبِ الْعِلْمِ وَطِفْلِهِ وَأَهْلِهِ، وَإِلَى مَنْ تَفَقَّدْنَا مِنَ الْأَصْدِقَاءِ ذَوِي الْمَكَارِمِ وَالْمَعَالِيِّ، وَخُصُوصاً إِلَى قَاسِمِ آغا مَتَوْلِيِّ أَوْقَافِ الْمَرْحُومِ سَنَانِ بَاشَا، وَإِلَى بَاشَا چَاوُشِ عَلِيِّ آغا. وَيَبْلُغُوا مِنْ فَضْلِكُمْ دُعَاءَنَا وَسَلَامَنَا إِلَى شَيْخِ الْإِسْلَامِ اسْتَاذِ الْعُلَمَاءِ الْأَعْلَامِ سَيِّدِنَا الْمُفْتَى عَبْدِ الرَّحْمَنِ الْعِمَادِيِّ، وَإِلَى أَوْلَادِهِ الْعُلَمَاءِ الْكِرَامِ، لَا زَلْتُمْ جَمِيعاً فِي سَلَامَةٍ وَسَعَادَةٍ وَزِيَادَةٍ وَعِزَّةٍ وَسِيَادَةٍ. وَيُسَلِّمُ أَوْلَادُنَا وَأَصْحَابُنَا عَلَيْكُمْ وَعَلَى أَوْلَادِكُمْ وَجَمِيعِ الْأَحْبَاءِ. وَنَرْجُو الدُّعَاءَ لَجَمْعِنَا، وَنَرْجُو إِعْلَامَ أَحْوَالِكُمُ الشَّرِيفَةَ بِالْمَكْتُوبِ. دَائِماً يَحْصُلُ لَنَا السَّرُورُ وَالصَّفَاءُ.

ثُمَّ إِنَّ مُوَصِّلَ الْوَرَقَةِ عَبْدِ الْغَنِيِّ الْعَالِمِ الصَّالِحِ وَرَفَقَاؤَهُ الْعُلَمَاءَ وَالصُّلَحَاءَ يَرِيدُونَ أَدَاءَ حُجَّةِ الْإِسْلَامِ وَزِيَارَةَ النَّبِيِّ - عَلَيْهِ الصَّلَاةُ وَالسَّلَامُ - وَمَعْلُومٌ أَنَّ فِي الْجَمَّالِينَ ضَارِّينَ ضَالِّينَ وَنَافِعِينَ مَهْتَدِينَ، فَالْمَرْجُوُّ مِنْكُمْ الْعَوْنُ بِالذَّلَالَةِ عَلَى الْخِيَارِ وَالصَّوْنِ عَنِ الْوُقُوعِ فِي كَيْدِ الشَّرَارِ، صَانِكُمْ اللَّهُ تَعَالَى وَجَمِيعَ الْمُسْلِمِينَ عَنِ الْمَضْرَاتِ، وَأَعَانِكُمْ وَسَائِرَ الْمُؤْمِنِينَ عَلَى نَيْلِ الْمَرَادَاتِ وَفُوزِ الْمَبْرَاتِ بِحُرْمَةِ أَفْضَلِ الْعَالَمِ خَاتَمِ الْأَنْبِيَاءِ مُحَمَّدٍ، صَلَّى اللَّهُ تَعَالَى عَلَيْهِ وَعَلَيْهِمْ وَعَلَى آلِهِ وَأَصْحَابِهِ وَأَحْبَابِهِ وَسَلَّمَ.

الدَّاعِي الْفَقِيرُ عَفِيفُ الدِّينِ عَبْدِ اللَّهِ الْكُفُوي

Перевод¹ Он [= Аллах] - Живой, Сущий², Всевышний

Нашему брату, знатоку ('алим) и практику ('амил), достопочтенному, почитаемому, наделенному светлым ликом благодаря непрерывному служению светлейшей могиле, блаженному и одаренному чистым разумом в силу постоянного нахождения в пресвятой гробнице, [аромат] которой более приятный, чем амбра и мускус, мавзолея нашего господина, величайшего шейха, познавшего Величайшего Господа, Мухьи ад-Дин ал-'Араби, да будет доволен им Всевышний Аллах и да освятит его чистейшую тайну. [Я имею в виду] нашего господина шейха Йахйа, пусть всегда будет его сердце живым, и пусть всегда оживит сердца других посредством моления в том возвышенном чертоге. Имеется в виду действенность соответствующей мольбы для «обладающих разумом»³. Если Вы проявляете любезность и спрашиваете о наших делах, то, слава Богу, благодаря Вашим молитвам, мы с нашими детьми и друзьями в здравии, и мы просим Аллаха (всемогущ и всевышен Он!), чтобы и Вы были таковыми. Далее мы получили Ваше стихотворение, выражающее совершенство любви и привязанности, и которое включает в себе нашу хвалу и хвалу нашему покойному отцу, а также молитвы за нас, за друзей и детей, и в котором указана дата нашего паломничества⁴, и подробно изложены его обстоятельства, и в котором содержится место, где утверждается, что в любви (*махабба*) нет разницы между присутствием (*хузур*) и отсутствием (*гайба*). А это один из интуитивно-созерцательных аспектов (*мушахадат*), сомнение в котором невообразимо. Итак, прочитав Ваше великолепное и блестящее письмо, содержащее в себе прекраснейшие тонкие мысли, я получил такое удовольствие, словно вижу Ваше благословенное лицо и слышу вашу речь, изобилующую смыслами.

Так я получил радость, исчезли расстояние и различие, и тем самым выяснилась правдивость следующего высказывания: «Письмо – одно из двух [видов] сообщений»⁵. Посему я обращался к Вам с благодарностью, хвалой и молитвами к Вам, Вашим детям и близким, а изложение желаний на бумаге было невыносимо. Прошу Мудрого и Милостивого Творца исце-

¹ Я благодарен Курбанали Хушвахтовичу Идрисову за неоценимую помощь при подготовке перевода и замечания, важные для понимания текста.

² Коран, 2:254.

³ «Обладающие разумом» (*ули ан-нуха*) – выражение, навеянное Кораном.

⁴ Скорее всего, имеется в виду все же не дата, а обстоятельство, история хаджа (تاريخ حجنا) автора письма.

⁵ Мне не до конца понятен смысл этого высказывания. Обычно в таких случаях писали «Письмо – половина встречи».

лить сердца посредством удовольствия от встречи в наилучших условиях ради Пророка и его семьи, да благословит Его и их Всевышний Господь и приветствует!

Передайте наши приветствия досточтимому Ахмаду Челеби, который интересуется совершенствованием души и углубленным изучением наук, и остальным Вашим детям и Вашим близким, Вашему брату, знатоку и практику, шейху Ибрахиму и всем Вашим родственникам, служителям соборной мечети (*джамии*) упомянутого шейха, да будет над ним милость Аллаха, и жителям квартала ас-Салихийя и его праведникам, особенно объекту их подражания (*кудва*) шейху Ахмаду ал-Фассали, а также примеру их последования (*усва*) шейху 'Абд ал-Хакку, обладающему высокой степенью нравственности. Также [передайте наши приветствия] судье (*кадий*) и представителю власти (*вали*) господину Таки ад-дину, шейху Ибрахиму и его сыну, Саййиду Ахмеду, учащемуся [медресе], его ребенку и его семье, и всем тем, кто проявил заботу в отношении нас из числа наших друзей, которым присущи возвышенные нравы, особенно Касим-аге, управляющему делами вакуфного имущества покойного Синан-паши и *баи чауш* Али-аге. Соболаговолите передать наши молитвы и приветствия шейх ал-исламу, главе знатоков мусульманского права, нашему господину, муфтию 'Абд ар-Рахману ал-'Имади, и его сыновьям, уважаемым ученым. Пусть все вы будете в здравии, счастья, изобилии, гордости и господстве. Наши дети и друзья приветствуют вас, ваших детей и всех ваших друзей. Мы просим Вас молиться за наше собрание и надеемся, что вы проинформируете нас о вашем благородном состоянии в письменной форме. Это всегда приносит нам удовольствие и умиротворение.

Далее, доставляющий письмо – 'Абд ал-Гани, праведный ученый. Его спутники также ученые и праведные. Они хотят совершить паломничество и посетить [могилу] Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. Известно, что среди погонщиков верблюдов есть вредные и заблудшие, и есть полезные и идущие верному пути люди. Просьба помочь им найти добрых людей и уберечь их от злых, дабы не попасть в сети обмана. Да хранит вас и всех мусульман Всевышний Аллах от вреда и да поможет Вам и всем верующим в достижении целей и совершении благих деяний ради святости лучшего из творений, Печати Пророков, Мухаммада, да благословит Всевышний Аллах их [= пророков], его, его семью, его товарищей и его близких и приветствует.

Бедный молящийся [за Вас] 'Афиф ад-дин 'Абдаллах ал-Кефевии»

Итак, перед нами письмо некоего Афиф ад-Дина Абдаллаха ал-Кефевии шейху Яхье - смотрителю гробницы Мухьи ад-Дина Ибн Араби в Дамаском квартале Салихийя. Сначала пойдем, кто был автором письма.

Основателем османско-крымского рода Афифи был выходец из Кипчакской степи или Бухары Шейх Ак-Мехмед-эфенди (Абдаллах Афиф ад-Дин). Его сын Шейх Ибрахим-эфенди в Османской империи был известен как автор ряда религиозных трактатов под именем Татар-шейх. Он умер в Стамбуле в 1001/1592–93 г. Сыном последнего был муфтий Кафы Афифи Абдаллах-эфенди (или Афиф ад-Дин-эфенди). Род продолжили братья: кадиаскер при хане Хаджи-Гирее II Азиз-эфенди и Абд ал-Гаффар-эфенди. Последний имел сына Шейхи-эфенди и внука (сына Шейхи) — муфтия Фейзуллу-эфенди [10, с.281]⁶.

Автор письма, таким образом, - это Абдаллах б. Ибрахим 'Афиф ад-Дин-эфенди (? – 1640, Кафа) – крымский поэт, судья, сын суфия Ибрахима ал-Кырыми ад-Дешти⁷. Родился Абдаллах в Стамбуле. После обучения он при содействии султана Мурада III (1574–1595) был назначен судьей в Кефе. Совершил хадж, после чего оставил должность *кади* и до конца своих дней прожил в суфийской обители неподалеку от Кефе [7, с.45]. В сочинении его потомка сохранились стихи Абдаллаха [1, с. 156–157], одна газель напечатана в русском переводе⁸.

Кому пишет Кефев? Его адресат – шейх Йахья, с которым Кефев в то время написания письма состоял в переписке (вероятно, длительной). Само письмо – это ответ на послание шейха, которое содержало суфийское стихотворение, «выражающее совершенство любви и привязанности», и которое, – как пишет Афифи, – «включает в себе нашу хвалу и хвалу нашему покойному отцу, а также молитвы за нас, за друзей и детей, и в котором указана дата нашего паломничества, и подробно изложены его обстоятельства, и в котором содержится место, где утверждается, что в любви (*махабба*) нет разницы между присутствием (*хузур*) и отсутствием (*гайба*). А это один из интуитивно-созерцательных аспектов (*мушахадат*), сомнение в котором невообразимо».

⁶ О трех первых поколениях шейхов Афифи (Ак-Мехмед-эфенди, Ибрахим-эфенди и Абдулла Афиф ад-Дин-эфенди) см. также: [2, с.3–4; 7, с. 43–45].

⁷ На роль автора мог бы претендовать еще один Абдуллах Кефев, живший в XVII в. Он происходил из степного Крыма, а последние годы жизни провел в Стамбуле. Его перу принадлежит трактат *Рисала фи фунун ас-ситта* («Послание о шести науках»), рукопись которого сохранилась в Народной библиотеке Манисы, Турция (*ал-Кафави*, 'Абдалла. Рисала фи фунун ас-ситта. Manisa İİ Halk Kütüphanesi. No. 2982/1. F. 7a–11b). Трактат посвящен одному из *шейх ал-исламов* Османской империи (какому именно – неясно) и нацелен на поиски ответов на вопросы правоведения, науки об основах права, каляма, риторики, грамматики и логики. Однако, годы жизни этого ученого нам неизвестны, да и к семье Афифи он не принадлежал.

⁸ Русский перевод газели см. [3, с. 31].

Значит, шейх Йахйа был давним знакомым семьи Афифи: он знал отца Абдаллаха и сопутствовал отцу и сыну во время хаджа.

Теперь попробуем выяснить, кто еще упоминается в письме. Несколько персонажей отождествить мне не удалось, но некоторые уверенно определяются.

В письме упомянут Касим-ага, *мутевелли* вакфа Синана-паши в Дамаске. Синан-паша (1520–1596) – знаменитый османский сановник, пять раз занимавший пост великого везира (*садразам*) Османской империи [9, с. 137–139]. В декабре 1586 г. он был назначен *вали* Шама (Дамаска) и занимал этот пост до своего второго назначения на пост садразама в апреле 1588 г. Комплекс *кюллийе* Синан-паши, расположенный недалеко от Бабульджабие в Дамаске, был построен в 995 (1587) г. [12, с. 324].

Таки ад-дин – османский вали Шама. Шейхи – Ибрахим, шейх Ахмад ал-Фассали (الشيخ أحمد الفصالي), шейх ‘Абд ал-Хакк – праведники квартала Салихийа.

Муфтий ‘Абд ар-Рахман ал-‘Имади ад-Димашки (1567–1642) – известный *алим*, ханафитский муфтий Дамаска, автор нескольких сочинений (GAL G II, 291). Его потомки также были известными *алимами* и занимали позднее ту же должность дамасского муфтия. Мне известно три его сочинения.

1. Nadiya ala madhhab al-Imam al-jalil Abi Hanifa (Дайбер, № 32).

2. المستطاع من الزاد написанное в 1014 г.х. Рукописи хранятся в Куме [8, с.424-425], Манчестере [11, № 1575] и в коллекции Дайбера в Токийском университете⁹. Есть египетское издание этого сочинения 1377 г.х.

3. Касыда (Дайбер № 102).

Наконец, в письме упомянут «праведный ученый Абд ал-Гани» (عبد الغني العالم الصالح), который должен был доставить письмо адресату. Можно предположить, что это крымский уроженец, близкий кругу кефинского кадия. Попутно стоит отметить, что для доставки корреспонденции Кефеви пользовался налаженными маршрутами крымских паломников, посещавших Дамаск на пути к могиле Пророка в Медине.

Не будучи знатоком исламской метафизики, я не решусь разбирать глубокие философские вопросы, затронутые в письме. Это дело знающих. Замечу лишь, что публикуемое послание – еще один пример тесных связей, которые существовали между крымскими средневековыми учеными и их собратьями в Сирии. Эти связи, как видим, поддерживались представителями крымской уламы на протяжении столетий, из поколения в поколение. Нам уже многое известно о крымских шейхах, путешествовавших по всему исламскому миру и приносявших на родную землю плоды мусульманской

⁹ http://ricasdb.ioc.u-tokyo.ac.jp/daiber/daiber_contents_ms30.html

учености и науки [6, с. 212–220]. Еще предстоит выяснить роль дамасских шейхов, живших вокруг гробницы Ибн Араби, в осуществлении этих контактов, но и так понятно, что между ними происходил деятельный обмен идеями и текстами, которые, надеюсь, нам еще посчастливится обрести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (араб. шрифт).
2. Брусалы М.Т. Идаре-и османийе заманында етишен кырым муэллифлери. Стамбул, 1335 (араб. шрифт).
3. Греза любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга. Переводы С. Дружинина. Симферополь: Доля, 2003.
4. Дайбер – каталог арабских рукописей коллекции Дайбера. http://ricasdb.ioc.u-tokyo.ac.jp/daiber/daiber_contents_ms30.html
5. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: издательская фирма «Восточная литература», 2009.
6. Зайцев И.В. Суфийский шейх в окружении крымского хана Сахиб-Гирея: Таки ад-Дин Абу Бакр ал-Кефеве (? – 1562) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отделение ист.филол. наук РАН. Т. 11. 2021. М.: РАН, 2022. С. 212–220.
7. Рамзи, Мурад. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казань ва Булгар ва мулук ат-татар. Оренбург: Каримов, Хусейнов и Ко., 1908. Т. 2. (араб. шрифт)
8. Фехрестган-и нусхаха-йи хатти-и Иран. Джелд бист-о нох. Техран, 1391 (на фарси, арабский шрифт)
9. İpşirli M. Koca Sinan Paşa // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi Cilt:26 İstanbul: TDV Yayınları. 2002. С. 137–139.
10. Kellner-Heinkele B. Crimean Tatar and Nogay Scholars of the 18th Century // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Hrsg. von M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. B., 1996.
11. Mingana A. Catalogue of the Arabic manuscripts in the John Rylands Library, Manchester. Sections 13-end. Manchester: Manchester University Press, 1934. № 1575.
12. Uluçam A. Şam // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul: TDV Yayınları, 2010. 38. cild, 320–325.

Сведения об авторе: Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ilyaAugust@yandex.ru

A letter from the Crimean scholar Abdallah b. Ibrahim 'Afif ad-Din-efendi to sheikh Yahya, the custodian of the tomb of Muhya ad-Din Ibn Arabi in Damascus (1630s)

Il'ya Zaytsev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article publishes the Arabic text and the translation into Russian of a letter from the Crimean scholar, poet and judge Abdallah b. Ibrahim 'Afif ad-Din-efendi (? – 1640, Kafa) to sheikh Yahya, the custodian of the tomb of Muhya ad-Din Ibn Arabi in the Damascus quarter of Salihya. The letter may be dated to the 1630s. This letter is an example of the close ties that existed between the Crimean medieval scientists and their brethren in Syria.

Keywords: Crimea, Ibn Arabi, Damascus, Sufism

For citation: Zaytsev I.V. A letter from the Crimean scholar Abdallah b. Ibrahim 'Afif ad-Din-efendi to sheikh Yahya, the custodian of the tomb of Muhya ad-Din Ibn Arabi in Damascus (1630s). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 10–20. DOI: 10.22378/kio.2023.1.10-20 (In Russian)

REFERENCES

1. Asseb o-sseyyar, ili Sem' planet, sodержashchiy istoriyu krymskikh khanov ot Mengli-Girey khana 1-go do Mengli-Girey khana 2-go, t.e. s 871/1466 po 1150/1737 g. Sochinenie Seyida Mukhammeda Rizy [The writings of Seyid Mukhammed Riza]. Kazan, 1832. (In Turkish, Arabic script)
2. Brusaly M.T. Idare-i osmaniye zamanında etishen kyrym muellifleri. Sımbul, 1335 (Arabic script). (In Turkish)
3. Greza lyubvi. Poeziya krymskikh khanov i poetov ikh kruga. Perevody S.Druzhinina. [The dreams of love. Poetry of the Crimean khans and a book of their poets. Translation by S. Druzhinin]. Simferopol: Dolya, 2003. (In Russian)
4. Dayber – Dayber Collection Catalogue. http://ricasdb.ioc.u-tokyo.ac.jp/daiber/daiber_contents_ms30.html
5. Zaytsev I.V. Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov. Puti razvitiya. Rukopisi, teksty i istochniki. [Crimean historiographical traditions of the XV–XIX centuries. Development ways. Manuscripts, texts and sources]. Moscow: izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 2009. (In Russian)
6. Zaytsev I.V. Sufiyskiy sheykh v okruzhenii krymskogo khana Sakhıb-Gireya: Taki ad-Din Abu Bakr al-Kefevi (? – 1562). [Sufi sheikh in the surrounding of the Crimean Khan Sahib Giray: Taki ad-Din abu Bakr al-Kefevi (? – 1562)]. Trudy Otdeleniya

istoriko-filologicheskikh nauk RAN / Otdelenie ist.filol. nauk RAN. Vol. 11. 2021. Moscow: RAN, 2022, pp. 212–220. (In Russian)

7. Ramzi, Murad. Talfik al-akhbar va talkikh al-asar fi vakai Kazan' va Bulgar va muluk at-tatar. Orenburg: Karimov, Khuseynov i Ko., 1908. T. 2. (In Arabic)

8. Fekhrestgan-i nuskhakha-yi khatti-i Iran. Dzheld bist-o nokh. Tekhran, 1391. (In Farsi)

9. İpşirli M. Koca Sinan Paşa. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. [Koca Sinan Pasa. Religious waqf of Turkey. Encyclopedoa of Islam]. Cilt: 26 İstanbul: TDV Yayınları. 2002, pp. 137–139. (In Turkish)

10. Kellner-Heinkele B. Crimean Tatar and Nogay Scholars of the 18th Century // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Hrsg. von M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. B., 1996.

11. Mingana A. Catalogue of the Arabic manuscripts in the John Rylands Library, Manchester. Sections 13-end. Manchester: Manchester University Press, 1934. No. 1575.

12. Uluçam A. Şam. Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. [Religious waqf of Turkey. Encyclopedia of Islam] İstanbul: TDV Yayınları, 2010. 38. cild, 320–325. (In Turkish)

About the author: Ilya V. Zaytsev – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (107031, Moscow, Rozhdestvenka Str., 12, Russian Federation); ilyaAugust@yandex.ru

Поход Мухаммед-Гирея I на Москву 1521 г. в свете критического анализа русских исторических источников

Максим Шалак

Южный федеральный университет

Аннотация. Немногим более 500 лет назад, летом 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей совершил поход на Москву, положив тем самым начало почти 250-летнему противостоянию России и Крыма. Это противостояние закончилось поражением Крымского ханства и включением его в состав Российской империи. Однако до сих пор среди историков нет единства мнений по поводу оценок данного события. Тем более в свете политических событий последних лет. Ещё шире эта тема касается выстраивания русско-татарского культурного взаимодействия в плане выработки своего отношения на общую историю Восточной Европы. В представленной статье мы постараемся разобраться в этом через всесторонний анализ русских исторических источников летописного характера. Для достижения поставленной цели необходимо будет установить основной круг летописных источников, разбив его на самостоятельные группы по степени информативности. Также понадобится определить главные, с точки зрения объективности, нарративные традиции, в которых оценки и интерпретации похода татар на Москву в 1521 г. могут различаться между собой. В итоге будут выделены 3 основные традиции в освещении событий лета 1521 г. в русских исторических источниках летописного характера. К важнейшим летописным источникам по степени достоверности и объективности относятся Вологодско-Пермская и Воскресенская летописи, Постниковский и Владимирский летописцы. Наименее достоверными и тенденциозными являются Никоновская летопись и Степенная книга. Промежуточное положение между провиденциалистской и рационалистической историософской позицией занимают Львовская летопись и Хронограф редакции 1512 г.

Ключевые слова: Крымское ханство, Мухаммед-Гирей I, Московское государство, Василий III, русские летописные источники XVI в., русско-татарские отношения

Для цитирования: *Шалак М.Е.* Поход Мухаммед-Гирея I на Москву 1521 г. в свете критического анализа русских исторических источников // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 21–32. DOI: 10.22378/kio.2023.1.21-32

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения, поскольку, событию, изменившему кардинально расстановку сил в Восточной Европе в XVI в., не так давно исполнилось 500 лет. Этим событием стал поход крымского хана в самое сердце России – на Москву. Никогда ещё до этого Гиреи не осмеливались совершать столь дерзкие внешнеполитические акции. Поэтому обратить внимание на поход 1521 г. под руководством Мухаммед-Гирея представляется весьма актуальной темой. Однако целью настоящего исследования является не повторение уже хорошо известных событий полутысячелетней давности, а попытка определить наиболее информативные русские письменные источники летописного характера, а также основные концепции, сложившиеся в русской публицистической мысли XVI в. Данная цель может быть достигнута путем последовательного решения следующих задач: проанализировать основной круг летописных источников, содержащих информацию о походе Мухаммед-Гирея на Москву, а также выделить разные направления в историческом осмыслении произошедших событий 1521 г., исходя из их оценок и интерпретации.

Следует учитывать, что оценки тех или иных событий, как проявления человеческой субъективности, основываются на системе ценностей, общепринятых в конкретной социальной группе и играют в сфере исторического сознания одну из главных ролей. Эти оценки обуславливают, в частности, отношение индивида к прошлому и пережитому, к памяти о нем как к ценности. Поэтому система ценностей в структуре исторического сознания включает в себя как общепринятые моральные устои и идеалы, нравственные нормы, господствующие в конкретной социальной группе, так и субъективные, личностные оценки на происходящие события. В свою очередь эти личностные оценки зависят от общепринятых норм и личного, индивидуального исторического опыта, пережитого конкретным лицом, от конкретной психологии человека, от уровня его нравственного, этического и интеллектуального развития [10, с. 37]. Всё вышесказанное следует учитывать, анализируя оценки, которые давали русские летописцы описываемым событиям, и понимать, что в целом эти оценки были характерны для исторического сознания политической и интеллектуальной элиты русского общества XVI в.

Если говорить в целом, то все русские источники, в которых идет речь о походе Мухаммед-Гирея на Москву, можно разделить на 2 большие группы. Это произведения нарративного характера и документальные источники. Следует сразу сказать, что русские источники, повествующие о татарском походе 1521 г., являются самыми информативными, но в то же время и наиболее тенденциозными, по сравнению с иностранными источниками. К числу основных русских источников по нашей теме относятся

произведения летописного характера. Это прежде всего общерусские летописные своды первой половины XVI в., такие как Патриаршая или Никоновская летопись [3], Вологодско-Пермская летопись [7], Воскресенская летопись [2], Львовская летопись [4], а также примыкающие к традиции официального летописания Постниковский летописец [9], Владимирский летописец [8], Хронограф редакции 1512 года [6], Степенная книга [5].

В Никоновской летописи, первая часть которой была составлена около 1539–1542 г., повествованию о приходе крымского царя «Магмет-Кирея» предшествует сообщение об измене казанских князей, весной 1521 г. свергнувших ставленника Василия III «Шигалея» (Шах-Али) и взявших ханом крымского царевича «Сап-Гирея» (Сахиб-Гирея) [1, с. 39; 3, с. 37]. Кроме казанцев ещё одно «лукавство», по выражению летописца, совершает польский король. Находясь формально в мирных отношениях с Московским Великим княжеством, он отправляет на помощь Мухаммед-Гирею «таинственно» многое воинство. А ничего не подозревающий Василий III находился со всеми соседями в мире и его воинские люди «в своих областях безо опасения учрежахуся». И вот воспользовавшись этим «поганный» хан, по совету своего посла «беззаконного» Апака-мурзы, собрал свое «безбожное» воинство, а с ним литовцев, черкесов и ногайцев, которых он перед этим привел к покорности [3, с. 37].

Далее, в духе провиденциалистической историософии, летописец приводит описание чудесного видения некоему юродивому Василию, случившееся незадолго до прихода крымцев. Летописец не стесняется на характеристики Мухаммед-Гирея – он и «лукавнейший», и безбожный, и гордый, забыв клятву дружбы выступил предательски в поход. Интересно, что в числе участников похода летопись упоминает и Большую Орду Заволжскую (Запольскую), к 1521 г. уже не существовавшую [3, с. 38]. Возможно, здесь идет речь о Заволжской Ногайской Орде, тогда ещё не разделившейся на Большую и Малую Орды, хотя ногаев, как союзников Крыма, летописец упоминает отдельно.

Приход крымскотатарского войска Никоновская летопись датирует июлем 1521 г. [3, с. 37]. Оку Мухаммед-Гирей форсировал в районе Коломны – «Коломенские места повоевал». О разгроме русских береговых полков летопись ничего нам не сообщает, лишь обмолвись о том, что «грех ради наших, и множества христианства победиша и поплениша». Среди общего разорения сел и церквей летописец особо отмечает сожжение татарами Никольского монастыря на Угреше [3, с. 38]. О Василии III летопись говорит довольно сдержано. Когда окрестный народ стал собираться в Москву для защиты, великий князь выехал вместе с братьями из столицы на Волок, якобы для сбора полков, в особенности из Великого Новгорода. В оставленной князем столице, как, впрочем, и по всей Руси, люди соби-

раются на всеобщую молитву, после чего совершается ещё несколько чудес – видения слепой монахине Вознесенского монастыря [3, с. 39–41], вдовицам и другим москвичам [3, с. 41–42].

Уход крымского хана от Москвы также не обошелся без чудесного вмешательства сверхъестественных сил. Расположив свою ставку под Москвой, Мухаммед-Гирей отправляет к русской столице передовые татарские отряды, которые неожиданно встретили «бесчисленное множество русского воинства». Ужаснувшись, они бежали обратно к хану и рассказали об увиденном. Дальше, как в сказке, Мухаммед-Гирей отправляет новые отряды татар, не забыв обругать трусов. С этими происходит то же самое. Удивленный хан отправляет в третий раз уже посла «от ближних своих». Этот посол, придя в ужас от «несметного русского воинства», посоветовал хану немедленно бежать от Москвы. Тогда страх напал на Мухаммед-Гирея и на всё татарское войско, и побежали все из Руси, говоря между собой: «бежите, скоро бежите и не медлите, се бо Русь, яростию дышающе, женут нас, хотяще нас достигнути и победити!» [3, с. 43]. Даже прибежав в Крым, хан велел всем своим улусным людям, кочующим за пределами полуострова, срочно прийти к нему, ожидая вторжения русской рати. Так бесславно, по представлению летописца, закончился поход Мухаммед-Гирея на Москву. При этом он как бы вскользь всё же вынужден был сообщить, что татарам удалось увести с собой «русского плена много».

Таким образом, в этом летописном рассказе мы видим абсолютно провиденциалистское обоснование всех происходивших событий. Информативная ценность этого отрывка невелика, зато налицо предвзятое и необъективное освещение событий, с попыткой всеми доступными для тогдашнего книжника средствами превратить для читателя поражение Василия III в его победу. И надо признать, что это ему удалось.

В Вологодско-Пермской летописи, составленной между 1540–1550 гг., мы читаем тот же рассказ [1, с. 40; 7, с. 310–311]. Правда он короче, чем в Никоновской летописи и не содержит некоторых подробностей. В частности, в Вологодско-Пермской летописи отсутствует упоминание о «лукавстве» польского короля, нет в ней «безбожного» советника Апак-мурзы, не говорится об участии в походе Мухаммед-Гирея на Москву литовцев и черкесов.

Зато здесь прямо говорится, что крымский хан, перейдя Оку, разбил воевод Великого князя. При этом летописец перечисляет русских воевод, которые погибли в том бою: это князь Владимир Михайлович Курбский, Иван Андреевич Шереметев, Яков и Юрий Ивановичи Замятнины. Гибель четырех воевод свидетельствует о том, что сражение с крымцами было кровопролитным, а поражение тяжелым. В плен к татарам попал князь Федор Васильевич Лопата Телепнев-Оболенский. Очень важные сведения со-

держит Вологодско-Пермская летопись относительно охвата татарского разорения. Так, в летописи говорится, что татарами были «повоёваны» Коломенские, Каширские, Боровские и Владимирские места. В Подмосковье, кроме уже упомянутого Никольского монастыря, крымцы сожгли «любимое» село Василия III Остров, а в другом великокняжеском селе – Воробьево, «мед на погребях великого князя пили» [7, с. 311].

В это самое время, как пишет летописец, великий князь со своими братьями Юрием и Андреем находился в Микулине. Ни о каких ожиданиях сбора русских полков со стороны Василия летопись не говорит. Единственное, что отмечает летописец, так это то, что великий князь «зело» скорбел, плакал и на Бога уповал. Никаких чудес при этом Вологодско-Пермская летопись совершенно не упоминает. Напротив, летопись очень реалистична и детальна в своих описаниях, по сравнению с Никоновской. Так, летописец сообщает нам, что ставка крымского царя располагалась в 60 верстах от Москвы, в междуречье Северки и Лопасни. Простояв там 10 дней и собрав немалый полон, Мухаммед-Гирей двинулся обратно в Крым. По пути татары попытались взять Переяславль Рязанский, но наместник рязанский, воевода Иван Васильевич Хабар Образцов, сумел отбить неприятеля, и царь отошел от города «срамом посрамлен». При этом Иван Хабар сумел выкупить у крымцев за 700 рублей князя Ф.В. Лопату Оболенского [7, с. 311].

Таким образом мы видим совсем другую концепцию в изложении событий в Вологодско-Пермской летописи. Почти полное отсутствие провиденциалистских суждений при большом внимании к детализации описываемых событий. При этом летописец не пытается как-то реабилитировать полное бездействие Василия III и напротив, показывает нам очень умелые действия рязанского воеводы Ивана Хабарова. Следовательно, мы можем говорить о большей объективности и непредвзятости Вологодско-Пермской летописи в описании событий похода Мухаммед-Гирея на Москву, а также её информативной ценности по сравнению с тенденциозной и официальной Никоновской летописью.

Воскресенская летопись содержит довольно краткий рассказ о приходе крымского царя «Магмед Кирея» [1, с. 41; 2, с. 269]. В контексте изложения основных событий 1521 г. он во многом схож с рассказом, содержащимся в Никоновской летописи. Правда здесь нет никаких провиденциалистских вставок, описывающих различные чудеса накануне и во время похода. Единственное, чем отличается повествование Воскресенской летописи, так это объяснением причины ухода Мухаммед-Гирея. Летописец сообщает, что как только до крымского хана дошло известие, что Василий III собирает русские полки на Волоке, он решил вовремя ретироваться, «не дожидаясь великого князя сбрания» [2, с. 269].

Можно сделать вывод, что рассказ о походе Мухаммед-Гирея 1521 г. в Воскресенской летописи является по сути кратким пересказом рассказа из Никоновской летописи без упоминания различных «чудес» и «видений». Причину отступления крымского хана от Москвы летописец объясняет сугубо с рационалистической позиции. Также стоит отметить, что оценки великого князя Василия и «акаянного» Магмед Кирея летописец дает довольно сдержанные.

Рассказ в Львовской летописи, в первоначальной редакции доходившей до 1533 г., а позднее продолженной до 1560 г., полностью повторяет рассказ Воскресенской летописи [1, с. 41; 4, с. 401–402]. Это объясняется тем, что основой для Воскресенской, Львовской и Никоновской летописей послужил Московский свод 1533 [1, с. 41]. Отсюда вытекают тенденциозность и официальность в подаче исторического материала данными летописями.

Далее следует обратиться к русским памятникам, примыкающим к традиции официального летописания. В первую очередь это так называемый Постниковский летописец, составленный ок. 1547 г. дьяком Постником Губиным [1, с. 41]. К уже известной нам версии Московского свода этот летописец добавляет интересные детали. Так, в Постниковском летописце впервые появляется точная дата прихода Мухаммед-Гирея на Русь – 28 июля [9, с. 13]. При этом разгром русского войска и гибель 4 воевод Постниковский летописец почему-то относит ко времени, предшествующему собственно переправе крымского войска через Оку, что явно не верно. А уже переправившись через реку татары принялись воевать «коломенские места» и тут же поймали раненного князя Федора Лопату Оболенского. Говорит летописец и о месте, где расположил свою ставку крымский хан – «на Коломне на Северке». Правда, в отличие от Вологодско-Пермской летописи, простоял здесь хан не 10 дней, а 2 недели. Ещё одна деталь отличает рассказ Постниковского летописца от того, что мы уже читали. Здесь впервые упоминается сын Мухаммед-Гирея – «Салтан богатырь» (Бахадыр-Гирей), который непосредственно подошел с татарскими отрядами к Москве.

Собрав бесчисленный полон из людей и скота, татары двинулись назад, уничтожив попутно каширский посад. В это время великий князь Василий «зело оскорбившуся ... и ... о беде въсплакавшу иотмщение ему на бога возложившю» вышел из Москвы на Волок собирать полки. Узнав об этом, Мухаммед-Гирей уходит, «полны крови крестьяньскими» [9, с. 14]. То есть, мы видим тот же самый образ смиренного и кроткого Василия III, заимствованный из официальной летописной версии, в противоположность коварному клятвопреступнику, безбожнику и «кровопийце» Мухаммед-Гирею.

Таким образом, Постниковский летописец в целом повторяет распространенную версию Московского летописного свода с деталями, взятыми из Вологодско-Пермской летописи. Но в то же время этот летописец сообщает нам ряд уникальных сведений, позволяющих полнее реконструировать события похода Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г.

Владимирский летописец был составлен около 1523 г. лицом, близким к митрополичьему двору [1, с. 42]. Рассказ о походе «Ахмут Кырия» на Москву в этом источнике изобилует рядом подробностей, которых мы не видели в предыдущих источниках. В частности, здесь говорится, что крымское войско подошло к Оке в субботу, 27 июля 1521 г. А уже на следующий день, «в неделю», татары переправились через Оку, разгромили русскую заставу и «поймали» воеводу князя Федора Лопату. В понедельник люди стали собираться в Москву «в осаду», ожидая скорого прихода крымцев. И тогда же, 29 июля, великий князь покинул Москву и отправился на Волок Ламский. Известны автору летописца и такие детали, которые выдают в нем явного очевидца событий. Так, упоминая об уже известном нам из других летописных рассказов сожжении Никольского монастыря на Угреши, Владимирский летописец замечает, что «у церкви у каменной вверх завалился» [8, с. 145]. Всё это заставляет нас доверять рассказу этого источника как наиболее достоверному.

Сообщает летописец и ещё одну важную информацию о том, что в осаде находились все города Московские, а не только собственно столица и Переяславль Рязанский. Дальше следует ещё ряд уточнений, которых мы не видели в предшествующих летописных рассказах. На речке Сиверке хан стоял только 6 дней (а не 10 или 14), а на 7 день, в воскресенье, перешел Оку обратно, якобы прослышав, что великий князь послал против татар военную силу. За Окой Мухаммед-Гирей ещё простоял 1 неделю, «а всего того был 2 недели» [8, с. 145]. Ещё очень интересные подробности сообщает нам Владимирский летописец относительно физического состояния князя Федора Лопаты Оболенского, выкупленного у татар рязанским наместником Иваном Хабаром Образцовым: «велми стрелян и сечен, замертва купил» [8, с. 145].

Завершает свой короткий, но весьма детализированный, рассказ о приходе крымцев Владимирский летописец известием, что в целом Москва находилась в осаде 2 недели. То есть с 29 июля по 12 августа. И только 20 августа, когда татарская угроза полностью миновала, в Москву вернулся великий князь Василий III. Таким образом, симпатии автора Владимирского летописца явно не на стороне московского князя.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что автор Владимирского летописца являлся либо непосредственным свидетелем описываемых событий, либо получал информацию, что называется, из первых рук.

Его рассказ о походе Мухаммед-Гирея на Москву хоть и не большой, зато изобилует очень важными деталями, позволяющими ещё подробнее реконструировать этот исторический факт. Поэтому мы можем с большой степенью уверенности доверять информации этого исторического источника.

В Хронографе редакции 1512 г., в приложении, содержится краткий рассказ об интересующих нас событиях. Однако, скорее всего, он был записан гораздо позже самого похода. На это указывает ряд обстоятельств. Во-первых, поход крымского царя на Москву датируется 1523 г. (7031). Во-вторых, хан не назван по имени, а просто сказано: «Миньгиреев сын». В-третьих, согласно Хронографу, крымцы дошли до Коломны, что абсолютно не верно, так как в районе Коломны они как-раз форсировали Оку. Ну и в-четвертых, уход Мухаммед-Гирея объясняется автором рассказа исключительно вмешательством божественных сил: «по Божией милости ... прииде на него страх и побеже» [6, с. 463].

В другом приложении к Хронографу 1512 г. мы ещё раз встречаем рассказ о походе Мухаммед-Гирея на Москву, но он уже гораздо ближе к версии официального московского летописания. Есть здесь и уникальные данные, отличающие этот рассказ Хронографа от всех уже изученных нами. Так, в перечислении союзников Мухаммед-Гирея, выступивших с ним на Москву, вместо Большой Орды, о которой постоянно говорилось в летописях, составленных на основе Московского свода, говорится об Орде Заволжской, Ногайской. Впервые, из рассмотренных нами источников, упоминается предводитель отряда литовских людей – «Осташ Дашкав сын» (Остап Дашкевич) [6, с. 518]. Впервые в Хронографе говорится и о военных действиях казанского хана и родного брата крымского царя – «Сап-Гирея» (Сахиб-Гирея). Сказано, что приходил в это же время казанский царь на Муромские места и Мещерские.

Содержит Хронограф 1512 г. ещё и третий рассказ о приходе крымских татар на Москву. В этом рассказе впервые приводится число крымского войска вместе с союзными ногаями – «всех быти их 100 000 и 20 000 безбожных Агарян» [6, с. 538]. Цифра явно завышенная, но показывающая нам представления русских современников о разрушительной силе набега, отложившейся в историческом сознании. Но отмщение Мухаммед-Гирей получил от ногаев, которые убили его в Астрахани вместе с сыном, «проклятым Мамаем», и прочими врагами – крымскими татарами. Здесь явно автор перепутал сына Мухаммед-Гирея, калгу Бахадыр-Гирея, погибшего вместе с отцом под Астраханью в 1523 г., с их убийцей, ногайским бием Мамаем.

Таким образом, несмотря на то что рассказы из Хронографа о приходе крымских татар на Москву в 1521 г. содержат много ошибок и неточностей, в целом повторяя версию официального московского летописания,

они дают нам некоторый фактический материал для уточнения изучаемых исторических событий.

В н. 60-х гг. XVI в. была создана Степенная книга, для составления которой широко привлекалось официальное летописание. В текст этого источника был включен ряд самостоятельных произведений, в том числе Повесть о нашествии Мухаммед-Гирея 1521 г. [1, с. 43]. По сути, эта Повесть повторяет дословно рассказ, содержащийся в Никоновской летописи [5, с. 598–603]. Ничего нового к уже имеющийся у нас информации рассказ, содержащийся в Степенной книге, не дает. Стоит только отметить его тенденциозность, предвзятость и провиденциализм в описании интересующих нас событий.

Подводя итог, мы можем выделить 3 группы летописных источников по степени достоверности и объективности в изложении информации. К первой группе источников относятся летописи, содержащие официальную точку зрения на происходящие события и старающиеся объяснить их причины с точки зрения провиденциалистской историософии. Для концепции, содержащейся в них, характерны следующие черты: замалчивание неудач русского воинства, попытка всячески оправдать бегство из Москвы великого князя Василия III, уничижительные оценки крымского хана и татар, малая степень информативности и попытка объяснения происходящего через вмешательство потусторонних сил. К этой группе источников относятся Никоновская летопись и Степенная книга.

Ко второй группе относятся летописные источники, в которых нашла отражение совсем другая концепция изложения событий. Её характерными чертами будут почти полное отсутствие провиденциалистских суждений при большом внимании к детализации описываемых событий. Они наиболее информативны и почти не содержат попыток как-то реабилитировать полное бездействие великого князя, и напротив, показывают нам решительные действия русских воевод, таких как Иван Хабар. Оценки татар и самого Мухаммед-Гирея здесь более сдержаны и вообще налицо попытка с рационалистических позиций освещать происходящие исторические события. Сюда мы можем отнести Вологодско-Пермскую и Воскресенскую летописи, Постниковский и Владимирский летописцы.

Ну и наконец к третьей группе летописных источников можно отнести Львовскую летопись и Хронограф редакции 1512 г., в которых отражена промежуточная позиция между провиденциалистской и рационалистической картиной видения хода исторического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Изд-во «Мысль», 1972. 452 с.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 8. Воскресенская летопись (продолжение летописи по Воскресенскому списку). СПб.: Типография Э. Праца, 1859. 310 с.
3. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
4. ПСРЛ. Т. 20. 1-я половина. Львовская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. С. I–IV, 1–418.
5. ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. Книга Степенная царского родословия. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 343–708.
6. ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 578 с.
7. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
8. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М.: Наука, 1955. С. 7–146.
9. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский летописец. М.: Наука, 1978. С. 8–30.
10. Шалак М.Е. Смутное время в оценках русских современников и историческое сознание российского общества XVII века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. №1 (125). С. 36–40.

Сведения об авторе: Шалак Максим Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет (344006, ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); shemjchich@mail.ru

The campaign of Muhammad Giray I to Moscow in 1521 in the light of a critical analysis of Russian historical sources

Maxim Shalak

Southern Federal University

Abstract. A little more than 500 years ago, in the summer of 1521, the Crimean Khan Muhammad-Giray made a campaign against Moscow, thus marking the beginning of almost 250 years of confrontation between Russia and Crimea. This confrontation

ended with the defeat of the Crimean Khanate and its incorporation into the Russian Empire. However, there is still no consensus among historians about the assessments of this event. Especially in light of the political events of recent years. Even more broadly, this topic concerns the building of Russian-Tatar cultural interaction in terms of developing their attitude to the common history of Eastern Europe. In the article presented, we will try to understand this through a comprehensive analysis of Russian historical sources of a chronicle nature. To achieve this goal, it will be necessary to establish the main circle of chronicle sources, dividing it into independent groups according to the degree of informativeness. It will also be necessary to identify the main narrative traditions, from the point of view of objectivity, in which the assessments and interpretations of the Tatars' march on Moscow in 1521 may differ from each other. As a result, 3 main traditions in the coverage of the events of the summer of 1521 will be highlighted. in Russian historical sources of a chronicle nature. The most important chronicle sources in terms of reliability and objectivity include the Vologda-Perm and Resurrection chronicles, Postnikovskiy and Vladimir chronicles. The least reliable and tendentious are the Nikon Chronicle and the Power Book. An intermediate position between the providentialist and rationalist historiographical position is occupied by the Lviv Chronicle and the Chronograph of the edition of 1512.

Keywords: The Crimean Khanate, Muhammad-Giray I, the Moscow state, Vasily III, Russian chronicle sources of the 16th century, Russian-Tatar relations

For citation: Shalak M.E. The campaign of Muhammad Giray I to Moscow in 1521 in the light of a critical analysis of Russian historical sources. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 21–32. DOI: 10.22378/kio.2023.1.21-32 (In Russian)

REFERENCES

1. Zimin A.A. Rossiya na poroge novogo vremeni (oчерki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.) [Russia on the threshold of a New Time (essays on the political history of Russia in the first third of the XVI century)]. Moscow: Mysl, 1972. 452 p. (In Russian)
2. Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL). Voskresenskaya letopis' (prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku) [Complete collection of Russian chronicles (PSRL). Vol. 8. The Resurrection Chronicle (continuation of the chronicle according to the Resurrection List)]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 310 p. (In Russian)
3. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 13. Part. 1. Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis' [The printing house of I.N. Skorohodov, 1904. 302 p.] (In Russian)
4. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 20. 1-ya polovina. L'vovskaya letopis' [Lviv chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. P. I–IV, 1–418. (In Russian)

5. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 21. 2-ya polovina. Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya [The Sedate book of the royal genealogy]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913, pp. 343–708. (In Russian)

6. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 22. Part. 1. Khronograf redaktsii 1512 goda [Chronograph edition of 1512]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1911. 578 p.

7. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya letopis' [Vologda-Perm chronicle]. Moscow-Leningrad: Academy of sciences of the USSR Publ., 1959. 412 p.

8. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 30. Vladimirskaia letopisets [Vladimir chronicler]. Moscow: Nauka, 1955, pp. 7–146. (In Russian)

9. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 34. Postnikovskii letopisets [PSRL. Vol. 34. Postnikovskiy chronicler]. Moscow: Nauka, 1978, pp. 8–30. (In Russian)

10. Shalak M.E. Smutnoe vremya v otsenkakh russkikh sovremennikov i istoricheskoe soznanie rossiyskogo obshchestva XVII veka [The Time of Troubles in the assessments of Russian contemporaries and the historical consciousness of Russian society of the XVII century]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki – News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences, 2004, no. 1 (125), pp. 36–40. (In Russian)

About the author: Maxim E. Shalak – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Special Historical Disciplines and Methods of Teaching History and Social Science of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (344006, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation); shemjchich@mail.ru

Крымские татары*

Алан Фишер

Аннотация. Данная работа представляет собой выдержки из перевода с английского языка второй части научного труда известного историка, профессора Государственного Университета в Мичигане (США) Алана Фишера. Его труд *The Crimean Tatars (Крымские татары)* был опубликован в 1978 году в США. Во второй части книги автор раскрывает следующий ряд вопросов: 1. Реорганизация Крыма; 2. Екатерина II и ислам; 3. Административная структура; 4. Крымскотатарское дворянство; 5. Крымское духовенство; 6. Эмиграция крымских татар; 7. Русская колонизация; 8. Российская администрация Крыма в XIX веке; 9. Административная организация; 10. Крымскотатарский класс мурз; 11. Крымскотатарское землевладение; 12. Военная служба крымских татар; 13. Города Крыма; 14. Крымскотатарские крестьяне; 15. Крымскотатарское национальное пробуждение; 16. Разрушение крымскотатарской архитектуры; 17. Россия и крымский ислам; 18. Образование; 19. Гаспралы (И. Гаспринский); 20. Последователи Гаспралы; 21. Младотатары (*The Young Tatars*); 22. Крымскотатарские патриоты. В целом, вторая часть работы рассматривает период пребывания Крыма в составе России.

Ключевые слова: крымские татары, эмиграция, колонизация, джадидизм, младотатары

Для цитирования: Алан Фишер. Крымские татары (3) / пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 33–86. DOI: 10.22378/kio.2023.1.33-86.

Екатерина II и ислам

Для всех было неожиданностью, когда в начале своего правления Екатерина II закрыла канцелярию новообращенных. Использование принуди-

* Перевод с английского Сейтхалиловой Л.С., Алиевой А.Ю. Перевод выполнен по изданию: Fisher, Alan W. *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. Продолжение. Начало см.: Алан Фишер. Крымские татары / пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58-114; 2022. Т. 9, № 2. С. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2022.2.99-128.

тельного обращения, очевидно, было неприятным просвещенной Екатерине. Однако в течение нескольких лет она продолжала использовать другие средства поощрения крещения религиозного меньшинства своего населения. Екатерина предпочитала использовать финансовые стимулы в достижении того, чего не удавалось осуществить силой.

В 1773 году Екатерина поручила Святейшему Синоду издать указ «О терпимости всех вероисповеданий...». Хотя в этом документе упоминались все вероисповедания, практически обсуждался именно ислам. В указе говорилось: «...как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил... поступать изволит, желая только чтоб между подданными... всегда любовь и согласие царствовало». Далее указ запрещал «всем епископам и всем священникам» «разрушать мечети» и предписывал им «не вмешиваться в мусульманские вопросы и в строительство их молитвенных домов» [4].

Этот указ подготовил почву для экспериментов Екатерины в Крыму в период его независимости. Из данных экспериментов становится очевидным, что Екатерина рассматривала ислам как препятствие на пути социального и политического развития, но не как противоречащую религию. Она надеялась, что силовая политика модернизации в Крыму продемонстрирует крымским татарам выгоды и преимущества, которые можно получить лишь приняв российскую модель общества. Однако усилия самодержицы в Крыму привели к открытой враждебности татар к российской модели, и одно восстание сменялось другим. Независимость как возможность была отвергнута большинством крымскотатарской элиты, и аннексия¹ стала единственно возможным решением для императрицы. Екатерина не могла осознать тот факт, что в исламском обществе все сферы социальной, религиозной и политической жизни тесно взаимосвязаны. Мусульманское духовенство, хотя и не занимало высших политических постов, все еще неизменно сохраняло преданность населения, и блага современной цивилизации мало что могли изменить. Чтобы добиться лояльности и поддержки со стороны крымскотатарского населения, России необходимо было предпринять нечто иное.

Главным архитектором новой политики был барон Игельстром из Риги, представитель еще одного российского меньшинства – балтийских немцев. Его советы и нововведения стали основой для решения Екатериной этой важной проблемы в Крыму, а затем и в других российских мусульманских провинциях. Игельстром утверждал, что любая политика, игнорирующая мусульманское руководство, будет обречена на провал. Российское государство вынуждено воспользоваться этим мусульманским ру-

¹ В российской историографии принят термин «присоединение».

ководством, чтобы иметь возможность ассимилировать мусульманские массы бюрократическим путем. Кроме того, Игельстром полагал, что в случае успеха этой политики мусульмане могут быть полезны для продвижения российских имперских интересов в Центральной Азии. В результате, после аннексии (см. сноску 2) Крыма правительство проводило доброжелательную программу в отношении мусульман полуострова. Они включили исламское духовенство в категорию чиновников империи и создали мусульманские институты под прямым контролем правительства. Именно на этом фоне происходила реорганизация новой Крымской губернии.

Следует помнить, что пятнадцать лет беспорядков разрушили традиционные социальные связи в крымском обществе. Христиане были изгнаны с полуострова, приостановилось сельскохозяйственное производство, крымскотатарские крестьяне были доведены до состояния полного обнищания, а экономика, основанная на власти мурзы, имела столь же негативные последствия. Лишь мусульманское духовенство избежало серьезных потрясений. Добиться приверженности и поддержки крымских татар русским было нелегко.

В манифесте об аннексии было обещано: «Горжественно и бесповоротно для нас самих и наших преемников относиться к жителям этой страны как к нашим подданным; охранять и защищать их собственность, их мечети и их религиозные традиции как своих собственных граждан» [5]. Нет сомнений, Екатерина была абсолютно уверена, что аннексия вызовет лишь незначительные потрясения в социальной и религиозной жизни татар.

Князь Г.А. Потемкин, руководивший всей имперской политикой России на юге, издал общий приказ, касающийся всех русских военных и офицеров в Крыму, в котором излагалось следующее: «По присоединении татарского народа к суверенитету Ее Императорского Величества крайне важно, чтобы собственность была уважена, и наша армия обращалась с местными жителями как с братьями». О каждом случае проблем с местным населением следовало немедленно докладывать ему. В обязанности барона Игельстрема входило следить, чтобы его офицеры «защищали местных жителей от неприятностей со стороны солдат, и ничего не могло быть взято без её добровольной продажи». Барон Игельстром обязывался: 1) поддерживать культуру и религию татар; 2) заботиться, чтобы татары не были призваны в армию против их воли; и 3) следить, чтобы русским офицером не «позволялось входить в гаремы татар» [6].

Административная структура

Эта цель должна была быть достигнута путем минимальной политической реорганизации. Впервые полномочия хана были возложены на

нового русского губернатора, который одновременно со своей властью совмещал политическую и военную власть хана. И первым таким губернатором стал сам Игельстром, действовавший под непосредственным руководством князя Потемкина.

В остальном административная структура Крыма должна была остаться такой же, какой она была до 1783 года. Однако, политические и военные задачи должны были быть разделены, поскольку по прошествии столь короткого времени после аннексии и Екатерина, и Потемкин испытывали недоверие относительно намерений Османской империи и хотели быть уверены, что русские войска будут наготове в случае, если османы попытаются повернуть вспять события, имевшие место в 1783 году. Это разделение было достигнуто путем создания двойной, и во многом параллельной политической структуры на полуострове. Гражданское правительство было укомплектовано почти исключительно крымскотатарскими чиновниками из предыдущих крымских администраций, в то время как военный аппарат состоял из офицеров русской армии. Обе администрации находились под властью Потемкина и его представителя в лице барона Игельстрома.

Политику, которую русские с самого начала проводили в новой крымской провинции, вкратце можно охарактеризовать следующим образом. Царица попросту включила Крым в структуру империи и не рассматривала его как отдельный регион. Лейтмотивом этой политики было отсутствие определенной заинтересованности в Крыме как особом регионе, отличном от остальных южных рубежей России. В Таврическую область в 1784 году, а затем в Таврическую губернию после 1802 года вошли территории, которые исторически не являлись частью того или иного крымского национального образования, и которые служили политическим и экономическим целям, не имеющим ничего общего с потребностями крымских жителей. В результате аннексии полуостров потерял свою особую идентичность: крымскотатарское население в результате территориальной реорганизации было размыто.

Поначалу Екатерина предприняла некоторые усилия, чтобы ввести крымских татар в административную систему полуострова. В 1783 году было создано Крымское окружное управление. Его возглавил Ширин-бек Мехметша, которому был присвоен русский чиновничий титул наместника (namestnik). Двое из бывших чиновников Шагин Герая, Гадини Кази Ага (Gadini Kazi Aga) и бывший кадиаскер Муследин Эфенди, присоединились к Мехметше в качестве его главных заместителей. В конце года их сменил Рудзевич (бывший Якуб Ага). Месторасположением окружного правительства стал Карасубазар, в прошлом резиденция Ширин бея.

К июню 1784 года число бывших крымскотатарских чиновников, согласившихся предложить свои услуги новому гражданскому прави-

тельству, возросло до одиннадцати. Было ясно, что на данный момент Екатерина и Потемкин довольствовались тем правительством, которое они установили во время аннексии Крыма.

Военную администрацию поначалу возглавил генерал де Бальмен. Однако вскоре выяснилось, что он был причастен к ряду бесчинств в отношении населения Крыма в последние годы войны и продолжает враждовать с крымскими татарами. В конце 1783 года на барона Игельстрома была возложена и эта обязанность. По своей природе положительно настроенный к крымским татарам и уважающий их, Игельстром полагался на то, что крымскотатарские чиновники и его собственные военные офицеры будут действовать согласованно. Документы этих двух учреждений свидетельствуют, что на него ориентировались и те, и другие. Мехметша и Рудзевич чувствовали себя комфортно в обществе Игельстрома и верили, что любая предложенная им политика будет на пользу и крымским татарам, и русским [7].

Воссоздание системы каймаканств (*kaimakam*), впервые установленной ханами, было одним из первых попыток обоих учреждений. Хотя в своих отчетах в Санкт-Петербург Игельстром предпочитал использовать русский термин уезд, в пределах самого Крыма он не возражал против сохранения крымскотатарского названия и формы этого местного учреждения. Согласно указу правительства округа и военного ведомства, каймакамы (*kaimakams*) должны были быть руководимы татарскими кадиями – в большинстве случаев это кадии, служившие хану Шахин Гераю. Им был предоставлен полный спектр политических и полицейских полномочий в соответствующих кадиликах (административных единицах) [8].

Одним из компонентов прежнего гражданского крымскотатарского правительства, в первый же год перешедшего под контроль Игельстрома и русских колониальных чиновников, был сбор налогов. Заниматься этим было поручено Мавроени, бывшему казаку, который при Шахине был чиновником, отвечавшим за таможенные доходы Кефе.

Наибольшую сложность у русских вызвала необходимость заручиться поддержкой большинства крымскотатарского населения, находившегося под контролем крымских мурз. Русские обнаружили, что они мало знают об отношениях между знатью и народными массами. Более того, им не было известно, кем на самом деле были представители знати. Одно дело – желание относиться к местному населению гуманно и просвещенно, другое дело – понимать состав местного населения. Кроме того, необходимо было провести полный анализ существующей экономической структуры Крыма, прежде чем российские цели экономической экспансии и интеграции новой провинции в империю будут удовлетворены.

Вскоре после завершения создания системы двойного управления Игельstromу было поручено проанализировать экономическую структуру Крыма. Перед ним была поставлена задача установить точную информацию о численности, социальном и географическом соотношении мусульманского и немусульманского населения Крыма. Он должен был узнать, в каких видах экономической деятельности они принимают участие и каковы их доходы и поступления. Игельstrom, понимая, что лучше всего это можно будет выяснить у крымскотатарских лидеров, потребовал крымское окружное правительство и его руководителя Мехметшу подготовить ряд соответствующих отчетов. За информацией о немусульманском населении и его интересах Мехметша обратился к руководству христианской и еврейской общин.

Как вскоре выяснилось, собрать эту информацию было непросто. Годы гражданских беспорядков и русского вторжения проявились в разрушениях городских районов, и население покинуло районы конфликта. Кроме того, большая часть финансовых отчетов администрации Шахина была утеряна.

Несмотря на это затруднение, отчеты начали появляться в конце 1783 года. К июню следующего года работа по ним была доведена до конца. В отчетах содержались ответы на следующие вопросы: 1) Сколько кадиликов (судебных округов, находящихся под юрисдикцией кадия или судьи) было в каждом из каймакамликов (эквивалент бывшего бейлика или административного округа) и каковы они? 2) Сколько татарских деревень было в каждом районе, и сколько из них были малонаселенными или заброшенными? 3) Сколько христианских деревень было в каждом кадилিকে? 4) Сколько мечетей и церквей существовало в каждом каймакмалике и которые из них были повреждены? 5) Сколько индивидуальных жилых домов, пустых и заселенных, было в каждом городе, какие были христианами, а какие мусульманскими? 6) Сколько доходов было выделено ханскому правительству с каждого города? 7) Какие налоги на сельское хозяйство и животноводство были обычными для деревень? 8) Сколько чиновников, служащих и переводчиков требовалось для каждого каймакмалика? 9) Какое жалование необходимо для содержания этих чиновников?

Как видно из этого списка, информация, которой располагали русские, была скудной. Результаты опроса были весьма интересными.

Начнем с того, что ущерб, нанесенный экономике Крыма, оказался гораздо большим, чем предполагалось. Многие мусульманские и христианские города были малонаселенными. Тысячи домов и магазинов были заброшены. Двадцать процентов домов в Кефе и 10 процентов домов в Гезлеве лежали в руинах вследствие бесчинств де Бальмена в 1778 году. Большие, потенциально продуктивные сельскохозяйственные площади

были пусты и заброшены. Ни один уголок полуострова не избежал разрушительных последствий войны и мятежей. Предстояла огромная работа по возвращению Крыма к его прежней экономической продуктивности.

Основываясь на этой информации, Игельстром оценил численность крымскотатарского населения всего полуострова в 53 616 мужчин, что дает примерную численность мусульман в 150 000 человек. Игельстром был убежден: это означает, что за годы, прошедшие с 1772 года, население сократилось на 50 процентов [9].

Крымскотатарское дворянство

Вторая по важности из поставленных перед Игельстромом задач касалась прослойки мурз и их растворения в более широкой среде русского дворянства. Хотя Екатерина намеревалась позволить крымским татарам максимально следовать своим социальным обычаям, она не видела противоречия в попытке интегрировать различные крымскотатарские классы в российское общество. Она была убеждена, что мурзы поймут, что им нечего терять, если воспримут российские социальные сословия с их экономическими и социальными привилегиями.

Политика Екатерины в Крыму была тесно связана с ее программами в других мусульманских регионах Российской империи. В 1784 году она приказала полностью «реабилитировать» и восстановить «те права, которыми когда-то пользовались казанские татары» и которых они были лишены Петром I в начале века. В типичном для нее стиле указ Екатерины гласил: «Сии мурзы в течение некоторого времени и по разным причинам не имели возможности извлекать прибыль из имущества, унаследованного ими от предков». Далее в нем говорилось: «Мы желаем, чтобы каждый мурза, независимо от его национальности или веры, имел личное право на эти земли и любые преимущества, которые он получит от их использования» [10].

В мае 1784 года Екатерина поручила Потемкину проконтролировать, чтобы крымскотатарские мурзы «пользовались той же благосклонностью Нашего Императорского Величества» [11].

В следующем году, когда «Жалованная грамота дворянству» ввела масштабную реорганизацию всего российского дворянства в кастовую систему с ограниченным самоуправлением, крымскотатарская знать стала членом нового Крымского дворянского собрания [12].

Екатерина просто объявила, что крымскотатарские мурзы представляют собой крымский эквивалент российского дворянства и им предоставляются привилегии, которые российские дворяне приобрели в 1775 и 1785 годах. Но в течение последующих пятнадцати лет стало очевидно, что существовали сложности, связанные с применением этих принципов.

Одной из основных проблем дворянских собраний в России в последующие несколько лет было определение их членства. В Крыму эта задача была сложной вдвойне. В то время как русские дворяне часто могли представить официальную документацию о своих землевладениях или свидетельства службы и отличия своих предков, крымские мурзы испытывали трудности с предоставлением документов, удовлетворяющих русских чиновников. Существенно отличающееся разделение земель между династией Гераев и влиятельными кланами, в сочетании с проблемами мурз меньшего ранга, означало, что при рассмотрении притязаний на дворянство российские чиновники не могли полагаться на российские образцы.

Для решения этого вопроса Игельстром считал необходимым созвать специальную Татарскую комиссию. Комиссия, почти полностью состоящая из крымских татар, обнаружила, что у большинства мурз, проживающих на землях Гераев, не было никаких документов, подтверждающих их дворянский статус. В результате комиссия в большинстве случаев была вынуждена принять устные заверения. Комиссия была распущена в конце 1785 года, тогда же она объявила о присвоении дворянского звания 334 крымским мурзам [13].

Первоначально, до начала широкомасштабной славянской колонизации, крымскотатарским *дворянам* была предоставлена привилегия владения крымскотатарскими *крепостными*. В то же время правительство решило, что в Крыму русские *помещики* («землевладельцы» или «владельцы крепостных»), не могут иметь права закабалить татар-мусульман в Крыму, поскольку это только усугубило бы и без того напряженные отношения между двумя нациями. Далее правительство постановило, что крымскотатарские крестьяне, проживающие на землях, не подконтрольных крымскотатарским *мурзам*, должны именоваться государственными крестьянами, что обеспечит им «более справедливое» отношение по сравнению с обращением с ними как с крепостными [14].

Эта политика грозила обернуться рядом серьезных проблем для крестьян, *мурз* и чиновников в следующем столетии, поскольку крымскотатарские крестьяне, проживающие на землях русских *помещиков*, сохраняли больше свободы, чем находящиеся в поместьях крымских *мурз*.

Результаты интеграции прослойки *мурз* в российское дворянство были неоднозначными. С одной стороны, некоторые крымские дворяне сохранили контроль над землями и населением, которые они контролировали до аннексии. Это обеспечило элемент преемственности в земельных и социальных отношениях, которые были бы нарушены в результате полной русификации. С другой стороны, эти изменения привели к русификации самих *мурз*. Чтобы работать наравне со своими российскими коллегами, *мурзы* сочли необходимым перенять у русских привычки, язык и методы

ведения дел с учетом сословной специфики. Особенно это касалось их участия в местных дворянских собраниях. Как отмечает Раефф [Raeff], эта русификация части элиты без соответствующего изменения в массах привела к неизбежному расколу, во многом аналогичному тому, что происходил в России на протяжении столетия [15].

Крымскотатарское духовенство

Чрезвычайно пристальное внимание после аннексии было уделено другому важному элементу крымской элиты – мусульманскому духовенству. До 1783 года наибольшая враждебность по отношению к русским исходила именно от этого сословия. Оно было тесно связано с Османской империей. Имевшая место твердая убежденность в необходимости постоянной борьбы с неверными, живущими «за гранью ислама», была столь же реальной в XVIII веке, как и в XVI.

Однако именно благодаря высшим слоям этого самого духовенства русские управители, в конечном счете, обрели существенную поддержку со стороны местного населения. Такая победа чиновников стала возможной во многом благодаря искусной политике, начатой Игельстромом в Крыму, а затем продолженной в Поволжье. Игельстром полагал, что только через исламское духовенство можно завоевать простых людей. Влияние мусульманского духовенства на взгляды и мировоззрение местного населения было очень сильным и при умелом использовании оно могло быть весьма полезным для русских.

Его замысел заключался в том, чтобы привлечь духовенство в качестве основного инструмента управления империи над крымскими татарами. Изначально его программа гарантировала сохранение всех их социальных и экономических привилегий при новом режиме и отсутствие каких-либо изменений, которые могли бы повлиять на их положение в вопросах религии, образования или местного правосудия. Более того, они были включены в государственную платежную ведомость для получения дополнительных финансовых льгот. К концу 1783 года представители духовенства, включая имамов и муэдзинов отдельных мечетей, получали зарплату. Как подтверждают факты, подавляющее большинство духовенства приняло эту привилегию.

На момент аннексии представители духовенства Крыма занимали множество высших государственных должностей: муфтий, кадиаскер, кадии. В системе высшего образования духовенство сохраняло контроль над преподавательскими и административными должностями. К тому же их общая численность была высокой. В 1783 г. в стране насчитывались 1531 мечеть со своим штатом, 21 текие («монастырь»), 25 медресе и 35 мектебов (высшие и начальные школы). Муфтию Мусалару Эфенди и кадиаскеру

Сейт Мехмет Эфенди была назначена годовая зарплата в размере 2000 рублей. Это ставило их на один уровень с представителями духовенства Русской православной церкви [16]. Обширные земельные владения исламского духовенства также были гарантированы российской администрацией. Вакуфы, число и размеры которых увеличились за последние десятилетия ханства, не подлежали российскому налогообложению, и российским чиновникам и вновь прибывающим поселенцам было отказано в их получении. По подсчетам Игельстрома, почти 30 процентов плодородных земель на полуострове попадали под эту категорию. Мусульманское духовенство также было освобождено от налогов и получило право на владение крепостными, хотя представителям православной конфессии в этой привилегии было отказано. Сочетание этих мер давало российской колониальной администрации возможность добиться мирного перехода от мусульманского правления к российскому.

Возможно, в долгосрочной перспективе это стало бы возможным, если бы в течение XIX века эта политика не претерпела неоднократных изменений. По сути, деятельность Игельстрома оказалась настолько успешной, что в 1785 году он был переведен из Крыма в Поволжье, чтобы в дальнейшем и там осуществлять начатую им политику по интеграции региона.

Эмиграция крымских татар

Вскоре после аннексии возникли и другие серьезные проблемы. Это и увеличивающийся отток крымских татар из Крыма, и начало славянской колонизации Крыма. Было совершенно очевидно, каковы бы ни были намерения российского правительства, присутствие в Крыму большого количества солдат и офицеров низшего звена приведет к пренебрежению приказами свыше и породит русско-крымскую вражду. Необходимо было часто повторять запреты правительства на плохое обращение с местным населением. Напоминания о том, что Крым нельзя было считать вражеской территорией, исходили из канцелярии Игельстрома почти еженедельно. Однако по всему полуострову русские все еще оказывали определенное давление на крымских татар. В итоге, это повлекло за собой начавшееся широкомасштабное переселение татар в Османскую империю [17].

Поначалу уезжали в основном крымские татары, тесно связанные с ханом Шахин Гераем, которые покинули страну вместе со своим свергнувшим правителем. Кроме того, среди 8000 крымских татар, выехавших в 1783 и 1784 годах, было много османских подданных, живших в Кефе. Потемкин предвидел возможность такого развития событий и велел войсковым частям в портовых городах не препятствовать тем, кто желает уехать в Османскую империю [18].

Гораздо более серьезная эмиграция произошла в 1785–1788 годах; ее кульминация пришлась на месяцы после подписания Ясского мира между Россией и Османской империей 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г. по новому стилю), когда османы навсегда оставили все надежды на возврат Крыма под мусульманское правление. Хотя, согласно некоторым оценкам, в эти годы уехало до 100 000 крымских татар, более вероятным представляется, что их число составляло 20 000 или 30 000 человек [19].

Русская колонизация

К 1789 году стали предприниматься меры по осуществлению русской колонизации, и для многих татар это показалось последней возможностью уехать в мусульманскую страну и захватить хоть какое-то нажитое добро. Вполне вероятно, что некоторые из *мурз* более низкого ранга, не получившие столько же привилегий, сколько те, кто был принят во дворянство, предпочли рискнуть на османской службе. Рудзевич в то время утверждал, будто бы некоторые мурзы в деревнях говорили, что «оставаться подданными Ее Императорского Величества противоречит исламскому закону» [20]. Однако тот факт, что эмигрировавшие не были ни крестьянами, ни духовенством, а скорее дворянами более низкого ранга и некоторыми городскими жителями, имевшими торговые интересы в Османской империи, позволяет игнорировать подобное утверждение.

Поскольку одной из главных задач российского правительства было извлечение потенциальных экономических выгод от аннексии, следовало ожидать, что будет сделано все возможное для стимулирования экономического восстановления и развития. Однако в последующие годы после 1783 года оно не продвигалось к этой цели последовательно и энергично. Только земли, принадлежавшие правящей династии Гераев и ее ближайшим сподвижникам, были переданы государству для собственной эксплуатации. Большая часть обширных земельных владений, раздаренных в огромных масштабах фаворитам Екатерины, происходила именно из земель Гераев. За исключением участков, сохраненных для строительства крепостей или портовых сооружений, в течение десятилетия после аннексии у других крымских подданных земли практически не конфисковались. Земли, освободившиеся в результате эмиграции татар в конце 1780-х годов, также нельзя назвать обширными земельными владениями. Из источников того периода, как, например, отчета Ричарда Уиллиса 1785 года, в котором он утверждает, что Крым в значительной степени заселен русскими крепостными, находившимися под ярмом русских управляющих и помещиков, отчетливо видно, что к началу XIX века на полуострове насчитывалось всего 8746 русских крепостных (включая детей) [21].

Можно привести несколько ярких примеров крупных земельных пожалований, сделанных фаворитам Екатерины или другим чиновникам, принимавшим участие в управлении.

Только в 1784 году Потемкин раздал своим чиновникам и друзьям более 73 000 десятин (*desiatins*) государственной земли. Своему союзнику Безбородко он подарил «красивую усадьбу в г. Судак» с 18 000 *десятин*. Попов получил более 32 000 *десятин*. Ширин *бею*, председателю Крымского окружного правления, было пожаловано более 27 000 *десятин* и т.д. Но масштабная колонизация и переселение крымских татар произошли уже в следующем столетии, когда среди колонистов можно встретить «отставных солдат, казаков, греков, валахов, армян, немцев, болгар и евреев» [22].

К 1793 году, по данным Палласа, население Крымского полуострова составляло [23]:

	Мужчины	Женщины
Татарское дворянство	570	465
Татарское духовенство	4,519	4,105
Простые татары	48,484	99,280
Мусульманские рабы	343	405
Ногай татары	4,331	3,593
Цыгане	1,664	1,561
Татарские купцы	1,780	1,048
Христиане (не русские)	6,220	5,346
Слуги	1,185	247
Русские крепостные крестьяне	110	116
Русские колонисты	4,861	3,397
Поселенцы, недавно основанные дворянством	1,987	586
Казаки	5,803	0
Христианское духовенство	89	33
Слуги и офицеры короны и их семьи	382	270

Таким образом, к этому времени число тех, кого можно было отнести к колонистам или русским, переселившимся в Крым в результате аннексии, было невелико. С изменением политики правительства и отменой в XIX веке многих просветительских программ, организованных Игельстромом и Екатериной, ситуация изменилась. В то же время аннексия и политика государства в последующие годы, казалось бы, представили для крымских татар возможность более мирного перехода.

9. Российская администрация Крыма в XIX веке

XIX век – самый трудный для описания и оценки в истории крымских татар. В период ханства и после крымскотатарского возрождения, которое происходило в конце XIX века, крымскотатарские интеллектуалы и политические деятели много писали о себе. Иностранцы, современники и очевидцы событий того времени также оставили значительное число письменных свидетельств о крымских татарах в эти периоды. Но за столетие, которое началось с аннексии Крыма Россией в 1783 году и продолжалось до 1889 года и возникновения новой крымской культуры во главе с Исмаил беем Гаспралы, историки не имеют практически никакого необходимого исходного материала из крымскотатарских или других нерусских источников. Хотя эти сведения весомы в количественном отношении, их качество не позволяет дать полную картину жизни крымских татар того периода.

Русская администрация в этот период спровоцировала появление ряда существенных противоречий, отрицательно повлиявших на процесс развития татарского народа. В значительной степени причиной их возникновения являлось то, что правительство не проявляло большого интереса к крымским татарам как к особой группе, а регион как таковой не рассматривался в качестве колониальной территории. Следующая характеристика Крыма конца XIX века, написанная в 1951 году советским апологетом депортации татар, которая произошла в 1944 году, вполне могла быть сочинением русского писателя XIX века, выражающего общепринятое мнение о Крыме того времени:

«В некоторых исторических трудах Крым в конце XIX века рассматривается лишь как аграрная граница, провинция, колония царской России. Но эта точка зрения явно ошибочна: 1) Крым по своему экономическому развитию к концу XIX века фактически развивался не хуже центральных губерний нашего государства; 2) Крым никак нельзя считать колонией, потому что крымская земля издревле была русской землей, и поэтому присоединение Крыма к России не было завоеванием чужой земли, а было воссоединением и восстановлением прав русского народа на свою землю; 3) Экономическое развитие Крыма было осуществлено русскими, города были построены русскими рабочими, поля обрабатывались в подавляющем большинстве русскими крестьянами» [1].

На протяжении XIX века крымские татары подвергались одной из самых жестких политик русификации в империи. Однако к концу века среди крымскотатарской интеллигенции возникло новое движение, которое послужило основой для национального движения в период революции 1917–1921 годов и привело к созданию относительно успешной системы национального коммунизма, подчеркивающей крымскотатарскую культурную и

политическую идентичность. В этой и следующей главах будут рассмотрены истоки этого парадокса.

Административная организация

То, что российское правительство не видело ничего особенного или необычного в крымских татарах, лучше всего подтверждается территориальной и организационной политикой, которую оно проводило на полуострове. С 1784 года российские официальные лица рассматривали Крым как часть южной приграничной зоны. Когда в феврале 1784 г. была образована Таврическая область, в ее состав вместе с полуостровом были включены территории, исторически не входившие в состав ханства.

Первоначально область состояла из семи районов, четыре из которых находились на полуострове (Симферополь, Феодосия-Кефе, Евпатория-Гёзлеве и Перекоп, протянувшийся до Мариуполя на северном побережье Азовского моря), один на Таманском полуострове (Фанагория) и два в северной степи (Днепровск и Мелитополь). Включив три некрымских района, правительство создало область, которая не являлась однородной ни в этническом, ни в историческом плане и служила политическим и экономическим целям, не совпадавшим с целями крымцев [2].

Первым губернатором области был князь Григорий Потемкин, которому помогал главный администратор В. Каховский. Интересы Потемкина на юге с 1784 года и до самой его кончины в 1791 году выходили далеко за рамки заботы непосредственно о самом Крыме. Екатерина II исполняла обязанности губернатора с 1791 по 1793 год [так у Фишера], а затем назначила на пост губернатора своего фаворита Платона Зубова, который он занимал до конца ее царствования [3].

Император Павел, не проявлявший никакого интереса к Крыму, реорганизовал южные пограничные регионы исключительно в рамках полного отказа от достижений своей матери. В декабре 1796 г. он объединил Таврическую область, Вознесенскую и Екатеринославскую губернии в одну огромную губернию, названную Новороссийской. Он также объединил Симферопольский, Евпаторийский и Феодосийский округа в один крупный округ – Симферопольский. В продолжение своей работы по устранению последствий деятельности Екатерины он вернул крымские названия всем городам, которым в 1784 году были даны русские эквиваленты. Таким образом, Симферополь снова стал Акмесджитом, а Севастополь был переименован обратно в Ахяр (однако это возвращение к крымской идентичности не нашло своего продолжения после правления Павла). Для крымских татар административные изменения в конце XVIII века повлекли за собой татаризацию по малым и русификацию по важным вопросам. В новой же

Новороссийской губернии крымские татары стали лишь небольшой частью в пределах преимущественно славянской приграничной провинции [4].

В 1802 году Александр I в рамках возвращения к политике своей бабушки, Екатерины II, вернул административное устройство южной границы к тому, что было в 1796 году. Упразднение Новороссийской губернии и воссоздание ее как Таврической области, теперь получившей название губернии, была образцом административной организации Крыма до 1917 года. И снова исконно крымские названия были заменены русскими [5].

С самого начала Симферополь (*Акмеçет*) был губернским центром Крыма. Это была резиденция не только губернаторов и их помощников, но и татар, сотрудничавших с ними. Как дом бывшего *калга* Шахин-Герая и резиденция русских советников последнего хана, Симферополь стал логичной заменой Бахчисарая, чей древний дворец олицетворял независимое прошлое.

Губернаторы, назначаемые на эту должность в Симферополе, состояли частью из чиновников, делающих карьеру, и выходцев из старинных и знатных российских родов. Такие имена, как Милорадович, Нарышкин, Пестель, Адлерберг и Кавелин, принадлежат представителям знатных родов, а Мертваго, Трепов, Казначеев и Баронав – представителям чиновников [6]. По иронии судьбы, единственным высокопоставленным административным чиновником в Крыму, которого любили здесь и память о котором значима в их исторической литературе, был Арман Дюк де Ришелье, который вообще никогда не был губернатором Крыма, а был губернатором сначала Новороссийской, а затем Херсонской губернии в Херсонской области [7].

В Симферополе губернская администрация была представлена регулярным губернским правительством и гражданским и уголовным судами. Губернское правительство состояло из двух отделов, оба из которых в XIX веке были укомплектованы русскими чиновниками. Отстранение крымских татар от этих важных ветвей местного управления объяснялось тем, что «крымские татары не знают русского языка и поэтому не способны понять административные вопросы, которые поступают на рассмотрение в эти органы» [8].

Тот факт, что Сенат, ответственный за указ о создании новой губернии в 1802 году, счел необходимым обосновать это исключение, указывает, что по крайней мере некоторые члены чиновничьей бюрократии считали эту практику незаконной. Тем не менее, нет никаких доказательств, что на высших уровнях местными чиновниками после 1802 года были татары. На уровне губернии единственным утверждением татарского вопроса было создание переводческих отделов в каждом из подразделений, имевших

юрисдикцию в Крыму [9]. В единственном случае, когда российский закон указывал, что местные жители должны быть представлены в государственных учреждениях, право иметь «право» голоса в судебной администрации получили только русские крестьяне [10].

Только на уровне отдельных регионов татары смогли предпринять какие-либо усилия, чтобы повлиять на административную политику России. В уездных судах, полицейских управлениях и городских управах в протоколах случайно упоминается крымский татарин. Однако даже на этом уровне участие крымских татар было исключением [11].

Вероятно, в результате этого центральное правительство в Санкт-Петербурге получало постоянный поток информации о злоупотреблении властью и коррупции среди российских чиновников в Крыму. В 1816 году по рекомендации графа Ланжерона, военного губернатора Херсонского военного округа, Сенат учредил специальную комиссию для расследования растущего числа поступающих в Петербург жалоб на различные проступки местных российских чиновников. К сожалению, никаких отчетов об этих расследованиях или о какой-либо корректирующей политике со стороны правительства до нас не дошло [12].

Крымскотатарские мурзы

Социальная политика России в Крыму в XIX веке была сложнее, чем ее административная программа. Правительство проводило разную политику по отношению к различным слоям крымского общества – *мурзам*, городскому сословию и крестьянам, и это в течение столетия привело к усилению социальной дифференциации. В период ханства мурзы контролировали больше земель и богатств, чем любая другая социальная группа; на своих землях крестьяне-мусульмане сохраняли личную свободу, ограниченную лишь финансовыми обязательствами перед землевладельцами-*мурзами*. Мурзы также привыкли к высокому уровню политического участия через свои собрания (курултай) и должности, которые они занимали в ханской администрации. Крымское городское сословие также играло важную роль в качестве ремесленников и торговцев. Тем не менее, оно разделяло свою позицию с многочисленными христианскими меньшинствами, почти все из которых жили в городах Крыма.

Российское правительство попросту решило, что *мурзы* станут крымским эквивалентом российского дворянства. И Екатерина II, и Потемкин пытались включить класс *мурз* в его российский аналог, и таким образом надеялись облегчить переход для остального населения. Однако вскоре стало очевидным, что применить российские законы к татарскому дворянству автоматически и легко не получится. Годы войны и период совместного проживания настолько нарушили порядок в системе взаимо-

связей между *мурзами* и земельными владениями, что русские губернаторы не могли решить, кто из крымских татар является дворянами и какие земли им принадлежат.

Кроме того, категории крымскотатарской знати не соответствовали тем *дворянским* категориям, а *мурзы*, которым было трудно приспособиться к новой системе *дворянства*, не всегда могли действовать по правилам и нормам этого сословия. Они не знали русского языка (который использовался во всех дворянских делопроизводствах, и им было неловко сидеть рядом со своими бывшими недругами (чувство, которое было взаимно). Следовательно, они сопротивлялись попыткам правительства приспособить их к новым формам. Наконец, смена административных форм на новой территории, за которой вскоре последовали новые изменения в 1802 году, спутали все сферы правительственных дел. Крымским татарам перед лицом этих трудностей повезло иметь губернаторами группу чиновников, которые сочувствовали их тяжелому положению и искренне пытались решить проблемы справедливым образом.

Самыми значимыми из этих губернаторов были Семен Жегулин, служивший с 1788 по 1797 год, Григорий Милорадович, служивший с 1802 по 1803 год, и Дмитрий Мертваго, служивший с 1803 по 1807 год [13].

В конце 1794 г. года Жегулин потребовал от правительства подтверждения прав крымскотатарской знати «на поместья и другие привилегии», на которые их ранг мог претендовать [14]. Он сообщил, что в предыдущие годы татарская знать была постоянно обескуражена рядом спорных мер относительно их привилегий. И даже в этом случае, кажется, реальная причина данных противоречивых мер была не столько в злонамерениях со стороны чиновников, сколько в недостаточном уровне знаний о статусе *мурзы* в крымскотатарском обществе.

С реорганизацией Таврической губернии в 1802 году новый губернатор Г. Милорадович просил и получил полномочия учредить в Крыму комиссию, состоящую как из русских чиновников, так и из крымских *мурз*. Его цель состояла в том, чтобы дать некоторое четкое определение понятия крымскотатарской знати и применить законы *дворянства* среди крымских татар. Комиссию возглавил тайный советник и сенатор Лопухин. В ее состав от России входили директор исследовательского отдела Ланский, действительные статские советники Туманский, Крейтер и Павел Сумароков. Были также включены представители русских *помещиков*, крымскотатарских *мурз* и городских жителей.

Крымскотатарское землевладение

Указ о создании комиссии повторял обещания о защите прав *мурз* на землю – обещания, которые были даны сначала в манифесте об аннексии, а затем в указе 1794 года. То, что правительство в течение последующих десяти лет издавало указы, повторяющие эти обещания, говорит о том, что их выполнение было нелегкой задачей [15].

Работа комиссии была затруднена обстоятельством, что ряд событий, имевших место в период между 1783 и 1802 годами, внес путаницу в существующие вопросы. Значительное количество земли уже было пожаловано Екатериной русским *помещикам*. Большая часть земель, оставленная *мурзами*, эмигрировавшими в Османскую империю, была передана татарам, сотрудничавшим с российским правительством; многие из этих татар не являлись носителями традиционного титула *мурзы*. Так, например, Баттал-бей, бывший османский *паша* (*pasha*), перешедший после 1783 года на русскую службу, в 1792 году получил более 10 000 десятин (*desiatins*) земли [16].

В начале 1805 года Чернов, русский помещик, от имени русских членов комиссии потребовал игнорировать жалобы татар и требования о возвращении земель. Лопухин, по совету Сумарокова, отклонил эту просьбу. Но это показало, что не все группы в комиссии работали для достижения одних и тех же целей. Наконец, в 1807 году крымский губернатор Мертваго попросил комиссию разобраться, какие семьи крымских *мурз* к какому сословию крымской знати принадлежат. Под угрозой роспуска за непредставление сведений, после которого решения по этим вопросам будут приниматься только губернатором, комиссии потребовалось всего несколько месяцев, чтобы сделать некоторые выводы; они просто решили, что большинству татарской знати будет присвоен титул *дворянина* [17].

В заключительном докладе комиссии говорилось, что земли, занятые к этому времени, а также пустующие и те, которые можно доказать, что когда-то они были частью семейного достояния, будут зарегистрированы как поместья, принадлежащие семье *мурзы*. Не предпринимать никаких попыток восстановить земли, изъятые у *мурз* после 1783 года, и исключить татар без земель. Кроме того, татары, поступившие на русскую службу и получившие гражданские и военные чины, должны были быть возведены в ранг *дворянства* со всеми вытекающими привилегиями, даже если они не принадлежали ни к одному из традиционных родов *мурз*. В 1810 году после принятия этих рекомендаций комиссия была распущена [18]. Однако, несмотря на эти рекомендации, проблемы крымской знати сохранялись. Перед лицом славянской колонизации и захвата земель в этом районе, недоверия со стороны российских чиновников и потери значительной

части своего богатства после 1783 года, авторитет и престиж *мурз* постепенно ослабевали.

Хотя российские законы того периода и создают впечатление, что права и привилегии, предоставленные *мурзам* после 1783 года, были сохранены и постоянно подтверждались, но, фактически, следующие один за другим указы, требовавшие введения для них *дворянских* прав, указывают, что они либо не получили их, либо не смогли сохранить эти права. Например, в 1835 году был издан указ, разрешающий (будто бы впервые) крымским *мурзам* принимать участие в выборах *дворянства* – и это примерно через пятьдесят лет после того, как они уже получили это право [19].

В 1839 году впервые крымским *мурзам* было предоставлено право, которым их российские коллеги пользовались более века. Они могли зарегистрировать своих детей в звании *дворянина* до того, как их дети пройдут какую-либо государственную службу [20]. Затем, в 1840 году, был издан указ (опять-таки, как будто впервые), в котором говорилось о том, что мусульмане, проживающие в Таврической губернии, имеют право на получение *дворянского* чина [21].

Эти права, обещанные в манифесте об аннексии и ратифицированные в эдиктах 1784 и 1794 годов, были в 1840-х годах привилегиями, предоставленными только специальным правительственным указом. Кроме того, все большее давление на татарское землевладение оказывало все увеличивающееся славянское население, представители которого гораздо лучше справлялись с бюрократической системой. В Симферополе в 1829 и 1830 годах были открыты новые конторы и комиссии для наделения земель и решения споров между крымскими татарами и русскими. Крымскому дворянству было предложено избрать представителей в эти комиссии. Представители должны были быть выбраны из родовитых *мурз*, которые «легко справлялись с русским языком» [22]. Но предпринятые действия мало что сделали для облегчения растущего обнищания традиционной крымскотатарской элиты.

Несмотря на эти трудности, некоторые татарские *мурзы* адаптировались к русским принципам и служили государству как в гражданском, так и в военном отношении. К концу XVIII века трое из числа крымскотатарских *мурз* были награждены чином коллежского советника: Мехметша Бей становится предводителем крымского дворянства Таврической области, Казиндар Мегметага (Мехмет ага) назначается областным судьей, Темир Ага – советником крымской секции местного гражданского суда. Кроме того, было пять крымских коллежских асессоров (заседателей): Кутлуша Ага (советник палаты уголовного суда), Аджи Гази Ага (назначен асессором палаты гражданского суда), Мехметша Мурза (советник казен-

ной палаты), Хамит Ага (советник казенной палаты) и Джаум Ага (ассессор палаты уголовного суда) [23].

Военная служба крымских татар

Еще более достойным упоминания является участие крымских татар в русской военной службе. В 1784 году Потемкин сформировал три крымскотатарских полка, которыми командовали бывшие военнослужащие армии Шахин Герая. Подготовленные еще до 1783 года русскими инструкторами крымскотатарские офицеры и их войска приняли участие в русско-османской войне, в результате которой был взят Очаков. Платон Зубов, исполнявший обязанности губернатора Крыма в последние годы правления Екатерины, сообщал, что татары хорошо несут службу, верны и заслуживают большой похвалы со стороны правительства [24].

С началом русско-французских военных действий в 1806 году Муртаза Челеби, муфтий крымского духовенства, обратился к губернатору Мертваго с просьбой о создании дополнительных крымскотатарских кавалерийских полков. В 1807 году были созданы четыре новых крымскотатарских полка, которыми командовали крымскотатарские офицеры. В мае 1808 года эти полки были отправлены на фронт под Вильно, где, согласно рапорту Херсонского уездного военного губернатора, «крымскотатарские отряды были одними из лучших». Вновь в 1812 году они участвовали в крупных сражениях на прусской границе. Из пятидесяти крымскотатарских офицеров, выходцев из Крыма, двадцать пять были убиты в бою. В результате достигнутых ими успехов Александр I в конце войны перестроил крымскотатарскую кавалерию в регулярные кавалерийские полки [25].

Несмотря на интенсивную эмиграцию представителей крымскотатарской элиты после 1815 года и несмотря на то, что русские продолжали возражать против их включения в состав дворян, крымскотатарские части продолжали достойно нести службу. В 1826 г. был создан крымскотатарский легкий гвардейский эскадрон, одна часть которого должна была служить в Санкт-Петербурге в составе царской легкой гвардии, а другая остаться на службе в Крыму. Во время османской войны в 1828 году петербургский эскадрон был отправлен в Варну, где он развеял любые опасения относительно продолжения поддержки крымскими татарами своих мусульманских и тюркских братьев. Этот легкий гвардейский эскадрон продолжал служить царям до военной реформы 1864 года [26].

В 1837 году, очевидно, по просьбе своих лидеров крымскотатарское крестьянство, освобожденное от призыва в армию после аннексии, получило разрешение подавать заявление о вступлении в армию. Несмотря на все эти факты в советском изложении истории Крыма обычно утверж-

дается, что «крымские татары никогда не были лояльными или заслуживающими доверия» [27].

Решающим испытанием для крымских татар на лояльность царскому режиму и полезность их в качестве военнслужащих российских вооруженных сил стала Крымская война, которая велась на их собственной земле против их религиозных единомышленников и этнических соседей. Но даже в это время большинство крымских татар оставались верными подданными. Хотя из соображений безопасности местный губернатор Пестель приказал вывезти местное гражданское население с побережья и переселить вглубь страны, крымские лидеры не оказали существенного сопротивления (это переселение используется некоторыми историками как доказательство недоверия правительства к крымским татарам).

Крымскотатарские полки, находившиеся на службе в Крыму, с успехом противостояли французам и англичанам, в то время как полки, дислоцированные в Санкт-Петербурге, несли караульную службу в Кронштадте. В 1863 году, отчасти в знак признания их заслуг во время войны, был создан специальный Крымский кавалерийский конвой для обслуживания самого царя.

Опять же в османской войне 1877–1878 годов крымские войска участвовали в боевых действиях как на Балканах, так и на Кавказе. Таким образом, нет никаких доказательств в пользу часто высказываемого и общепринятого утверждения о том, что крымские татары в XIX веке были совершенно неблагонадежными подданными. Значительная часть их участвовала в российских военных предприятиях и получила заслуженное вознаграждение за свою службу [28].

Эмиграция крымских татар

Однако Крымская война стала последней каплей для большого числа крымскотатарских *мурз*, так и не адаптировавшихся к требованиям российской службы: после войны значительная часть крымскотатарской элиты эмигрировала в Османскую империю. В этом заключается главная трагедия, постигшая крымских татар в XIX веке. Хотя по некоторым оценкам число крымских татар, покинувших Крым до конца XVIII века в связи с реорганизацией крымской территории в 1796–1802 годах, достигает 80 000 человек, основной отток произошел после Крымской войны [29]. Судя по всему, это стало результатом целенаправленной политики правительства, направленной на поощрение их отъезда.

До войны правительство стремилось не поощрять подобную эмиграцию. Находившийся в то время на посту губернатора Новороссии Дюк (герцог) де Ришелье инспектировал Крымский полуостров и пришел к выводу, что любой массовый «исход крымских татар будет иметь губи-

тельные последствия для этого района» [30]. Однако после Крымской войны ситуация претерпела изменения. По словам Александра II, присутствие крымских татар в Крыму было нежелательным и потенциально опасным. Он получил ложную информацию о том, что крымские татары в массовом порядке сотрудничают с французами и британцами, и на основании этого принял решение облегчить и поощрить их отъезд в 1859 году. Сообщается, что царь отозвался о крымскотатарской эмиграции: «Не подобает возражать против открытого или тайного исхода крымских татар. Напротив, эту добровольную эмиграцию следует рассматривать как благотворное действие, рассчитанное на освобождение территории полуострова» [31]. Османские источники подтверждают наличие большого числа беженцев из Крыма, временно проживающих в таких городах, как Синоп и Стамбул [32].

В этот период население Крыма сократилось с 275 000 в 1850 г. до 194 000 в 1860 г. Из них менее 100 000 крымские татары. Очевидно, что это был не лучший способ увеличить сельскохозяйственное и экономическое производство на полуострове. С некоторым запозданием правительство решило не поощрять дальнейшую эмиграцию. К середине лета 1860 года крымским татарам больше не выдавались паспорта, им угрожали тем, что каждому крымскому татарину, покидающему страну по какой-либо причине, будет отказано в возвращении. Однако ущерб уже был нанесен [33].

Царь решил, что с оставшимися крымскими татарами надо обращаться хорошо, иначе они тоже могут поддаться панике и эмигрировать при первой же возможности. В ноябре 1860 года граф Тотлебен (Count Tonleben), следователь правительства, рекомендовал «избавиться от идеи, что крымские татары были врагами государства, идеи, которая потом помогла спровоцировала эмиграцию» [34]. Однако оставшиеся крымские татары все больше осознавали будущую политику государства.

Города Крыма

Вскоре после аннексии политика России в отношении городов Крыма привела к серьезным изменениям и вызвала перемещение населения. За исключением Бахчисарая и Карасувбазара, города Крыма были переименованы, получив русские и другие нетатарские названия. Они стали виртуально славянскими и греко-армянскими островами в татарском море. Нетрудно понять, почему это произошло. Такие города, как Кефе и Гёзлеве, при крымскотатарском правлении игравшие важную экономическую роль в южной торговле, утратили свои функции с началом строительства русскими новых портовых городов. Расширение Севастополя и Балаклавы в качестве базы русского флота на полуострове, Херсона в устье Днепра и

Одессы далее на юг вдоль побережья привели к замене ими старых, важных крымскотатарских портов. Новые города были построены и заселены городским населением, предложенным правительством из чисто военных и экономических соображений. Кефе и Гёзлеве резко уменьшились в размерах и пережили экономический спад. Немногочисленные оставшиеся крымскотатарские городские слои населения уехали, переехав, в основном, в Бахчисарай, где проживало большое количество крымских татар. Некоторые крымские татары остались в Симферополе, административном центре полуострова, но в течение столетия доля крымских татар в населении Симферополя продолжала сокращаться и к концу века составила едва ли четверть его общей численности [35].

В Бахчисарае поддерживался закрытый вид традиционного татарского городского сообщества. Крымскотатарские ремесленники продолжали организовывать самоуправление, в основе которого была система гильдий. Гакстгаузен сообщал, что в течение года «каждая гильдия отмечает свои праздники, на которых подмастерья получают разряд и их объявляют мастерами своего ремесла» [36].

Во всех остальных городах Крыма крымских татар не допускали к участию в городском управлении. И нет никаких доказательств, свидетельствующих об участии крымских татар в городском самоуправлении в таких городах как Симферополь, Феодосия, Старый Крым, Евпатория, Мелитополь, Карасувбазар и Перекоп. Реестр полицейских управлений городов Крымской губернии за 1891 год свидетельствует о том, что только в Бахчисарае татары были представлены в чиновничьем аппарате. Единственным указом, признающим нерусских жителей крымского города, кроме Бахчисарая, является указ 1847 года, в котором пятидесяти крымскотатарским семьям давалось специальное разрешение поселиться «в особом квартале» в Керчи и иметь своего представителя в городском суде [37].

Это развитие событий серьезно повлияло на культуру крымских татар. До 1783 года крымские города выступали как в качестве центров встреч и коммуникаций общественного слоя «мурз», так и очагами крымскотатарского самосознания. В XIX веке без стимулирующего (каталитического) эффекта крымскотатарской городской жизни высшему классу становилось все труднее поддерживать свою собственную культуру. Лишь к концу века в старых крымских городах Бахчисарае и Карасувбазаре возник новый крымскотатарский городской класс, и это привело к возрождению национальной крымскотатарской культуры, которая по форме и содержанию сильно отличалась от той, что была до 1783 года.

Крымскотатарские крестьяне

У русских также были проблемы с крымскотатарскими крестьянами, составляющими почти 90 процентов населения полуострова. В период с 1768 по 1783 год больше всего пострадал рядовой крымскотатарский крестьянин. Он не принимал участия ни в политической жизни в последние годы ханства, ни в общественной жизни в период независимости и сопротивлялся попыткам модернизаций, проводимых Шахин Гераем.

Под влиянием местного мусульманского духовенства и многовековых традиций им было трудно приспособиться к новым путям, которых требовали российские власти. Вскоре новые российские чиновники в Крыму осознали эту проблему.

По отдельности крымскотатарские крестьяне всегда были юридически свободны. Они должны были платить определенные пошлыны и налоги *мурзам*, которые имели право пользоваться землями, на которых жили крестьяне. В ханстве никогда не было крепостного права, ни в каком его виде. Земельная комиссия Александра I выступала с защитой свободных крымскотатарских крестьян от усиливавшихся требований русских *помещиков* по поводу введения среди них крепостного права. Помешал этому именно Сумароков.

Хотя некоторые крымские татары утверждали, что по их давней традиции земли, отданные *помещикам*, должны были входить в состав земель, предоставленных крымскотатарским крестьянам, комиссия решила, что это будет уже слишком. Однако было решено, что труд и сборы, на которые могут рассчитывать помещики, будут основаны на принципах, преобладающих у крымских татар до аннексии. Те же самые доли крестьянских доходов, которые ханы и *мурзы* получали до 1783 года, теперь должны были забирать русские помещики [38].

Екатерина решила, что имперским интересам лучше всего послужит сохранение свободного статуса крестьян, но для этого ей пришлось включить их в класс российских государственных крестьян. Это создавало трудности для русских *помещиков*, получивших право владения крестьянскими землями. Губернатор Нарышкин в 1823 г. отмечал, что *помещик*, «получая землю с проживавшими на ней крымскими татарами, не имел права считать ее своей собственностью. Он не мог ни прогнать крымских татар, ни возложить на них обязанности, как хотел» [39].

Эта политика препятствовала ожидаемому правительством расширению сельского хозяйства в Крыму. Это также послужило поводом для *помещиков* и некоторых чиновников убедить крымских крестьян уехать во внутренние районы, где они потеряли бы свой законный статус, и в то же время освободить старые земли для крепостного права. Тем не менее, крымские татары, оказавшие сопротивление, обнаружили, что многие

местные хозяева могли рассчитывать на защиту от незаконного давления помещиков [40].

Когда во время Крымской войны многие крестьяне были изгнаны с побережья, помещики воспользовались предоставленной им возможностью и приложили огромные усилия, чтобы не допустить их возвращения. Они установили более высокие налоги и пошлины на возвращающихся крымских татар и захватили сельские источники водоснабжения, вынудив многих крестьян оставаться внутри страны или, в крайнем случае, эмигрировать в Османскую империю. К этому времени политика правительства по защите крестьян была подорвана, а растущая слабость крымскотатарских *мурз* и сила славянских переселенцев вызвали серьезные проблемы у крестьян [41].

Освобождение от крепостного права в 1861 г. создало новые проблемы для крестьян Крыма. Как правительство относилось к государственным крестьянам, проживающим на помещичьих землях, и как оно создавало новые отношения, соответствовавшие тем, которые существовали во внутренних губерниях, до конца не известно. Исследования, основанные на архивных источниках и посвященные этим вопросам, не проводились, а опубликованные источники дают лишь отрывочные и неадекватные объяснения результатов декрета об освобождении и последующего крестьянского законодательства применительно к Крыму.

Помимо поощрения желающих покинуть Российскую империю со стороны Александра II, единственными обнаруженными документами являются упоминания о создании в Крыму комитета по надзору за изменением условий содержания *помещичьих крестьян (pomeshchik)*, закрытии всех районных земельных комиссий и сельских администраций, а также открытии новых волостных (*volost'*) управ. Тем не менее, до тех пор, пока не было собрано земство (*zemstvos*) в конце века, практически не было доказательств, которые помогли бы прояснить влияние освобождения от повинности на крымских крестьян или дворянство [42].

Русская колонизация

Наибольшее давление на крымское население оказала растущая славянская колонизация, которую правительство поощряло. Не подлежит сомнению, что со времен Екатерины II администрация рассматривала Крым и как большой потенциальный экономический ресурс, и как экзотическое место для жизни. Екатерина подарила фаворитам и другим чиновникам более чем десятую часть земли на полуострове. Большая часть этих дарений поступила посылками по 500 до 2000 десятин (*desiatins*). Самый крупный грант – более 20 000 *десятин*, предоставленных правительством в течение первых десятилетий российского правления, поступил

из земель, конфискованных у крымских землевладельцев, эмигрировавших после 1783 года, и из собственных владений хана.

Некоторые участки наиболее ценной прибрежной собственности, которая использовалась для выращивания виноградников, были переданы по контракту иностранным предпринимателям. Первым из них был француз Жозеф Бланк (Josef Blanc)², получивший право использовать землю вблизи Судака для производства вина и под завод по производству водки [43].

Правительству было трудно убедить переселиться в Крым по возможности большому количеству землевладельцев и крестьян, как оно того желало. Некоторые *помещики* предпочли использовать уже проживающих на земле крымскотатарских крестьян. Разумеется, они сочли невозможным заставить государственных крестьян переехать. По подсчетам одного исследователя, к 1793 году русские помещики смогли привезти в Крым только 226 крепостных – мужчин, хотя другие области Новороссии они заселяли более успешно [44].

Вместо этого русские были вынуждены ввозить представителей других национальностей, чтобы заполнить то, что казалось излишне пустой и непродуктивной землей. Старообрядцев, армян, греков, болгар, немцев и даже швейцарских колонистов приветствовали в Крыму щедрыми землями и финансовыми привилегиями. Швейцарская колония прижилась под Феодосией, немецкая колония под Симферополем и болгарская – на реке Алма [45].

И все же общее число поселенцев и колонистов в Крыму к концу XVIII века было неутешительным. Сумароков на основании заключений земельной комиссии, в которой он работал, подсчитал, что к 1802 году общее количество поселенцев составляло 4500, а общее количество *помещиков* – только 8700. И это при общей численности населения более 185 000 человек [46].

Правительство продолжало свою политику поощрения колонизации и расселения любыми возможными средствами до конца XIX века. Между 1820 и 1860 годами эта политика была гораздо более успешной. На южном побережье полуострова, где климат и земля были лучше, чем на севере, заселение деревень и городов усилилось настолько, что к 1854 при общей численности более чем 250 000 человек крымские татары составляли только 150 000, русские же более 70 000 человек, а остальную часть составляли греки, армяне, немцы и евреи [47].

² В материалах из фондов РГАДА указывается, что Жозеф Бланк, молодой французский винодел из Астрахани, был переведен князем Потемкиным в Крым в 1784 году и назначен директором казенных виноградников вокруг Судака и Феодосии. Источник: <http://cssu.crimea.ua/crimea/etno/articles/fran/index.htm>, <https://xor-com.ru/page24201552.html>

После Крымской войны переселенцам, прибывающим в Крым, были обещаны новые привилегии (финансовые и социальные). В 1862 году каждому, кто решит поселиться в крымском городе или поселке, предоставлялись особые льготы в городских корпорациях, которые в обычных условиях новоприбывшим были недоступны. В том же году были выделены средства на оплату покупки земли и расходов на проживание для всех иностранцев, прибывающих на поселение в Крым из Османской империи [48].

Война с Османской империей в 1877 году спровоцировала новую волну массовой крымскотатарской эмиграции, которая продолжалась более медленными темпами до 1902 года. В отчаянной попытке противостоять этому движению и побудить некоторых крымских татар вернуться, правительство предприняло беспрецедентную акцию, пообещав полное помилование и прощение всем крымским татарам, которые «сбежали из своих домов и теперь хотят вернуться на родину». Однако это оказалось безуспешным, и к 1890-м годам недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве, а также в городах вынудил правительство импортировать рабочую силу из внутренних провинций и с Кавказа [49].

Таким образом, социальная политика правительства в течение первых двух третей XIX века усугубила разрушение и искоренение традиционной крымскотатарской социальной структуры, имевшей место до 1783 года. В результате эмиграции и переселения славян класс *мурз* был уничтожен. Экономическая основа их положения потерпела крах. Та часть крымскотатарской знати, которая в полной мере приобрела *дворянский* статус, по сути, была русифицирована, тем самым соответствуя официальным требованиям лояльности. Таким образом, Александр II мог одновременно поощрять депортацию и эмиграцию, а также создавать верные (лояльные) крымскотатарские воинские части для своей собственной службы. Численность же крымскотатарского городского сословия сократилась, а значимость его уменьшилась и была изолирована в двух центральных крымскотатарских городах, оба из которых не являлись центрами крымскотатарского общества. Крымскотатарские крестьяне после благоприятного начала потерпели неудачу больших масштабов в результате политики правительства во время Крымской войны. Стало ясно, что если появится новая крымскотатарская национальная идентичность или движение, то оно должно выйти из новой конфигурации крымскотатарского общества.

10. Крымскотатарское национальное пробуждение

Зарождение национального движения крымских татар относится к последней четверти XIX века. Являясь одновременно частью общемульманского и общетюркского пробуждения в Российской империи, оно также было специфически крымскотатарским движением. Национальное движение возникло в результате двух отдельных, но связанных между собой конфликтов. С одной стороны, это был конфликт между мусульманским населением и российским правительством. С другой стороны – внутри мусульманского сообщества, между традиционным духовенством и новой крымской интеллигенцией, которая стремилась к модернизации и формированию новой крымскотатарской идентичности. Потенциальная несовместимость этих двух конфликтов вызвала внутренние противоречия в крымскотатарском движении возрождения. Как модернизироваться, не поддаваясь прозападной культуре русских, это было самой сложной проблемой, с которой пришлось столкнуться новым крымскотатарским лидерам. Причиной развития этого противостояния внутри крымскотатарской общины послужила политика, проводимая царским правительством.

Разрушение крымскотатарской архитектуры

Культурную политику России по отношению к крымским татарам можно разделить на два направления: первое касается мусульманского культурного наследия, а второе – сугубо религиозных вопросов. Проще говоря, русские испытывали полное неуважение к мусульманской крымскотатарской культуре. Поскольку они не признавали Крым крымскотатарской в основе своей провинцией, большинство русских считали памятники крымскотатарской культуры, пережившие аннексию, напоминанием об отсталом и нецивилизованном периоде. Большинство губернаторов и чиновников не прилагали никаких усилий для сохранения архитектурных памятников ханского периода. Иностранцы гости Крыма были в ужасе от разрушений, которые они могли наблюдать во всех частях Крыма, кроме Бахчисарая. Эти города, некогда бывшие центрами крымскотатарской культурной жизни, теперь были исключительно уделом немусульман, которые не видели причин сохранять бесполезные здания.

Первый губернатор Крыма В.В. Каховский приказал уничтожить многие из самых «бесценных» сокровищ крымскотатарской и итальянской архитектуры. Чуть позже путешественник Гакстгаузен заметил, что Каховский разрушил «лучшие памятники старины, в том числе красивую башню, построенную генуэзцами, которая служила минаретом главной мечети в Кефе». По этому поводу профессор Дружинина писала, что «Каховский был не лучше своих монголо-татарских предшественников» [1]. Эдвард Кларк, проезжая через Крым в 1809 году, писал:

«В Каффе солдатам было позволено разрушить красивые мечети или превратить их в магазины, снести минареты, разрушить общественные фонтаны и все общественные акведуки ради небольшого количества свинца...

На Карасубазаре с крымскотатарских кладбищ были сняты надгробные плиты, они были разбиты или обтесаны для использования их в качестве строительного материала...

В Гезлеве была уничтожена его торговля, дома в руинах, улицы пустынные, великолепные мечети, которыми он был украшен, лишены крыши, а их минареты сброшены» [2].

Александр Пушкин, пребывавший некоторое время в Крыму, так описал свои впечатления от дворца Бахчисарай, превращенного в резиденцию российского губернатора:

«Войдя во дворец, я увидел разрушенный фонтан. Вода капала из ржавого железного носика. Я бродил по дворцу, возмущенный небрежностью, с которой ему позволили разрушиться, и полуевропейской реконструкцией некоторых комнат» [3].

Наконец, Сеймур, путешествуя по Крыму в 1850-х годах, описал разрушения, имевшие место в Симферополе в 1830-х годах:

«В 1833 г. гражданский губернатор господин Каснатчаев М.³ самым варварским и невежественным образом завершил работу по разрушению, напав на огромные бани, которые остались нетронутыми. Он выпросил позволения у князя Воронцова, имея целью увеличить достаточно большую площадь, потому что она была слишком мала для проведения парадов. Он получил его и принялся разрушать мечеть и бани. В течение двух недель с помощью кирки и пороха оба этих замечательных памятника полностью исчезли. В 1840 году большая площадь была заполнена драгоценными материалами, которые местная администрация продавала по цене обычного камня...

Исчезли все прекрасные и богатые фруктовые сады, ранее окружавшие город во времена крымских татар. Одной-единственной зимы хватило для двух русских полков для уничтожения всех следов блистательной культуры, ранее покрывавшей холмы...

Высокие и величественные минареты, возвышенные шпили которых придавали городу такое изящество и достоинство, ежедневно равняли с землей, и которые кроме их связи с религиозными учреждениями, на содержание и сохранение которых была заложена Российская империя, не

³ Градоначальник *Казначеев* Александр Иванович, отдавший приказ о разрушении мечети и бань, являвшихся историческим творением великого зодчего Сенана. <http://politika-crimea.ru/krym-do-1991-goda/1162-razdely/krym-do-1991-goda/89467-gubernatory-tavricheskoy-gubernii>.

представляли для своих разрушителей никакой другой ценности, кроме снабжения нескольких солдат пулями [4].

Чтобы представить эти события в перспективе, стоит процитировать некоторые высказывания из недавнего советского изложения истории Крыма. В начале XIX века, как писал Надинский:

«Крым был приграничным регионом. Татары по-прежнему вели кочевой или полукочевой образ жизни... Лишь Бахчисарай и Карасубазар сохранили свои отсталые средневековые черты... В этом веке Крым был приобщен к русской культуре. Он стал неотъемлемой частью Российского государства. К середине XIX века Крым шагнул вперед по пути прогресса и цивилизации» [5].

Россия и крымский ислам

С другой стороны, царское правительство уделяло необычайно пристальное внимание религиозным вопросам. В соответствии с просвещенной политикой Екатерины по отношению к исламу во всей империи, новый режим не ввел никаких религиозных преследований. Несмотря на то, что в Крыму они жили при колониальном режиме, мусульманские сановники стали частью самого режима. Регулируемые правительством, получая большую часть своих доходов от русских, они поддерживали царскую систему. В результате манифеста об аннексии, в котором говорилось, что «все мусульманское духовенство, существовавшее во времена хана Шахин Герая, остается на своих должностях и сохраняет свою прежнюю власть», правительство последовательно проводило политику предоставления большей инициативы крымскому духовенству [6].

Екатерина отделила религиозные вопросы от гражданских и позволила религиозному управлению действовать по принципам, отличным от принципов социальной и политической жизни. Она учредила мусульманский комитет мусульманских сановников для надзора за религиозными вопросами и проинструктировала российских чиновников держаться подальше от строго мусульманских религиозных вопросов.

В 1791 году, после смерти муфтия Мусалара Эфенди (Musalar Efendi), была создана основа для вмешательства России в дела высшего крымско-татарского духовенства. По рекомендации крымского губернатора его место занял *кадиаскер* Сеит Мехмет Эфенди. По словам губернатора, новый муфтий был «человеком, преисполненным преданности Престолу, верным своему долгу, умным и справедливым». По совету нового муфтия губернатор преобразовал должность *кадиаскера* в новое «духовное управление», состоящее из шести «хорошо подобранных» представителей высшего крымского мусульманского духовенства под председательством Абдурахима Эфенди [7].

Тщетно искать в этих ранних решениях и административных актах, касающихся духовенства, какое-либо четкое изложение обязанностей и ответственности, кроме призыва к продолжению прежних процедур. Вероятно, это было результатом общей путаницы в имперском правительстве относительно административных процедур во всех областях империи, путаницы, проистекающей из отсутствия целостного законодательного кодекса взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 года.

Только в 1831 году было принято всеобъемлющее законодательство, которое привело крымское мусульманское учреждение в форму, напоминающую другие имперские институты. Хотя за последующие семьдесят пять лет в татарском мусульманском сообществе произошло много событий, указ 1831 года просуществовал с незначительными изменениями до 1914 года [8].

Во-первых, указ 1831 года повторил философию Екатерины об отделении гражданского управления от религиозного и пояснил, что Крымский мусульманский религиозный комитет сохранит за собой всю ответственность по вопросам, касающимся религиозной жизни мусульман. В его компетенцию будет входить рассмотрение и решение в соответствии с мусульманским правом всех вопросов о «личной собственности, возникающей при наследовании или при разделе имущества между наследниками; вопросы брака и развода; вопросы о несовершеннолетних сиротах; вопросы о религиозных обрядах и наказаниях; вопросы о начислении религиозных сборов и финансовой поддержки, взимаемой с мусульманского населения». Духовенство было освобождено от всех имперских налогов и сборов до тех пор, пока оно соблюдало положения, содержащиеся в этом указе. Несмотря на то, что повсюду правительство пыталось рационализировать российскую правовую систему и исключить местные особенности, в Крыму правительство приняло и легализовало эти самые разногласия.

Во-вторых, в указе были определены и перечислены все должности в структуре крымскотатарского духовенства, включая *муфтия*, *кадиаскера*, *имамов*, *мулл* и других служителей мечетей в каждом приходе. Наконец, в нем перечислялись *мудеррисы* и ходжи в местных мусульманских школах.

Высшие должностные лица должны были избираться на выборах, проводимых Управлением по духовным вопросам в Симферополе, в которых участвовали высшие слои мусульманского духовенства, предводитель губернской знати и мусульманские старейшины всего Крыма. Мусульманский комитет, в котором заседали эти официальные лица, имел в своей юрисдикции все мечети, их школы и *текие*, а также все *вакуфные* земли.

Этот указ от 1831 года был необычным документом, поскольку он предусматривал сохранение местного партикуляризма в такой степени, как

это не делалось нигде в империи. Его ближайшим аналогом был Степной Кодекс 1822 года, но ситуация в Крыму не была сопоставима с ситуацией в Центральной и Восточной Сибири. Главный эффект от указа для высшего духовенства заключался в том, чтобы более тесно связать его с интересами престола – по сути, вербовать мусульманских сановников в качестве агентов царей в Крыму. Он также способствовал созданию разрыва между духовенством и крымскотатарскими *мурзами*, которые испытывали на себе политику русификации, с одной стороны, и отстранения от участия в местной политике, с другой.

Позднее российское законодательство, касающееся крымских мусульманских священнослужителей, лишь уточнило принципы, изложенные в первоначальном указе. В 1832 году мусульманский комитет Симферополя был обязан вести регистр рождений, смертей и браков крымских мусульман. В следующем году указ запретил российским районным судам вмешиваться в дела, подсудные *муфтию* и *кадиям* Крыма. В 1834 году правительство приняло рекомендацию *муфтия* о порядке регистрации прихожан в местных мечетях. В 1855 г. было предусмотрено назначение *имама* для поездки в составе крымскотатарского легкого гвардейского эскадрона. Даже в 1891 году, после того как Александр III довел политику русификации до крайности, указом Государственного совета был утвержден выбор крымской мусульманской общиной нового *муфтия* и нового *кадиаскера*. В 1910 году в Симферопольском мусульманском комитете было зарегистрировано более 1500 крымскотатарских священнослужителей» [9].

Образование

Предоставляя мусульманскому духовенству монополию на крымское образование, правительство поощряло культурный традиционализм. Поскольку царизм фактически разрушил светскую структуру крымскотатарского общества, эта политика гарантировала, что у крымских татар не было социальной защиты от влияния Запада. Русские настаивали на сохранении только чувства традиционной религиозной идентичности. Когда в период великих реформ (1861–1876) режим установил среди крымских татар, как и везде, систему земства и западные школы, предсказуемым результатом стало появление интеллигенции, свободной от старых социальных структур, но все еще сознательно крымскотатарской.

С самого начала, чтобы конкурировать с мусульманскими школами за лояльность крымскотатарской молодежи, русские предлагали в Крыму школы с преподаванием русского языка [10]. Но в первые годы эти русские школы не пользовались успехом. Вплоть до гораздо более позднего времени они практически не имели влияния на крымскотатарские высшие

классы. Фактически, только в 1830 году было принято решение сосредоточить большее внимание на русскоязычном обучении крымскотатарских детей в Одессе, чем на Крымском полуострове [11].

Демидов сообщил, что «татарская обычная школа», открытая в 1828 году в Симферополе, была административно привязана к новому русскому университету в Одессе. «Изучали турецкий, арабский и Коран. По окончании школы ученик должен был шесть лет служить государству». Далее он писал, что в Бахчисарае есть три медресе (*medresses*), которые открыты для молодых крымских татар, «которые предназначены для работы в качестве государственных служащих или в мечетях. *Эфенди* обучают студентов догматам религии» [12].

Земства

После 1860 года правительство усилило конкуренцию с мусульманскими школами, принимая меры по увеличению приема детей из крымских татар низшего сословия в русские школы. Число этих школ значительно увеличилось в период с 1877 по 1898 год, когда они находились в ведении новых *земских* организаций в Крыму. Но даже здесь подавляющее большинство были мусульманами и крымскими татарами по происхождению, а не русскими. И их персонал, и направление их учебной программы контролировалось Мусульманским Комитетом в Симферополе [13].

Распространение *земских* реформ в Крыму привело к важным изменениям и нововведениям в крымскотатарском обществе. Созданные и финансируемые ими школы со временем стали источником новой крымскотатарской интеллигенции. Крымские татары были представлены на различных должностях, от школьных работников до санитарных работников и медицинского персонала, и приобрели важный опыт работы в правительстве и социальной сфере и постепенно вытеснили старую и ослабленную крымскотатарскую элиту.

Веселовский приводит множество статистических данных о деятельности земства в Крыму. При внимательном изучении их впечатляет быстрый рост расходов во всех сферах деятельности *земства*, значительная часть которых шла на пользу крымскотатарскому населению. В Симферопольском и Перекопском уездах, где проживало много крымских татар, расходы *земства* выросли с 1877 по 1903 год в четыре раза. В Феодосийском и Ялтинском уездах, где население почти некрымскотатарское, расходы за тот же период выросли примерно в три раза. Возможно, это отражало большую потребность в татарских районах из-за более низкого уровня грамотности (на русском языке) и менее развитых медицинских учреждений. Процентное соотношение расходов наглядно демонстрирует,

что в этих двух крымскотатарских районах медицинские расходы были значительно выше, чем в сугубо российских округах [14].

Однако к 1898 году в Симферопольском районе на каждые 14 000 жителей приходился только один врач, а в Ялтинском районе один врач был на каждые 7 000 жителей. Еще более показательны цифры по больницам и используемым койкам. В Симферополе было три больницы в общем количестве на 9 коек. В Ялте было шесть больниц на 70 коек, а в Днепровском районе – десять больниц на 157 коек» [15]. Но при этом у крымских татар были все основания довольствоваться направлениями деятельности *земства*, касающимися их жизни. Неудивительно, что следующее поколение крымскотатарской элиты высоко оценило движение *земства*.

Однако новая крымскотатарская интеллигенция, вышедшая из школ *земства*, с самого начала была не революционной (здесь кроется разница между татарским развитием и развитием Польши, где русские способствовали сохранению до 1863 года старой социальной структуры). В самом деле, из-за контроля консервативного духовенства над крымскотатарскими школами до 1867 года первые попытки реформ возникли за пределами Крыма. Первые подобные идеи по изменению татаро-мусульманского образования возникли в 1850-х годах в Поволжье среди казанских татар, принадлежавших к городской буржуазии. Отсутствие такой группы в Крыму означало, что подобные идеи нелегко находили там благодатную почву.

Именно Шигабутдин Марджани (Shihabeddin Merjani), казанский татарин, положил начало движению за реформу татарского мусульманства. Историк и педагог, Марджани не видел противоречия между сохранением верности своему мусульманскому наследию и изучением русского языка. Он считал, что тюркский и арабский языки, используемые народами и государствами, враждебными вестернизации и модернизации, не могут служить средством внедрения современных идей в их общества. Он знал об успехах, достигнутых в первой половине века в Египте под руководством Мухаммеда Али, который нашел французский язык инструментом образования среди своих арабских подданных. Марджани не изменял исламу, он был его твердым сторонником, убежденным, что выживание ислама зависит от его адаптации к современному миру [16].

Гаспралы (И. Гаспринский)

В Крыму появление новой крымской интеллигенции было связано с именем Исмаил бея Гаспралы (Гаспринского), последователя идей Марджани. Выходец из обедневшей крымскотатарской дворянской семьи, Гаспралы начал свое образование в традиционном (обычном) деревенском *медресе*. При поддержке друга из городской купеческой гильдии Гаспралы уехал сначала в Санкт-Петербург, изучал там русский язык, затем в Париж,

где выучил французский, и через пять лет в 1866 году вернулся в Крым [17].

В 1871 году Гаспралы отправился в Стамбул; следующие четыре года он провел, обучаясь в Стамбуле и в Париже. В Стамбуле он имел возможность ознакомиться с деятельностью «младоосманов»; в Париже контактировал как с либералами, так и с социалистами. Вернувшись в Бахчисарай в 1875 году, он познакомился с идеями Марджани и на основе опыта, приобретенного в Европе, пришел к выводу, что предписания Марджани для ислама [для мусульманской уммы – ред.-пер.] – это путь, по которому должны следовать мусульмане. Путь в современность для российских мусульман был неразрывно связан с русским языком и русской культурой. Крымским татарам в XX веке было трудно принять его точку зрения.

По возвращении в Бахчисарай в 1875 году Гаспралы был назначен преподавателем русского языка в *медресе*. Он занимал эту должность в течение двух лет. За это время им были изучены работы некоторых русских славянофилов, в частности Каткова. Гаспралы начал разрабатывать основы своих патриотических идей. В 1877 году крымские татары Бахчисарая избрали его мэром города, и он занимал этот пост в течение пяти лет. В 1881 году Исмаил бей ушел в отставку, чтобы посвятить свое время образованию и журналистике [18].

Его происхождение из сословия, больше всего пострадавшего в XIX веке, а также обучение традиционным исламским предметам, последовавшее затем знакомство с обществом, которое должно было показаться несколько странным обществом в России и Франции, побудили его бросить первые внутренние вызовы наследным традициям крымских татар. Будучи глубоко убежденным, что его собственное крымскотатарское общество находится под угрозой полного внутреннего коллапса, поскольку его традиции слишком слабы, чтобы противостоять политическим и социальным вызовам со стороны России, он считал, что перед крымскими татарами – равно как и перед всем российским исламским сообществом – стоят только два варианта. Первый – их полная ассимиляция в российском обществе путем русификации; второй – обновление исламского и татарского общества путем принятия западных (российских) форм, заключающих в себе исламское и татарское содержание.

Как ни странно, Гаспралы считал, что ассимиляция станет неизбежным результатом сохранения монополии мусульманского духовенства на татарское образование, поскольку их крайний консерватизм и устаревшие учебные программы не могли подготовить крымских татар к сопротивлению русификации.

Только заимствование русских образовательных и культурных методов могло сформировать класс крымских татар, который смог бы сохранить лучшее из своих собственных традиций. Это поставило его в затруднительное положение, когда он отставал как изучение русского языка, так и включение западных (русских) естественных и социальных наук в учебные программы крымскотатарских школ. Он считал, что только овладевшие такими навыками студенты смогут противостоять посягательству России на принципы их исламского общества.

Куратор Одесского учебного округа в 1870 году предоставил графу Толстому меморандум, в котором утверждалось, что правительство проявляло небрежность в отношениях с мусульманами империи и что последние должны быть обязаны изучать русский язык. Гаспралы осознавал риск, который несет такая политика для мусульман, риск, удачно отраженный в ответе Толстого о том, что «официальной целью образования для всех туземцев, бесспорно, должна быть их русификация и их слияние с русским народом» [19].

В 1881 году Гаспралы опубликовал свою первую важную книгу «Русское мусульманство» (*Russkoe musulmanstvo*), в которой призвал к полной и немедленной модернизации российского ислама. Он считал, что Россия «станет одним из величайших мусульманских государств в мире», что она является наследницей бывших татарских владений и что рано или поздно русские и татары будут пользоваться такими же правами. Он был убежден, что правительство рано или поздно откажется от идеи русификации. Гаспралы писал:

«Я верю, что русские мусульмане будут более цивилизованными, чем любой другой мусульманский народ. Мы устойчивая нация, дайте нам возможность учиться. Вы, великие братья, даете нам знания. Науки надо допускать в татарские школы, причем на татарском языке. Новые школы должны быть построены в Баку, Ташкенте, Казани. Учителя должны быть выпускниками специально созданного Русско-Восточного университета, так же, как в Индии, где ученики получают образование в индийских школах и на индийском языке. Так придут к взаимопониманию русские и мусульмане» [20].

Два года спустя, 10 апреля 1883 года, Гаспралы представил свой журнал «Терджиман-Переводчик» (*Tercuman-Perevodchik*). В своей редакционной статье Гаспралы писал:

«Ровно сто лет назад, 8 апреля 1783 года, маленькое ханство, измученное беспорядками и кровопролитием, вошло в состав величайшей империи в мире и получило мир под покровительством могущественной державы и защитой справедливых законов...

Отмечая этот день вместе со всеми другими народами (Российской империи), крымские мусульмане не могут не вспомнить все те добрые дела, которыми они пользуются уже сто лет» [21].

В первых выпусках «*Терджимана*» (*Tercuman*) Гаспралы призывал к модернизации русского ислама, равенству женщин в мусульманском мире, созданию единого тюркского языка для использования в прессе, а вместе с ним и к созданию единой тюркской образованной элиты, объединяющей Российскую и Османскую империи. Кроме того, он развил идею, что один тюркский язык может служить всем тюркам. Это была не панисламская тема, а тема пантюркизма. Действительно, тюркизм был провозглашен той категорией, к которой принадлежали все турки (*Türkçülük*) [22].

Единственный путь к этому возрождению лежал через образование. В своей собственной школе в Бахчисарае он начал использовать новый метод обучения, при котором традиционные исламские предметы, такие как изучение Корана и основы исламского права, оставались в учебной программе на арабском языке. Дополнительно к этой базе он ввел историю, географию и математику на русском и крымскотатарском языках. Он писал:

«... Школы должны открыть путь нашему языку и нашей литературе. Это должно привести нас к общему пониманию. Развитие наших языков привело нас к тому моменту, когда мы не можем понимать друг друга...» [23].

Новый язык, к которому он призывал, должен был быть основан на том, к чему призывали «младоосманы» – тюркским языком, очищенным от множества арабских и персидских компонентов. Девизом его нового метода обучения и его журнала «*Терджиман*» (*Tercuman*) было *Dilde, Fikirde, Ishte birlik*. («Единство в словах, мыслях, делах» или «Тильде, фикирде, иште, бирлик») [24].

Вначале у «*Терджимана*» не было большой читательской аудитории, но он был широко распространен во всем мусульманском мире. В 1885 году у него было около 1000 подписчиков, из которых 300 были в Крыму, 300 – в мусульманском Поволжье, 150 – в Дагестане, 50 – в Сибири и 200 – в Средней Азии. К 1907 году его читательская аудитория увеличилась до более 5000 экземпляров каждого выпуска. В 1912 году у «*Терджимана*» (*Tercuman*) были подписчики не только в Российской империи, но и в Стамбуле, Каире, Кашгаре и Индии. Советский востоковед Самойлович писал, что его язык в 1910 году не представлял больших трудностей для образованных читателей Турции, Кавказа, Закаспийского региона, Поволжья и Туркестана, указывая на то, что с годами усилия Гаспралы принесли результаты [25].

Гаспралы всегда старался увести своих последователей от политической оппозиции российскому правительству. Он был убежден, что пози-

ция, открыто враждебная имперскому режиму, будет быстро сломлена. Гаспралы утверждал, что нет никакого противоречия между поддержкой царизма и стремлением к мусульманско-татарской реформе и национальной идентичности. Любая борьба против России была бы невозможна, и ислам на самом деле выиграл бы от сотрудничества с Россией.

Это мнение он наиболее четко выразил в 1896 году в своем эссе под названием «Русско-Восточное соглашение. Мысли, заметки, пожелания», в котором он писал: «Мусульманин и русский могут еще вместе или рядом пахать, сеять, растить скот, промышленять и торговать... Мы думаем, что рано или поздно границы России будут включать в себя все татарские народы... Если бы у России были хорошие отношения с Турцией и Персией, она стала бы родственной всему мусульманскому востоку и, несомненно, встала бы во главе мусульманских народов и их цивилизаций, что Англия так настойчиво пытается делать» [26].

Поскольку старая татарская элита исчезла, а духовенство оказалось в руках царского правительства, Гаспралы должен был найти новую аудиторию для этих взглядов. Таковую аудиторию он нашел среди татарской молодежи, посещавшей или недавно окончившей русско-татарские школы или его собственное новометодное *медресе*. Не все принимали его ответы, но все находили необходимым обратиться к озвученным им проблемам.

Последователи Гаспралы

В результате усилий Гаспралы возникли три хронологически различающиеся группы татарской интеллигенции: последователи Гаспралы, младотатары и татарские националисты. Неудивительно, что первая была тесно связана с самим учителем и, как и он сам, не была революционной. Она приняла его идеи и присоединилась к нему, настаивая на сотрудничестве между мусульманами и русскими. К 1905 году этой группе удалось создать в Крыму более 350 национальных школ, в которых преподавались как русский, так и тюркский языки. Эти интеллектуалы были тесно связаны с руководством российских пантюркских и панмусульманских движений, которые воспользовались потрясениями 1905–1906 годов, чтобы настаивать на улучшении положения мусульманских общин России.

В марте 1905 года Гаспралы вместе с волжским татаринном Рашидом Ибрагимовым созвали в Казани собрание большого числа татарских интеллектуалов и социально-экономических лидеров для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес и озабоченность. Эта встреча побудила созвать в конце года Всемусульманский Конгресс. Также в результате этой встречи в правительство было направлено ходатайство с просьбой искоренить многие практики, которые считаются вредными для

дальнейшего развития татар и мусульман. Правительство отказалось как от принятия петиции, так и от разрешения татарам провести свой съезд.

Вместо съезда Гаспралы спланировал совершить экскурсию по Волге на прогулочном крейсере «Густав Струве» (*Gustav Struve*). На этой встрече, названной «Конгресс на водах», мусульманские участники со всей Российской империи решили организовать союз *Иттифак* (*Ittifak*), который будет отстаивать их общие интересы. Гаспралы был видным представителем крымскотатарской точки зрения. Второй съезд состоялся в Санкт-Петербурге в январе 1906 года. Он ознаменовал создание Иттифака и организовал деятельность мусульман в связи с предстоящими выборами в только что созданную Первую Императорскую Думу. Этот съезд решил объединить свои голоса с голосами кадетской партии [27].

Было ясно, что первая группа крымскотатарских интеллектуалов поддерживала желание Гаспралы работать в рамках российской системы и участвовать в новых политических институтах вместе с российскими либералами. Даже реакционные законы о выборах во вторую Думу, направленные на сокращение участия нерусских, рабочих и крестьян, не лишили Гаспралы надежды на то, что режим изменит свое мнение, когда наступят более спокойные времена. Но в законе говорилось, что «Государственная Дума, созданная для укрепления Российского государства, должна быть русской и по своему духу» [28].

При этом крымскотатарское духовенство оказывало большое давление на правительство, чтобы вывести из обращения даже относительно безобидную группу Гаспралы.

Младотатары

Подобные взгляды убедили ряд крымскотатарских интеллектуалов в неосуществимости мечты Гаспралы. Это второе поколение новой крымской интеллигенции, как по форме, так и по содержанию своих убеждений было более революционным, чем Гаспралы. И они отреагировали тем, что расценили это как политическое бездействие Гаспралы. Даже во время революции «Терджиман» (*Tercuman*) оставался аполитичным и не давал ни комментариев, ни предложений по поводу революционных событий. Таким образом, он не обеспечил того лидерства, которого желало растущее левое движение среди татарской интеллигенции. Либеральный казанский турок Габдулла Тукай сформулировал четыре основных критических замечания в адрес Гаспралы и его журнала, отражающих мышление растущего числа татарских интеллектуалов как в Крыму, так и за его пределами:

1) «Терджиман» (*Terciman*) был написан на крымскотатарском диалекте⁴ и, следовательно, был непонятен другим татарам; 2) Гаспралы был чиновником и монархическим реакционером (он встал на сторону буржуазных либералов, представленных кадетами, которые поддерживали идею продолжения централизованного российского государства); 3) он слишком часто проявлял склонность к деспотизму османского султана; и 4) он был писателем-схоластом и полностью отстал от времени [29].

В Крыму эту точку зрения высказал Абдурешит Мехди (*Abdurreşit Mehdî*) (*Медиев*) – выходец из крестьянской семьи Перекопа. Абдурешит получил образование в обычной крымскотатарской школе, а преподавал в русско-крымскотатарской школе Карасувбазара. Не озабоченный панисламскими и пантюрокскими идеями, он был сосредоточен на проблемах крымских татар, проживающих в Крыму. Его политическая цель заключалась в активной борьбе за «национальное, социальное и политическое освобождение крымскотатарского народа», которая предполагала бы «борьбу против государственной автократической системы царской России» [30].

Мехди, тем не менее, не отказался от поддержки российской системы, чтобы отклонить свое избрание в качестве делегата во II Думу, несмотря на суровый избирательный закон. В Думе он служил секретарем думской фракции Союза мусульман России и возглавлял небольшую группу под названием «Младотатары». Однако «младотатары» не объединили свою деятельность с кадетами, обнаружив большую близость со взглядами эсеров.

В петиции «Младотатар» в Думу Мехди заявил⁵:

⁴ Гаспринский сам использовал термин «диалект» в отношении крымскотатарского языка.

⁵ «Мы, татары, знаем, что не сладко живется теперь всем подданным русского государства. Теперь и самим русским живется тяжело, а нам татарам, и другим иноплеменным народам приходится еще тяжелее, потому что мы страдаем, во-первых, от того же самого, от чего страдают и все русские люди, а кроме того, во-вторых, есть у нас беды и напасти, которые лежат только на нашем народе. В нашем народе насчитывается теперь почти 50.000 безземельных, которые поэтому должны искать работы на стороне, жить в батраках-наемниках, работать на помещиков, потому что деваться некуда, и те притесняют нас. А тут рядом есть и вакуфные, и выморочная, и казенная, и удельная, и помещичья земли, которые спасли бы очень многих от бедности и нищеты, а теперь или пропадают без всякой пользы для народа, или приносят выгоду только немногим людям в ущерб трудящемуся народу. Все здешняя земля были когда то землями нашего народа и все теперь перешли в другие руки разными правдами и неправдами, и мы, татары, получили за них гроши или вовсе ничего. Многие из нас были обмануты и не могли найти правды ни в каком суде. Теперь наш народ не может распоряжаться даже вакуфными землями. Все вакуфные

«...наша нищета доказывает, что наши богатства лежат в чужих карманах; казна, финансовые интересы... У нашего народа 50 000 безземельных крестьян, так что земли *вакуфов*, государства и помещиков остаются непродуктивными, питая лишь немногих привилегированных.

Все эти земли в прошлом принадлежали татарскому народу; теперь всё перешло в чужие руки» [31].

И крымская делегация во Второй Думе, и многие татарские члены всероссийских мусульманских движений в следующем десятилетии были более осознанно патриотичными, чем турки и татары из других групп, которые до конца продолжали говорить в духе панисламизма или пантюркизма. Некоторые историки предполагают, что предпочтение культурной, а не территориальной автономии, высказанное волжскими татарами на заседаниях Думы, было обусловлено тем, что у них не было собственной территории, которую можно было бы легко определить. К этому времени крымские татары составляли явное меньшинство и в Крыму, и кажется, что различия в подходах были, скорее, результатом явно отличающейся социальной и культурной политики царского режима, проводимой на протяжении столетия в этих двух регионах. С роспуском Думы Мехди вернулся в Крым, где до своей смерти в 1912 году занимал пост мэра Карасувбазара. Между 1906 и 1909 годами «Молодые татары» издали газету «*Ватан Хадими*» (*Vatan Hadimi*) в Карасувбазаре. В качестве заголовка журнала Мехди и редактор журнала Хасан Сабри Айвазов (*Hasan Sabri Ayvaz*) выбрали высказывание Пророка Мухаммеда: «Любовь к нации – это любовь к вере»⁶ [32].

Интересная серия документов из канцелярии Таврической губернии, касающихся открытия газеты «*Ватан Хадими*» (*Vatan Hadimi*) и ее редактора Айваза, была опубликована Кричинским. Из этих документов следует, что царские власти хорошо понимали, как опасности, связанные с движением младотатар, так и способности его руководства. Тем не менее, газета просуществовала на удивление долго, прежде чем правительство закрыло ее в конце 1909 года [33].

В ответ на откровенно националистические цели Мехди и молодых крымских татар Гаспралы начал выпуск второго журнала, «Миллет» (*Mil-*

имущества и деньги (около миллиона рублей) и земли находятся теперь в заведывании особой вакуфной комиссией, которая и распоряжается ими без согласия населения. Вакуфные земли расхищаются, а те которые имеются, приносят пользу и выгоду только нашему духовенству, а не всему нашему народу. Значит, выходит так: кто хочет обрабатывать землю своими руками, у того и нет земли, а кто сам не работает, у него земли и много». Источник: <https://ayder-bekdash.livejournal.com/45315.html>

⁶ Данное изречение не найдено в источниках сунны.

let) («Нация»), которым он пытался вернуть внимание крымской молодежи. Он назначил Айваза редактором нового журнала в тот момент, когда власти закрыли «*Ватан Хадими*» (*Vatan Hadimi*). Гаспралы также пытался заручиться поддержкой более радикальных крымских лидеров, начав издавать журнал для крымских женщин «*Алем-и нисван*» (*Allem-i Nisvan*). Содержавший иллюстрированный литературный обзор, подготовленный дочерью Гаспралы Шефикой, «*Алем-и Нисван*» (*Alem-i Nisvan*) продолжил общее стремление к мусульманскому просвещению, ради которого Гаспралы так много работал. Этот журнал, как и «*Миллет*», был окончательно закрыт правительством в 1910 году [34].

Татарские националисты

Третья группа крымских интеллектуалов появилась после 1907 года. Эта группа, возникшая в период расцвета движения младотурок, базировалась в Стамбуле. В течение некоторого времени большое количество крымских студентов после завершения обучения в новометодных русско-крымскотатарских школах продолжали свое мусульманское образование в Стамбуле. В 1908 году под влиянием младотурок крымскотатарские студенты основали Крымское студенческое общество (*Кырым Талебе Джемиеми*), председателем которого стал Номан Челебиджихан, секретарем Джафер Сейдахмет (Джафер Сейдамет) и казначеем Алимсейид Джемиль (Алим Сеит). Хотя это общество оставалось полностью легальной организацией до ликвидации его в 1917 году, в 1909 году возникло его тайное отделение, названное *Ветан*. Негласной целью организации было создание независимого крымского государства. Члены «Ветана» вели непрерывную конспиративную деятельность в Крыму, и к началу 1917 года «Ветану» удалось сформировать тайные патриотические (nationalistic) ячейки почти во всех городах и селах Крыма. После 1910 г. «Ветан» издавал прокламации против тирании царизма и призвал к внедрению в Крыму идей *Татарчылык* (*Tatarcilik*) («*Tatarness*») взамен *Тюркчелик* Гаспралы.

По мнению крымскотатарского историка политика Кырымала, «взаимодействие этих трех течений патриотической (nationalistic) мысли (*Гаспралы, младотатар и Ветан*) постепенно подготовило почву для широкого народного движения среди крымских татар, которое открыто проявилось в марте 1917 года» [35].

К началу Первой мировой войны крымскотатарская община практически не имела ничего общего с той, что существовала в 1783 году. Благодаря большому количеству татарских школ, в которых преподавание велось по модернизированной учебной программе под руководством Гаспралы, подрастало новое поколение татарских лидеров. Участие в

политической жизни империи в Думе и тесная связь с другими мусульманскими группами империи открыли лидерам крымских татар более широкий горизонт, с которого они могли видеть свое собственное затруднительное положение. И все же они не были едины. Тот факт, что мусульманское духовенство – те крымскотатарские лидеры, которые наиболее тесно связаны с крымскими традициями – было привязано к интересам и политике российского режима, заставил новых интеллектуалов искать свою новую идентичность в других направлениях. И в этом поиске многие стали жертвами «зыбучих песков» западных влияний и отвергли многие элементы своего прошлого, которые были необходимы «для их национальной идентичности».

Это вовсе не означает, что крымские татары между 1917 и 1928 годами не преуспели в создании основы для существования нации. Благодаря специфике царской политики в первой половине XIX века, разрушившей старый крымскотатарский режим, крымскотатарское общество и его интеллигенция в 1921 году были более развитыми в национальном смысле, чем многие другие группы в старой России.

Но в политической жизни крымских татар в ходе революции 1917 и после неё была определенная степень ограниченности диапазона совершенствования. Это было прямым результатом противоречий, которые породила веками проводимая политика России в Крыму.

Сложные вопросы, на которые крымскотатарским лидерам приходилось отвечать между 1917 и 1921 годами, мало чем отличались от тех, которые профессор фон Грюнбаум (Grunebaum) назвал камнями преткновения для арабских патриотов (nationalists) в XX веке: «Целью принятия влияния Запада было не совершенствование потенциала или наследия, а устранение того, что считалось неполноценным... Вопрос состоял не в том, что перенимать, откуда выбирать, а скорее в том, чтобы сохранять или, возможно, даже в том, есть ли в традиционной культуре что-либо, достойное сохранения» [36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Реорганизация Крыма

4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е издание. Т. 19. № 13 996 (1773). С. 775–776.

5. Джафер Сейдамет. Крым: Прошлое – Настоящее. (Лозанна, 1921 г.). С. 39; см. также: Раефф М. Стилль имперской политики России. С. 1–52. О превосходном анализе мотивов русских, лежащих в основе их имперского режима на юге.

6. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. Москва, 1959 г.

7. Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщённые каймаками в 1783 году. ЗООИД 14 (1886). С. 91–93; ПСЗ. 1-е издание. Т. 22 № 15.924, 15.925, 15.975, 15.988, 15.989, 16.081, 16.531 (указы о создании всех новых крымских учреждений).

8. Лашков. Статистические сведения... С. 92–93.

9. Там же. С. 94–98, включает списки опустевших городов или их частей (районов); Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия. ИТУАК. № 53 (1916). С. 158–176.

10. ПСЗ. 1-е издание. Т. 12. № 15936 (22 февраля 1784 г.). С. 51.

11. «Распоряжения... Потемкина-Таврического...». ЗООИД. Вып. 12 (1881). С. 304.

12. Раефф. С. 14.

13. Раефф. С. 15.

14. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. Москва, 1959 г. С. 97; Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 17; Надинский, Очерки. Т. I. С. 103.

15. Раефф. С. 15.

16. Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве. ИТУАК. № 51 (1914). С. 207–220. Был случай проведения противоположной политики, а именно превращение мечети в Судак в церковь. См.: Сейдамет. Крым. С. 39.

17. Раефф. С. 13–14.

18. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 18; Дружинина. Северное... С. 118–119.

19. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 18, даёт эти высокие цифры, говорящие о том, что в Крыму осталось только 60 000–70 000 татар, ... живущих в пострадавшей сельской местности». См.: Фишер. Russian Annexation. С. 145–146, в качестве контраргументов. После того, как она это озвучила, в 1804 году в Крыму проживало 120 000 татар, и исход все еще продолжался, и прежние цифры кажутся неверными.

20. Дружинина. Северное. С. 119; Маркевич Арсений И. Переселение крымских татар в Турцию // Известия АН СССР. Серия 7. Вып. 4 (1928) С. 375–405.

21. Надинский. Очерки. Т. I, С. 100.

22. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 17; Надинский. Очерки. Т. I. С. 100–101; Раефф. С. 15.

23. Паллас. Т. 2. С. 343–344.

9. Российская администрация (правление) в Крыму в XIX веке.

1. Надинский. Очерки. Т. I. С. 168.

2. ПСЗ. 1-е издание. Т. 22. № 15 920 (об образовании Таврической области). 1784.

3. Раефф, Пассим, Надинский. Очерки. Т. I. С. 96.

4. ПСЗ. 1-е издание, Т. 24. № 17634; Надинский. Очерки. Т. I. С. 96; Дружинина. Южная. С. 174.

5. ПСЗ. 1-е издание. Т. 27. № 20449; там же. 2-е издание. Т. 13. № 11.080; там же., 3-е издание, Т. 4. № 2077.
6. Ласковский В.П. Правители Тавриды // ИТУАК. Т. 35 (1903). С. 24–26. С воссоздания Таврической губернии в 1802 г. губернаторами были: Григорий Милорадович (1802–1803); Дмитрий Мертваго (1803–1807); Андрей Бороздин (1807–1816); Андрей Лавинский (1816–1819); Андрей Баранов (1819–1821); Николай Перовский (1822–1823); Дмитрий Нарышкин (1823–1829); Александр Казначеев (1829–1837); Матвей Муромцов (1837–1843); Виктор Рославец (1843–1845); Владимир Пестель (1845–1854); граф Николай Адлерберг (1854–1856); Григорий Жуковский (1856–1871); Андрей Рейтерн (1871–1873) (Reitern Andrei); Александр Кавелин (1873–1881); Андрей Всеволожский (1881–1889); Петр Лазарев (1889–1901); Владимир Трепов (1902–1903).
7. Сейдамет Джафер. Крым. С. 51.
8. ПСЗ. 1-е издание. Т. 27. № 20449. С. 290.
9. Относительно административного переустройства в Крыму касаются следующие указы: ПСЗ, 1-е издание. Т. 1. С. 27. № 20 643; там же, 3-е издание. Т. 11. № 8115; Т. 12, № 8539; и Т. 14. № 11.033. Переводчики обсуждаются там же, 1-е издание, Т. 27, № 20 449 (раздел 16); там же, 2-е издание, Т. 30, № 28.947 и Т. 34, № 35.102.
10. ПСЗ. 3-е издание. Т. 12. № 8741.
11. Там же. 1-е издание. Т. 22. № 16 557; Т. 31, № 24 610; там же, 3-е издание. Т. 16. № 13 589 и Т. 12. № 8741.
12. «Узнаем, что некоторые чиновники без законных оснований изымают урожай у татар». ПСЗ. 1-е издание, Т. 33. № 26 254.
13. Лашковский, *passim*
14. ПСЗ. 1-е издание. Т. 23. № 17265.
15. Там же. Т. 27. № 20270 и 20276, которые создали комиссию; Т. 28, № 21275; Т. 29, № 22 002 и 22 203 повторили предыдущие задачи; Т. 30, № 23 325, создал Петербургский комитет; Т. 31, № 24 349, закрыл комиссию.
16. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 26 (1897). С. 28–29, 90–102.
17. Лашков. Архивные данные. С. 96–110.
18. Лашков. Сборник документов. С. 24–154. Перечисляются и обсуждаются все известные крымские татары, ставшие к 1808 г. военными или бюрократическими чиновниками в ранге дворянства.
19. ПСЗ. 2-е издание. Т. 10. № 8676.
20. Там же. Т. 14. № 12419.
21. Там же. Т. 15. № 13304.
22. Там же. Т. 4. № 2617 и 2808; Т. 5, № 3761.
23. Муфтизаде Измаил. Очерки военной службы крымских татар 1783 по 1889 год // ИТУАК. 30(1899). С. 1–2.
24. Муфтизаде. С. 3–6; Кирпенко Г.К. Ордера Князя Платона А. Зубова // ИТУАК. 26 (1897). С. 1–10.
25. Муфтизаде. С. 6–13; Габаев Г.С. Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар // ИТУАК. 51 (1914). С. 137–139; ПСЗ. 1-е издание. Т. 30. № 22772 и 23778.

26. Муфтизаде. С. 10–17; ПСЗ, журналы 2, Т. 12, № 10 862.
27. Маркевич Арсений. Таврическая губерния во время Крымской войны // ИТУАК. 37 (1905), С. 6–8.
28. ПСЗ. 2-е издание, Т. 38, № 39667; Муфтизаде, С. 17–18.
29. Лашков. К вопросу. С. 160, относительно деятелей восемнадцатого века. Мордвинов. Мнение Мордвинова относительно Крыма. Архив графов Мордвиновых 3 (Санкт-Петербург, 1902 г.). С. 195. О 30000 деятелей; ПСЗ. 1-е издание, Т. 23, № 17 265. В котором обсуждаются освобожденные татарские земли, однако, не намекают на такие цифры, и османские источники умалчивают об этом.
30. Марк Пинсон (Pinson). Российская политика и эмиграция крымских татар. Журнал исследований Юго-Восточной Европы I (1972). С. 37–38.
31. Лемерсье-Кельеже. Крымские татары. С. 19.
32. Пинсон (Pinson). С. 47.
33. Лемерсье-Кельеже. Крымские татары. С. 19; Пинсон. С. 50–55; ПСЗ, серия 2. Т. 36. № 35063 и 35126 по татарским паспортам и пустым землям.
34. Пинсон. С. 49.
35. Сеймор. С. 247, говорит в 1854 г., что «под русским владычеством Каффа снова уменьшилась по размеру территории ... В нем проживает более 4500 человек. «О Бахчисарае, – говорит он (1971 г.), – как и Карасубазар, Бахчисарай сохраняет большую часть своего восточного колорита (облика)». На С. 34–35 он пишет: «Улицы Симферополя неимоверно широки. Дома в богатой части построены в дурном итальянском стиле. Население города составляет 8000 душ, из которых 5000 татар».
36. Барон фон Хакстхаузен, Российская империя: ее народ, учреждения и ресурсы (Лондон, 1856 г.), Т. 2, С. 127–28.
37. ПСЗ. 3-е издание, Т. 11, № 7826. Списки этих полицейских команд находятся в разделе таблиц в конце тома. О других указах, о городском самоуправлении в Крыму см.: ПСЗ. 1-е издание, Т. 20. № 14 252; Т. 23. № 17 348; Т. 29. № 22 101; Т. 39. № 29733; Т. 40. № 30 486; там же. Серия 2. Т. 12. № 11 684; Т. 14. № 12 284; Т. 27. № 26 822; Т. 31, № 30 759; Т. 36. № 36 571 и 37 569. Для Бахчисарая. Там же. Серия 1. Т. 27. № 20 449 и Т. 39. № 29 983.
38. Дружинина. Южная. С. 70; Гакстгаузен. Т. 2. С. 125.
39. Дружинина. Южная. С. 236.
40. ПСЗ. 2-е издание. Т. 8. № 5994 и 6373.
41. Пинсон. С. 40–41; ПСЗ. Серия 2. Т. 31. № 30 152 (удаление, переселение жителей побережья).
42. ПСЗ. 2-е издание. Т. 2. С. 36. №. 32 526а; 36 571, 37 514 и 37 731.
43. Сумароков. Досуги Крымского Судьи. Т. 1. С. 1. С. 158; Ширяев С. Д.
44. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории новороссийского края 1730–1823 гг. (Одесса, 1836 г.). Т. 1. С. 221.
45. Надинский. Очерки. Т. 1. С. 105; Дружинина. Северное. С. 123–124, 129; Дружинина. Южная. С. 240–241; ПСЗ. 1-е издание. Т. 27. № 20 988; Т. 25. № 19 229; Т. 28. № 23 229.
46. Сумароков. Досуги Крымского Судьи. Т. 1. С. 158: крайняя позиция представлена у Вардкаса А. Микаяляна. На крымской земле (Ереван, 1974 г.).

С. 139, который утверждает, что «снятие турецкого и татарского ига» в Крыму дало возможность «живущим там народам» заниматься собственной культурой.

47. Иоганн Х. Шницлер (Johann H. Schnitzler). Описание Крыма. (Париж, 1855 г.). С. 67.

48. ПСЗ. 2-е издание, Т. 35. № 36 297; Т. 37. № 37 859 и 38 307.

49. ПСЗ. 2-е издание. Т. 51. № 56 221; там же. Серия 3. Т. 13, № 9877; Т. 14. № 10 933.

10. Крымскотатарское национальное пробуждение

1. Гакстгаузен. Т. 2. С. 99; Дружинина. Северное. С. 139.

2. Кларк Д. Эдвард Путешествие по России, Тартарии и Турции (Нью-Йорк, 1970). С. 359–360, 368, 465.

3. Симмонс Дж. Эрнест. Пушкин (Кембридж, Массачусетс, 1937 г.). С. 116.

4. Сеймур. С. 248–249, 251.

5. Надинский. Очерки. Т. 1. С. 97, 119, 123.

6. ПСЗ. 1-е издание, Т. 22. № 15 708; Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве. С. 211–212.

7. Александров. С. 212–213.

8. ПСЗ. 2-е издание. Т. 6. № 5033.

9. Там же. Т. 7. № 5770; Т. 8. № 6591; Т. 9. № 6774; Т. 14, № 12 622; Т. 30. № 29 903; там же. Серия 3. Т. 11, № 7754. Рисунок 1910 года у Едиге Киримала. Национальная борьба крымских турок (Эмсеттен Emsdetten), 1952 г.). С. 15.

10. Маркевич И. Арсений. Начальная страница истории Симферопольской гимназии. ИТУАК. 50 (1913). С. 236–240.

11. ПСЗ. 2-е издание, Т. 5. № 4167.

12. Демидов. С. 80, 185.

13. ПСЗ. 2-е издание, Т. 1. С. 34. № 34 147 и 34 647; Веселовский Б. Скит «История земства за сорок лет» (1909), Т. 1, С. 718, 723. В Симферопольском уезде число школ увеличилось с 4 до 20; в Евпатории их было 10, в Перекопе 11; в Ялтинском уезде 13 в. и Феодосийском 28. Напротив, в тех уездах, население которых не было преимущественно татарским, количество школ было значительно выше: Бердянск – 151; Днепровск – 66 и Мелитополь – 112.

14. Веселовский. История земства. Т. 1. С. 634–639, 680, 695; см. Сборник по школьной статистике Таврической губернии. № 2 (Симферополь, 1903 г.) в отношении данных о татарских «национальных» школах, финансируемых частью доходов, собираемых местными земствами.

15. Веселовский. История земства. Т. 1. С. 695.

16. Зеньковский Серж. Пантюркизм и ислам в России (Кембридж, Массачусетс, 1960 г.). С. 24–25; Шпулер Б. Мусульманский мир. Т. 2. С. 92.

17. Наиболее полное биографическое описание Гаспралы можно найти у Сейдамета Джафера. Гаспралы Исмаил-бей: Единство в словах, мыслях, делах! (Стамбул, 1934 г.). Ранний период его жизни кратко описан Чарльзом Хостлером (Ch.W. Hostler). Тюркизм и Советы (Лондон, 1957 г.). С. 123–124. Наиболее ярко его идеи представлены в работе Лаззерины Эдварда «Исмаил-бей Гаспринский и мусульманский модернизм в России, 1973 г. (докторская диссертация, Вашинг-

тонский университет и в его статье «Джадидизм на рубеже двадцатого века: взгляд изнутри». Апрель-июнь 1975 г. С. 245–277.

18. Хостлер. С. 124; Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 20.

19. Крайндлер (Kreindler) Изабель. Образовательная политика в отношении восточных национальностей в царской Россия: изучение системы Ильминского. (Докторская диссертация, Колумбийский университет, 1969 г.), С. 84–85.

20. Сетон-Уотсон Хью (Hugh Seton – Watson), Российская империя 1801–1917 (Оксфорд, 1967 г.). С. 502–503; Тоған Валиди Зеки (Zeki Veleđi Tođan). Современный турок (Стамбул, 1947 г.). С. 551, цитируется по Хостлеру. С. 105–106.

21. Цитируется у Лаззери. Исмаил-бей Гаспринский. С. 17.

22. Беннигсен А. и Лемерсье-Келькеже Шанталъ. Пресса и национальное движение мусульман России до 1920 г. (Париж, 1964 г.). С. 35, 40.

23. Герхард фон Менде (Gerhard von Mende). Национальная борьба российских тюрков (Берлин, 1936 г.). С. 216.

24. Зеньковский. С. 35.

25. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse., С. 40–41: Киримал Эдиге. Крымские татары. Исследования по Советскому Союзу (новая серия, 1970 г.). Т. 10. № 1. С. 77.

26. Зеньковский. С. 33–34; Беннигсен. Ислам. С. 41.

27. Хостлер. С. 133–134; Сетон-Уотсон. С. 612; Зеньковский. С. 41–42; Киримал, Национальный, С. 17–18.

28. Шефтель М. Реформа избирательного закона в Государственную Думу 3 июня 1907 г. Книга Памяти Жоржа де Лагард (Лондон, 1968 г.). С. 331.

29. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse. С. 138–139.

30. Киримал. Национальный... С. 19–20.

31. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse. С. 141.

32. Там же; Кричинский Арслан. Очерки русской политики на окраинах, pl. I. К истории религиозных притеснений крымских татар. (Баку, 1919 г.). С. 234–235.

33. Кричинский. Очерки. С. 234–235.

34. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse. С. 142.

35. Киримал. Крымские татары. С. 78.

36. Грюнбаум фон Г.Э. (G. E. von Grunebaum). Проблемы мусульманского патриотизма (Nationalism) в книге Фрая Ричарда. Ислам и Запад (Гравенхейдж, 1957 г.). С. 25.

Сведения об авторе: Алан Фишер – профессор истории, Мичиганский государственный университет (Ист-Лансинг, штат Мичиган, США).

Сведения о переводчиках: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alieva.arzy1985@gmail.com

The Crimean Tatars*

Alan Fisher

Abstract. This work is a translation from English of the second part of the scientific work of Alan Fisher, the famous historian, professor at Michigan State University, USA. His work *The Crimean Tatars* was published in 1978 in the USA. In the second part of the book, the author considers the following issues: 1. Reorganization of Crimea; 2. Catherine II and Islam; 3. Administrative structure; 4. Tatar nobility; 5. Crimean clergy; 6. Tatar emigration; 7. Russian colonization; 8. Russian administration of Crimea in the 19th century; 9. Administrative structure organization; 10. Tatar mirza class; 11. Tatar land ownership; 12. Military service of the Tatars; 13. Cities of the Crimea 14. Tatar peasants. 15. Crimean Tatar national awakening; 16. Destruction of Tatar architecture; 17. Russia and Crimean Islam; 18. Education; 19. Gaspraly (I. Gasprinsky); 20. Gaspraly's followers; 21. Young Tatars. In general, the second part of the work considers the Russian period of stay of the Crimea.

Keywords: Crimean Tatars, emigration, colonization, Jadidism, Young Tatars

For citation: Alan Fisher. The Crimean Tatars (3). Trans. from English by Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe Istoricheskoe Obozrenie = Crimean Historical Review*. 2023, no. 1, pp. 33–86. DOI: 10.22378/kio.2023.1.33-86 (In Russian)

REFERENCES

8. Reorganization of the Crimea

4. P.S.Z., series I, vol. 19, no. 13,996 (1773), pp. 775–76.
5. Cafer Seidahmet, *La Crimée: Passe Present* (Lausanne. 1921). p. 39; see also M. RaefT. “The Style of Russia's Imperial Policy,” pp. 1–52. for an excellent analysis of Russian motives underlying its imperial regime in the south.
6. E.I. Druzhinina. *Severnoe prichernomor'e v 1775–1800 gg.* (Moscow, 1959).
7. F.F. Lashkov. “Statistichiskiia svedeniia o Kryme, soobshchennia kaimakamami v 1783 godu,” *ZOVID* 14 (1886), pp. 91–93; P.S.Z., series I. vol. 22 nos. 15.924.

* Translation from English by L.S. Seythalilova, A.Yu. Alieva. Translation is based on publication: Fisher, Alan W. *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. Continuation. See the beginning in: Alan Fisher. *The Crimean Tatars*. Trans. from English by Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58-114 (In Russian); 2022, vol.9. no. 2, pp. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2022.2.99-128 (In Russian)

15.925. 15.975. 15.988. 15.989. 16.081. 16.531 (the edicts creating all of the new Crimean institutions).

8. Lashkov. "Statisticheskiiia svedeniia...", pp. 92–93.

9. Ibid., pp. 94–98. includes lists of empty towns or portions thereof; F.F. Lashkov. "K voprosu o kolichestve naseleniia Tavricheskoi gubernii v nachale XIX stolctiia." ITUAK 53 (1916), pp. 158–76.

10. P.S.Z., series I, vol. 12. no. 15.936 (February 22. 1784), p. 51.

11. "Rasporiazheniia Potemkina-Tavricheskago". X ZOOID 12 (1881). p. 304.

12. Raef T., p. 14.

13. Raef T., p. 15.

14. Druzhinina. Severnoe prichernomor'e v 1775–1800gg. (Moscow, 1959) p. 97; Lemercier-Quelquejay, "The Crimean Tatars." p. 17; Nadinskii, Ocherki. vol. I, p. 103.

15. Raef T, p. 15.

16. I.F. Aleksandrov, "O musul'manskom dukhovenstve". ITUAK 51 (1914), pp. 207–20. There was one instance of a contrary policy being followed, namely the conversion of a mosque in Sudak to a church. See Seidahmet La Crimee. p. 39.

17. Raef T., pp. 13–14.

18. Lemercier-Quelquejay. "The Crimean Tatars", p. 18; Druzhinina, Severnoe, pp. 118–119.

19. Lemercier-Quelquejay. "The Crimean Tatars," p. 18, gives these high figures saying it left in the Crimea only" 60,000–70,000 Tatars... living in the stricken countryside." See Fisher, Russian Annexation, pp. 145–46 for counter-arguments. Since she says that, in 1804, there were 120,000 Tatars in the Crimea and the exodus had continued, the earlier figures seem defective.

20. Druzhinina, Severnoe, p. 119; Arsenii I. Markevich, "Pereseleniia krymskikh latar v Turtsiiu," Izvestlia AN SSSR, series 7 no. 4 (1928), pp. 375–405.

21. Nadinskii. Ocherki, vol. I, p. 100.

22. Lemercier-Quelquejay, "The Crimean Tatars," p. 17; Nadinskii. Ocherki, vol. 1, pp. 100–101; RaefT, p. 15.

23. Pallas, vol. 2, pp. 343–44.

9. Russian Administration of the Crimea in the Nineteenth Century

1. Nadinskii. Ocherki. vol. I. p. 168.

2. P.S.Z., series I, vol. 22, no. 15,920. on the formation of Tavricheskaia oblast'. 1784.

3. RaefT. passim; Nadinskii. Ocherki, vol. 1, p. 96.

4. P.S.Z., series 1, vol. 24, no. 17,634; Nadinskii. Ocherki, vol. I. p. 96; Druzhinina. luzhnaia, p. 174.

5. P.S.Z., series 1, vol. 27, no. 20,449; ibid., series 2, vol. 13, no. 11.080; ibid., series 3, vol. 4, no. 2077.

6. V. P. Laskovskii, "Praviteli Tavridy", ITUAK, vol. 35 (1903), pp. 24–26. From the re-creation of Tavricheskaia guberniia in 1802, the governors were: Grigorii Miloradovich (1802–1803); Dimitrii Mertvago (1803–1807); Andrei Borozdin (1807–1816); Andrei Lavinskii (1816–1819); Andrei Baranov (1819–1821); Nikolai Perovskii (1822–1823); Dimitrii Naryshkin (1823–1829); Aleksandr Kaznacheev (1829–1837); Matvei

Muromtsov (1837–1843); Viktor Roslavtcs (1843–1845); Vladimir Pestel' (1845–1854); Count Nikolai Adlerberg (1854–1856); Grigorii Zhukovskii (1856–1871); Andrei Reitem (1871–1873); Aleksandr Kavelin (1873–1881); Andrei Vsevolozhskii (1881–1889); Petr Lazarev (1889–1901); Vladimir Trepov (1902–1903).

7. Cafer Seidahmet, *La Crimee*, p. 51.

8. P.S.Z., series 1, vol. 27, no. 20,449, p. 290.

9. The following decrees concern administrative reorganization in the Crimea: P.S.Z., series 1. vol. 27, no. 20,643; *ibid.*, series 3, vol. 11, no. 8115; vol. 12. no. 8539; and vol. 14, no. 11.033. Translators are discussed in: *ibid.*, series 1, vol. 27, no. 20,449 (section 16); *ibid.*, series 2. vol 30, no. 28.947 and vol. 34, no. 35.102.

10. P.S.Z., series 3, vol. 12, no. 8741.

11. *Ibid.*, series 1, vol. 22, no. 16,557; vol. 31, no. 24,610; *ibid.*, series 3, vol. 16. no. 13,589 and vol. 12, no. 8741.

12. “We learn that some officials are seizing harvests from Tatars without legal justification.” P.S.Z., series 1. vol. 33. no. 26, 254.

13. Lashkovskii, *passim*.

14. P.S.Z., series 1, vol. 23, no. 17 265.

15. *Ibid.*, vol. 27. nos. 20,270 and 20,276, which created the commission; vol. 28, no. 21,275; vol. 29, nos. 22,002 and 22,203 repeated the earlier tasks; vol. 30. no. 23,325, created the St. Petersburg committee; vol 31, no. 24,349, closed the commission.

16. F.F. Lashkov, “Sbomik dokumentov po istorii krymsko-tatarskago zemlevladieniia”, ITUAK, 26 (1897), pp. 28–29, 90–102.

17. Lashkov, “Arkhivnyia dannyia,” pp. 96–110.

18. Lashkov, “Sbornik dokumentov.” pp. 24–154, lists and discusses all known Crimean Tatars who had become military or bureaucratic officials with the rank of *dvoianstvo* by 1808.

19. P.S.Z., series 2, vol. 10, no. 8676.

20. *Ibid.*, vol. 14. no. 12,419.

21. *Ibid.*, vol. 15, no. 13,304.

22. *Ibid.*, vol. 4, nos. 2617 and 2808; vol. 5, no. 3761.

23. Izmail Muftizade, “Ocherk voennoi sluzhby krymskikh tatars 1783 po 1889 god”, ITUAK 30(1899), pp. 1–2.

24. Muftizade, pp. 3–6; G.K. Kirpenko. *Ordera Kniazia Platona A. Zubova*, ITUAK 26 (1897), pp. 1–10.

25. Muftizade, pp. 6–13; G.S. Gabaev. “Zakonodatel'nye akty i drugie dokumenty o voennoi sluzhbe krymskikh tatar”. ITUAK51 (1914), pp. 137–39; P.S.Z., series 1, vol. 30, nos. 22,772 and 23.778.

26. Muftizade, pp. 10–17; P.S.Z., series 2, vol. 12, no. 10,862.

27. Arsenii Markevich. “Tavrisheskaia guberniia vo vremia krymskoi voiny”, ITUAK 37 (1905), pp. 6–8.

28. P.S.Z., series 2, vol. 38, no. 39.667; Muftizade, pp. 17–18.

29. Lashkov, “K voprosu.” p. 160, for eighteenth-century figures. Mordvinov, “Mnenie Mordvinova otnositel'no kryma,” *Arkhiv grafov Mordvinovykh* 3 (St. Petersburg, 1902), p. 195, does not hint at such numbers however, and Ottoman sources are silent on the for the 30, 000 figure. P.S.Z., series 1, vol. 23, no. 17,265. Which discusses

vacated Tatar lands, does not hint in such numbers however, and Ottoman sources are silent in this matter.

30. Mark Pinson. "Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars," *Guney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi I* (1972), pp. 37–38.

31. Lemerrier-Quelquejay, "The Crimean Tatars," p. 19.

32. Pinson, p. 47.

33. Lemerrier-Quelquejay. "The Crimean Tatars," p. 19; Pinson, pp. 50–55; P.S.Z., series 2, vol. 36, nos. 35.063 and 35,126 on Tatar passports and empty lands.

34. Pinson, p. 49.

35. Seymour, p. 247, says in 1854 that "under Russian dominion. Kaffa has sunk again in size... It has more than 4500 inhabitants." He describes Karasu Bazaar (p. 241), as "reserved for the Tatars". It retains strictly oriental character. On Bahçesaray, he says (1971) Like Karasu Bazaar, Bahçesaray keeps on much of its eastern character." On pp. 34–35 he writes: "Simferopol's streets are enormously wide. The houses in the rich part are built in a bad kind of bastard Italian style... The town has a population of 8000 souls of whom 5000 are Tatars".

36. Baron von Haxthausen, *The Russian Empire: Its People, Institutions, and Resources* (London. 1856). vol. 2, pp. 127–28.

37. P.S.Z., series 3. vol. 11, no. 7826. The lists of these police commands are found in the section of tables at the end of the volume. For other edicts on town government in the Crimea, see P.S.Z., series 1, vol. 20, no. 14,252; vol. 23. no. 17,348; vol. 29. no. 22,101; vol. 39, no. 29,733; vol. 40. no. 30,486; *ibid.*, series 2. vol. 12, no. 11,684; vol. 14, no. 12,284; vol. 27, no. 26,822; vol. 31, no. 30,759; vol. 36, nos. 36,571 and 37,569. For Bahçesaray, see *ibid.*, series 1. vol. 27, no. 20,449, and vol. 39, no. 29,983.

38. Druzhinina, *Iuzhnaia*, p. 70; Haxthausen, vol. 2, p. 125.

39. Druzhinina, *Iuzhnaia*. p. 236.

40. P.S.Z., series 2, vol. 8, nos. 5994 and 6373.

41. Pinson, pp. 40–41; P.S.Z., series 2, vol. 31, no. 30,152 (removal of shore inhabitants).

42. P.S.Z., series 2, vol. 36, no. 32,526a.; 36,571,37,514. and 37,731.

43. Sumarokov, *Dosugi Krymskago Sud'i*, vol. 1, p. 158; S.D. Shiriaev, "Pomeshchich'ia kolonizatsiia i russkie usad'by v Krymu," *Krym* 2. no. 4. (1927), pp. 169–86; РаевГ, pp. 1–52.

44. A. Skal'kovskii. *Khronologicheskoe obozrenie istorii novorossiiskogo kraia 1730–1823* (Odessa. 1836). vol. I. p. 221.

45. Nadinskii. *Ocherki*. vol. I. p. 105; Druzhinina. *Severnoe*, pp. 123–24. 129; Druzhinina. *Iuzhnaia*, pp. 240–41; P.S.Z.. series I. vol. 27. no. 20,988; vol. 25. no. 19229; vol. 28. no. 23229.

46. Sumarokov. *Dasugi Krymskago Sud'i*. vol. I., p. 158: an extreme position is presented in Vardges A. Mikaelian. *Na knmskoi zemle* (Erevan. 1974). p. 139. who states that the "removal of the Turkish and Tatar yoke in the Crimea made it possible for "the peoples living there" to practice their own culture.

47. Johann H. Schnitzler. *Description de la Crimee*. (Paris. 1855) p. 67.

48. P.S.Z., series 2, vol. 35, no. 36,297; vol. 37. nos. 37,859 and 38307.

49. P.S.Z., series 2, vol. 51, no. 56,221; *ibid.*, series 3. vol. 13. no. 9877; vol. 14, no. 10,933.

10. The Crimean Tatar National Awakening

1. Haxthausen. vol. 2. p. 99: Druzhinina. Severnoe. p. 139.
2. Edward D. Clarke. *Travels to Russia, Tartare. and Turkey* (New York. 1970), pp. 359–60. 368. 465.
3. Ernest J. Simmons. *Pushkin* (Cambridge, Mass.. 1937). p. 116.
4. Seymour, pp. 248–49. 251.
5. Nadinskii. *Ocherki*. vol. I, pp. 97. 119. 123.
6. P.S.Z., series 1, vol. 22, no. 15.708; I.F. Aleksandrov. “O musul'manskom dukho-venstve.” pp. 211–12.
7. Aleksandrov, pp. 212–13.
8. P.S.Z., series 2, vol. 6, no. 5033.
9. *Ibid.*, vol. 7, no. 5770; vol. 8. no. 6591; vol. 9. no. 6774; vol. 14. no. 12.622; vol. 30. no. 29.903; *ibid.*, series 3, vol. 11, no. 7754. Figure for 1910 in Edige Kirimal. *Der nationale Kampf der Krimtiirken* (Emsdelten. 1952). p. 15.
10. Arsenii I. Markevich. “Nachal’naia stranitsa istorii Simfcropolskoi gimnazii,” *ITU A K 50* (1913), pp. 236–40.
11. P.S.Z., series 2, vol. 5, no. 4167.
12. Demidoff, pp. 80. 185.
13. P.S.Z., series 2, vol. 34, nos. 34.147 and 34.647; B. Veselovskii *Istoriia zemstva za sorok let* (St Petersburg. 1909), vol. I, pp. 718–723. In Simferopol’ district the number of schools increased from 4 to 20; in Evpatoriia there were 10, in Perekop 11; in Ialta district 13. and Feodosiia 28. By contrast, in those districts whose population was not primarily Tatar, the number of schools was much higher Berdiansk. 151; Dneprovsk, 66; and Melitopol. 112.
14. Veselovskii, *Istoriia zemstva*. vol. I, pp. 634–39, 680, 695; see *Sbornik po shkolnoi statistike tavrisheskoi gubernii*. no. 2 (Simferopol’. 1903) for figures on Tatar “national” schools funded in Urge part from revenues collected by the local zemstvos.
15. Veselovskii. *Istoriia zemstva*. vol. I. p. 695.
16. Serge Zenkovsky, *Pan-Turkism and Islam in Russia* (Cambridge, Mass., 1960), pp. 24–25; B. Spuler, *The Muslim World*, vol. 2, p. 92.
17. The most complete biographical account of Gaspirali is found in Cafer Seidahmet, *Gaspirall Ismail Bey: Dilde, Fikirde. İşte Birlik* (Istanbul. 1934). His early life is briefly discussed in Charles W. Hostler, *Turkism and the Soviets* (London, 1957), pp. 123–24. His ideas are most clearly presented in Edward Lazzarini, “Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia,” (Ph.D. dissertation. University of Washington, 1973). and in his article “Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: a View from Within,” *Cahiers* (April-June 1975), pp. 245–77.
18. Hostler. p. 124; Lemercier-Quellejay. “The Crimean Tatars.” p. 20.
19. Isabelle Kreindler. “Educational Policies Toward the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: a Study of Il’minskii’s System.” (Ph.D. dissertation, Columbia University, 1969), pp. 84–85.
20. Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire 1801–1917* (Oxford. 1967), pp. 502–3; Zeki Veledi Toğan. *Bügüinkü Türkili* (Istanbul, 1947). p. 551, quoted in Hostler, pp. 105 6.
21. Cited in Lazzarini. “Ismail Bey Gasprinskii,” p. 17.

22. A. Bennigsen and Chantal Lemercier-Quelquejay. *Lapresse et le mouvement nationalchez: les musulmans de Russie avant 1920* (Paris, 1964), pp. 35–40.
23. Gerhard von Mende. *Der nationale Kampf der Russlandtürken* (Berlin, 1936), p. 216.
24. Zenkovsky. p. 35.
25. Bennigsen and Lemercier-Quelquejay. *Presse*, pp. 40–41; Edige Kirimal. “The Crimean Tatars.” *Studies on the Soviet Union* (new series, 1970). vol. 10. no. I. p. 77.
26. Zenkovsky, pp. 33–34; Bennigsen, *Islam*, p. 41.
27. Hostler, pp. 133–34; Seton-Watson, p. 612; Zenkovsky, pp. 41–42; Kirimal, *Der nationale*, pp. 17–18.
28. M. Szeftel, “The Reform of the Electoral Law to the State Duma on June 3, 1907,” *Liber Memorialis Georges de Lagarde* (London. 1968), p. 33 L
29. Bennigsen and Lemercier-Quelquejay. *Presse*, pp. 138–39.
30. Kirimal. *Der nationale*, pp. 19–20.
31. Bennigsen and Lemercier-Quelquejay. *Presse*. p. 141.
32. *Ibid.*; Arslan Krichinskii. *Ocherki russkoi politiki na okrainakh*, pl. I, “K islorii religioznykh pritenenii krymskikh talar,” (Baku. 1919), pp. 234–35.
33. Krichinskii. *Ocherki*, pp. 234 35.
34. Bennigsen and Lemercier-Quelquejay. *Presse*, p. 142.
35. Kirimal, “The Crimean Tatars,” p. 78.
36. G. E. von Grunebaum, “Problems of Muslim Nationalism,” in Richard Frye. *Islam and the West* (Gravenhage, 1957), p. 25.

About the author: Alan W. Fisher – Associate Professor of history, Michigan State University (East Lansing, Michigan, USA). Professor Fisher has received several grants for study abroad. He was given support by the American Research Institute in 1969 and 1976 as well as the ACLS for research in Turkey during 1976–1977. His work *The Crimean Tatars* is the first in the series of volumes that examine the history and development of non-Russian nationalities in the Soviet Union. Professor Fisher examines the history of the Crimean Tatars from the mid-fourteenth century to the present, making use of primary source materials in several European languages, including Russian, as well as the Crimean and Turkish languages.

About the translators: Leylya S. Seyitkhalilova – research laboratory assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); alieva.arzy1985@gmail.com

Крымские татары в национально-государственном строительстве Крымской АССР (20–30-е годы XX века)

Григорий Кондратюк

Крымский инженерно-педагогический

университет имени Февзи Якубова;

Институт истории имени Ш.Марджани АН РТ

Аннотация. В статье проанализированы процессы национально-государственного строительства в крымской АССР в межвоенный период. Отмечено, что начало 1920-х годов характеризуется широким включением в создание органов власти республики представителей крымскотатарского национального движения. Создание крымской АССР стало советским вариантом процессов государственно-го строительства крымских татар.

Ключевые слова: Крымская АССР, Милли Фирка, национально-государственное строительство, РКП(б), татаризация

Для цитирования: *Кондратюк Г.Н.* Крымские татары в национально-государственном строительстве Крымской АССР (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 87–96. DOI: 10.22378/kio.2023.1.87-96

Национальная проблематика получила реализацию с первых же дней установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года. Период гражданской войны, как в РСФСР, так и в Крыму характеризовался активной национально-политической деятельностью. Функционировал целый ряд партий, построенных по этническому критерию, отображавшие, прежде всего интересы крестьянства. В Крыму такой партией являлась Милли Фирка. Эти политические силы ставили перед большевиками вопросы национального строительства и регулирования межнациональных отношений. Политические силы заявляли о своём стремлении к совместной работе с новой властью. Помимо партии Милли Фирка с установлением советской власти попыталась восстановить свою работу и другая политическая орга-

низация. 18 декабря 1920 года в Севастопольский революционный комитет было отправлено сообщение следующего содержания: «Севастопольская Мусульманская Демократическая Организация существовавшая в 1919 году при Советской власти и с приходом белой армии прекратившая свою работу, теперь с 14 ноября возобновила организационную работу»¹. Однако большевики сразу же попытались подавить любые другие политические силы. Надежды представителей ЦК Милли Фирка на легальное существование не оправдались. 30 ноября 1920 года на заседании бюро областного комитета Российской Коммунистической Партии (большевики) (РКП(б)) обсуждался вопрос о партии Милли Фирка. В постановлении фиксировалось: «Одобрить Резолюцию, отвергающую соглашение с группой в целом, как с вредным и ненужным пережитком. Начать кампанию против «Милли Фирка» устной и письменной агитацией»².

Указанная ситуация показывает, что инициатива в области национальной политики исходила только от большевиков, добившихся государственной власти. В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) национальная политика получила название коренизации. Руководство партии определяло комплекс практических мероприятий, их характер. В национальной политике 1920-х годов по отношению к крымскотатарскому народу можно выделить несколько важных компонентов. Во-первых, это административные преобразования в форме создания национальных районов, сельских советов и квотирования. Во-вторых, стремление создать национальный крымскотатарский пролетариат путём коренизации в промышленности. В-третьих, это земельная реформа, на практике ставшая самой сложной в реализации.

Одним из важнейших направлений коренизации стало формирование автономной республики и привлечение крымских татар в советские органы власти и управления. Этот вопрос обсуждался на заседании Президиума Крымского ревкома 6 июля 1921 года. В постановлении по итогам дискуссии отмечалось: «Признать целесообразным и желательным вовлечение в Соваппараты татнаселения для чего: В тех районах и селениях где большинство населения татары в Сель и Райревкомы желательно назначать на должности Предуревкомов татар коммунистов»³. Большевицкая власть стремилась наладить диалог с крымскотатарским населением, который был возможен только тогда, когда она не расценивалась как чуждая. Необходимо отметить, что руководство крымской организации РКП(б) в подборе кадров работников было вынуждено мириться с непролетарским проис-

¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П. 1, оп. 1, д.43, л.20.

² ГАРК. Ф. П. 1, оп. 1, д.23, л.10.

³ ГАРК. Ф. П. 1, оп. 1, д.104, л.87.

хождением. Передовица «Просмотр партии в Крыму» печатного органа большевиков констатировала: «Коммунисты татары в большинстве или мелкобуржуазного происхождения или интеллигенты. Значительная часть их недавние националисты, ставшие коммунистами лишь после тяжёлого опыта, в котором они убедились, что освобождение угнетённых национальностей невозможно без коммунистической революции. Многие из них ещё не отряхнули ветхого Адама мелкобуржуазного национализма» [1, с.4].

С целью обсуждения практических мероприятий политики коренизации руководство Крымского обкома РКП(б) проводило периодические совещания. 16 сентября 1924 года состоялось закрытое заседание Президиума Крымского Областного Комитета (ОК) РКП(б) совместно с членами и кандидатами ОК и ОКК крымскими татарами. На обсуждение была вынесена тема «Национальный вопрос в Крыму (влияние и уклоны)». Выступивший секретарь обкома Носов отметил, что «в худших условиях находится татнациональность. Татар в партии в Крыму по удельному весу мало...Здесь у нас татарского пролетариата нет и в этот момент очень трудно руководить массой»⁴. Участники совещания отмечали, что в парторганизации между коммунистами крымскими татарами существует дискуссия о сущности национальной политики. Так, председатель Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Крымской АССР Вели Ибраимов отмечал, что «создалось положение, теперь мы видим подполье»⁵. Национальная проблематика трактовалась в контексте коммунистической революции и диктатуры пролетариата. Один из активных коммунистов Осман Бекиров указывал, что «мелкобуржуазная стихия оказывает своё влияние на членов партии татар. У нас пролетарского ядра нет. Никто не может похвалиться своим происхождением – или торговец, или сын муллы... Мы являемся сознательными руководителями пролетарской Революции и в таком духе должны подойти ко всем слоям населения»⁶. Практические мероприятия национальной политики обсуждались и на специальных совещаниях коммунистов крымских татар. 7 июля 1924 года в Симферополе состоялось Совещание крымскотатарских партийных работников города. По итогам работы был принят документ «Практические предложения по работе среди татар Крымской ССР». В нём был намечен комплекс партийных мероприятий по реализации политики коренизации. Ставилась задача обратить особое внимание на землеустроительные работы в крымскотатарских районах при землеустройстве, учесть количество и провести организацию батраков.

⁴ ГАРК. Ф. П. 1, оп.1, д.320, л.177.

⁵ Там же. Д.320, л.178.

⁶ Там же. Д.320, л.179.

Важным направлением являлась пропагандистская работа и ставилась задача сделать газету «Новый мир» массовой и популярной среди крымскотатарского крестьянства. Особое внимание должно было быть уделено созыву и проведению беспартийных крымскотатарских конференций. На этих конференциях осуществлялся диалог власти с крестьянством, выяснялись политические настроения различных слоёв крымских татар. Но важнейшими заданиями, определёнными документом, были вовлечение крымских татар в партию и аппарат государственной власти и управления: «Принимая во внимание наличие в значительной степени татарского населения и отсутствие в партийных и советских аппаратах татарских работников, принять срочные меры к татаризации в достаточной мере партийного и советского аппарата»⁷.

Процесс государственного строительства требует времени, обладает определённой инерционностью. Процесс коренизации органов власти и управления происходил медленно. Одним из важнейших сдерживающих факторов являлось отсутствие квалифицированных работников. Курсовая форма подготовки стала важнейшим источником пополнения штатов. Так, в 1925 году на областных курсах по подготовке «низового татактива» обучалось 116 человек, курсах по подготовке председателей и секретарей сельских советов 130 человек, подготовке секретарей народных судов 12 человек и переподготовки комсомольских работников 70⁸.

Усилия по организации и проведению курсовых мероприятий, а также квотирование в народных комиссариатах, принесли свои результаты. К 1926 году в составе сельских советов из 2080 человек крымских татар насчитывалось 806 или 39,9%. Из 143 председателей сельских советов крымских татар было 54 или 40%. В составе членов районных исполнительных комитетов крымские татары составляли 20%. Из 75 человек избранных в состав ЦИК Крымской АССР крымских татар было 30 или порядка 40%⁹. Значительно медленнее происходило пополнение партийной организации. На 1 января 1925 года в РКП(б) было 236 коммунистов крымских татар или 4,6% общего числа парторганизации. К 1 октября их число возросло до 440 человек и составило 7,1% парторганизации¹⁰.

Одним из органов, принявшим активное участие в реализации политики коренизации стала специально созданная Национальная комиссия при ОК РКП(б). 13 октября состоялось её первое заседание. Возглавил комиссию секретарь Крымского обкома Петропавловский, а членом Президиума являлся Мурат Мамут-Недим. На первом заседании с отчётом о проделан-

⁷ Там же. Д.320, л.123.

⁸ ГАРК. Ф. П. 1, оп.1, д.320, л.177.

⁹ Там же. Д.388, л.43.

¹⁰ Там же. Д.388, л.44.

ной работе выступил Усеин Балич, занимавший пост Уполномоченного по охране прав и интересов национальных меньшинств при Президиуме ЦИК Крымской АССР¹¹.

Важным направлением национальной политики стало создание крымскотатарских сельских советов. Сельсовет являлся низовым звеном советской власти и фактически персонифицировал власть в глазах населения. В 1926 году был начат процесс, получивший название разукрупнение сельских советов. Сельские советы должны были обслуживать меньшее количество сельских жителей и формировались по национальному критерию. До начала этой программы в Крымской АССР насчитывался 51 крымскотатарский сельский совет, а в декабре 1926 года уже 145 крымскотатарских сельских советов. Планировалось довести их число до 184¹². Власть стремилась говорить с крестьянами в буквальном смысле слова на их родном языке, поэтому работа сельских советов осуществлялась на крымскотатарском языке. Это обстоятельство расценивалось как чрезвычайно важный ориентир коренизации: «делопроизводство на родном языке в разукрупнённых сельсоветах, судопроизводство на том же языке, возможно и бухгалтерия во всех общественных учреждениях данного сельсовета – элементы культурного роста»¹³.

Итоги работы по коренизации в области советского строительства были оценены позитивно руководством Крымского обкома ВКП(б). в партийном документе констатировалось: «Интерес татарского населения к работе советов и их секций выше всех других национальностей. Большим сдвигом по пути улучшения работы татарских с/советов будет полный перевод их делопроизводства на национальный язык и снабжение с/советов законодательным и руководящим материалом на национальном языке...Перевод делопроизводства на татарский язык вызвал большое сочувствие среди татарского населения...Всего на татарский язык переведено 55 сельсоветов, в том числе 37 полностью и 18 частично»¹⁴.

Позитивным аспектом политики коренизации стало изменение статуса крымскотатарского языка и расширение сферы его применения. Как в Конституции Крымской ССР, так и в работе Постоянной комиссии по татаризации, учреждённой при ЦИК и СНК Крымской АССР языковому вопросу уделялось значительное внимание. При СНК автономии была создана Коллегия переводчиков, которая осуществляла работу по переводу и изданию всех декретов и законов на крымскотатарский язык, оформления и издания законодательных сборников. 25 июля 1929 года СНК Крымской АССР был

¹¹ Там же. Д.435, л.11.

¹² Там же. Д.547, л.86.

¹³ Там же. Д.547, л.70.

¹⁴ Там же. Д.547, л.98.

принят декрет о ведении документации на крымскотатарском языке в госучреждениях и общественных организациях в районах, городах с большим количеством крымских татар. Для реализации декрета были установлены весьма сжатые сроки [2, с.1]. Крымскотатарский язык активно внедрялся не только в верхних эшелонах власти. В докладе «Обзор работы по нацстроительству Крымской АССР», подготовленному в декабре 1926 года отмечалось, что «при райисполкомах учреждены должности переводчиков и законом о реализации работы по татаризации предусмотрен обязательный приём всех заявлений на татарском языке. Отменены также все существовавшие ранее ограничения татарского языка при подаче телеграмм, разговоров по прямому проводу. Наркоматам и Центральным учреждениям предложено иметь в своих штатах лиц, владеющих татарским языком»¹⁵.

Одним из важных элементов коренизации стало создание национальных районов. 15 декабря 1930 года за подписью Председателя ЦИК Крымской АССР Кубаева, увидело свет постановление о новом административном устройстве полуострова. Целый ряд районов стал национальными. Национальными крымскотатарскими районами являлись Бахчисарайский, Судакский, Балаклавский, Ялтинский и Алуштинский [3, с.9]. Таким образом, выстраивалась вертикаль власти от сельского совета до уровня района по национальному критерию.

Вторым важнейшим направлением коренизации стало привлечение крымских татар в работу промышленных предприятий. Политический компонент коренизации в промышленности был приоритетным. Доктринальным положением являлось формирование национального крымскотатарского пролетариата. Большевицкая идеология была ориентирована на городских промышленных рабочих. Но по социальному составу крымские татары являлись крестьянами, главные интересы которых находились в области проведения аграрной реформы. В обзоре «Работа парторганизации по коренизации партийного, советского, профессионального и кооперативного аппарата» отмечалось, что «одной из конкретных задач практического проведения национальной политики является вовлечение татар в промышленность, создание некоторой прослойки татарского пролетариата»¹⁶. 1 марта 1929 года было опубликовано постановление ЦИК Крымской АССР о коренизации в промышленности. В постановлении отмечалось, что «советская власть взяла решительный курс на насаждение промышленности у источников сырья и на создание кадров пролетариата из коренных национальностей окраин, как необходимая важнейшая мера по укреплению социальной базы советов». В документе ставилась задача по четырём груп-

¹⁵ ГАРК Ф. П. 1, оп. 1, д.547, л.83.

¹⁶ ГАРК Ф. П. 1, оп. 1, д.636, л.61.

пам промышленности увеличить процент коренизации с 5,9% до 22,7% или в абсолютных цифрах с 1092 работников крымских татар в 1927/28 году до 6668 в 1932/33 годах [4, с.15]. Третья сессия ЦИК Крымской АССР проходившая 18 февраля 1932 года в постановлении «О контрольных цифрах народного хозяйства Крымской АССР на 1932 год» отметила, что в 1929 году в промышленности насчитывалось 610 работников крымских татар, в 1930 году 1912, а в 1932 году уже 6394 человек¹⁷. Коренизация в промышленности не ограничивалась привлечением на производство дополнительных рабочих, а должна была реализовать политические задачи. В ноябре 1929 года в автономии работала комиссия под руководством Досова, проверявшая выполнение директив Президиума ВЦИК. В выводах по обследованию фиксировалось: «Коренизация в промышленности – это вопрос огромной политической важности, это вопрос расширения и углубления пролетарского влияния на мелкобуржуазную татарскую деревню, где ещё сильно влияние духовенства, кулачества и прочих антисоветских элементов» [5, с.27]. Привлечение крымских татар на промышленные предприятия требовало времени, организационных усилий и главное обучения с целью получения определённой квалификации. В «Обзоре формирования национального пролетариата в Крыму» признавалось, что «темпы вовлечения татар в промышленность не могут быть признаны удовлетворительными. Удельный вес рабочих коренной национальности по всей государственной промышленности равняется 10,5%. Особенно мал процент по союзной промышленности 8,1%»¹⁸.

Третьим направлением национальной политики в Крыму являлась аграрная реформа. По своему социальному составу крымские татары являлись крестьянами. Согласно данным Всесоюзной переписи 18–23 декабря 1926 года в Крымской АССР проживало 179094 крымских татар. Из них сельских жителей 143752, а горожан только 35342¹⁹. Поэтому перераспределение земельных ресурсов затрагивало интересы значительной части крымских татар. Земельная реформа, как часть национальной политики, предполагала проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Внутриселенное означало, что в пределах небольшого радиуса упорядочивается пользование земельными участками. Межселенное землеустройство предполагало выселение части крымских татар из Южного берега в степные районы. Переселиться должны были те крестьяне, у которых земельный надел был значительно меньше нормы наделения, и изыскать возможности его увеличения не было. Однако у земельной реформы

¹⁷ ГАРК. Ф. Р-663, оп.4, д.884, л.3.

¹⁸ ГАРК. Ф. Р-663, оп. 5, д.329, л.169.

¹⁹ ГАРК. Ф. П. 1, оп. 1, д.636, л.40.

был и специфический компонент. Аграрная реформа предполагала выделение земли для реэмигрантов крымских татар из-за рубежа. В октябре 1925 года в ЦИК Крымской АССР обратилась инициативная группа с просьбой разрешить создание Общества по реэмиграции и расселению крымских татар «ОРК» (Коч-Ярдыми). В уставе общества две генеральные задачи определялись как «Всячески помогать татарам-эмигрантам и их потомкам, обратно переселяющимся в Крым как при самом возвращении их на родину, так и при дальнейшем устройстве их на местах; содействовать расселению малоземельных и безземельных татар»²⁰.

Вопрос о реэмиграции крымских татар и выделении для них земельных участков обсуждался на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР 29 января 1925 года. Докладчиком по вопросу был народный комиссар юстиции Решид Ногаев. По итогам обсуждения вопроса было принято постановление, в котором указывалось: «возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о разрешении въезда в Крым татар эмигрантов из Болгарии и Румынии, в первую очередь в количестве 20000 душ...удовлетворить полностью из имеющегося в Крыму запасного земельного фонда в первую очередь реэмигрантов татар, забронировав за ним необходимое количество земли для первой партии в количестве 100000 десятин»²¹. Народный комиссариат земледелия автономии до 1926 года проводил, в основном, внутриселенное землеустройство. Оно должно было устранить чересполосицу, создать более благоприятные условия для ведения хозяйства земельными обществами. С 1926 года Народный Комиссариат Земледелия Крымской АССР начал расселять крестьян из аграрно перенаселённых южных регионов полуострова сначала в пределах одного района, а при недостатке фондов ГЗИ, в степную часть. Предполагалось переселить 9534 хозяйства. Из общего количества 5478 хозяйств из горных селений, жителями которых являлись крымские татары. 3056 хозяйств должны были составить безземельные и малоземельные крестьяне. Третью группу составляли реэмигранты крымские татары. Однако, планы по возвращению на родину, так и остались на бумаге. К 1928 году изменилась внутривластическая ситуация и в аграрной сфере были определены новые приоритеты.

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что национальная политика межвоенного периода стала комплексом мероприятий, затрагивавшим все сферы жизни крымскотатарского народа. Создание Крымской АССР и принятие Конституции автономии открыло широкие возможности для политики коренизации. В Конституции, утверждённой I Всекрымским съездом советов, крымскотатарский язык был объявлен государственным, и

²⁰ Там же. Д.382, л.96.

²¹ ГАРК. Ф. Р-137, оп.1, д.99, л.181.

провозглашалось о необходимости проведения земельной реформы. Крымские татары были вовлечены в процесс государственного строительства, деятельность органов власти и управления. Существенно возросли возможности получения образования молодёжью. Был создан целый ряд национальных учебных заведений, например, Тотайкойский педагогический техникум, Техникум южных спецкультур. В рамках коренизации активно осуществлялась издательская деятельность. Система профессионально-технического образования готовила квалифицированные инженерно-технические кадры для коренизации в промышленности. Аграрная реформа избавила от безземелья и малоземелья значительную часть крестьян крымских татар. 1920-е годы можно, в целом, оценить как позитивный и результативный ход коренизации. С середины 1930-х годов коренизация стала носить формально бюрократический характер. Её итоговой датой можно считать 1938 год, когда репрессии перечеркнули накопленные положительные достижения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Известия Крымского ОК РКП(б). 1921. №4. 12 сентября.
2. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. №45. 21 июля.
3. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. № 75. 26 декабря.
4. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Крымской АССР. 1929. №2–3. 1 апреля.
5. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1929. № 4. 15 декабря.

Сведения об авторе: Кондратюк Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); kondratjukkipu@gmail.com

Crimean Tatars in the national-state construction of the Crimean ASSR (20–30s of the 20th century)

Grigorii Kondratjuk

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the processes of national-state building in the Crimean ASSR in the interwar period. It is noted that the beginning of the 1920s was characterized by a wide inclusion of the representatives of the Crimean Tatar national movement in the creation of the authorities of the republic. The creation of the Crimean ASSR became the Soviet version of the state building processes of the Crimean Tatars.

Keywords: Crimean ASSR, Milly Firka, national-state building, RCP (b), Tatarization

For citation: Kondratjuk G.H. Crimean Tatars in the national-state construction of the Crimean ASSR (20–30s of the 20th century). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 87–96. DOI: 10.22378/kio.2023.1.87-96 (In Russian)

REFERENCES

1. Proceedings of the Crimean RK RKP(b). 1921. №4. 12 september.
2. Bulletin CEC and CPC Crimean ASSR. 1930. №45. 21 july.
3. Bulletin CEC and CPC Crimean ASSR. 1930. № 75. 26 december.
4. Collection of Legalizations and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the Crimean ASSR. 1929. №2–3. 1 april.
5. Bulletin CEC and CPC Crimean ASSR. 1929. № 4. 15 december.

About the author: Grigorii N. Kondratjuk – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Russian Federation); Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); kondratjukkipu@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

УДК 37.014.521:297

DOI: 10.22378/kio.2023.1.97-105

Джемиль Сеитабла Керменчикли (1891–1942) эдебий-медений бир темсиль сыфатында

Исмаил Керим

*Февзи Якубов адына Къырым муэндислик
ве педагогика университети;*

*Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы,
Ш.Марджани адына Тарих институты*

Анълатма. Джемиль Керменчикли XX асырнынъ башларындаки корюмли къырымтатар шаирлеринден бири оларакъ аслында Къырымдаки миллий назмиетке кендисининъ гъает буюк иссесини къошкъандыр. Макъалеле онынъ иджадына якъын араларда булунгъан янғы материаллар меншурындан козь ташлана ве ильмий биографиясына сонъ вакъытлары мейдангъа чыкъкъан весикъаларгъа эсасланаракъ янғы фактлар кирсетильмекте. Булардан гъайры, муэллифининъ зенгин публицистикасы ве журналистикасына дикъкъат айрыла. Макъалеле иляве оларакъ муэллифининъ 100 йыл девамында матбаа юзю корьмеген шиирлери берильмекте.

Анахтар сёзлер: Къырымтатар назмиетининъ XX асырнынъ башларындаки деври, Джемиль Керменчиклининъ менсурий темсили, къырымтатар назмиетининъ янғы нумюнелери

Энь-эввеля хабер бермели ки, Джемиль Керменчиклининъ реабилитациясы Одесса Харбий Округынынъ 03.02.1959 сенесиндеки отурымында олып кечкендир.

Сонъундан баягы йыллар девамында Дж. Керменчиклининъ аяты ве фаалиети гъает темелли огренильсе де, лякин онынъ иджады о къадар кениш ве меракълы ки, янъыдан бир тедкъикъ талап олунгъаны ачыкъ-айдын корюнмектедир.

2005 сенеси яш алим Т.Н. Кирымнинъ чокъ гузель азырлагъан Дж. Керменчиклининъ эсерлер топламы нешир юзюни корьген эди [7]. Сонъра Т.Н.Кирым бу мевзуда кандидатлыкъ диссертация азырлагъан вакътында, арадаки бир нетидже сыфатында 2007 сенеси рус тилинде «Творческое наследие Джемиля Керменчикли. Первая треть XX века» серлевалы джиддий бир де монография нешир этти [8]. Ве, ахыры, 2009 сенеси Т. Шевченко адына Киев Миллий Университетнинъ «Д 26.001.39» номерли махсус ильмий шурасында кандидатлыкъ диссертациясыны да къорчалады [9].

Занымызда, дженктен сонъки къырымтатар филологиясы илиминде ильк оларакъ кенди чалышмасында Т.Н. Кирым араб язысында къулла-нылгъан менбаларнынъ джумлесини ве эсерлер топлантыдаки ширий метинлерни шу языда, яни оригиналда олгъаны киби (араб язысында) компьютерде топлап бергендир. Биз исе, аля бугунъ араб язысыны бильсек де, компьютерде топламагъа бильмегенимиз ичюн, араб графикасындаки менбаларны я кирилъдже, я да латин язысына чевирип бермектемиз...

Ама о заманда, яни 2000-нджи сенелерининъ башында чешит себеплерден долайы, шу джумледен Ватан-ы-Къырымгъа авдет ве ерлешме меселеси ве дигер аджеле япыладжакъ ишлер иле багълы олып, Москва ве С.-Петербургнынъ меркезий кутюпханелеринде булунгъан ве къорунгъан, меджазле айткъанда, тонналарнен материалларнынъ чокъсуны къолда къалемле дикъкъатлы окъуп чыкъмакъ ич бир тюрлю имкъаниети ёкъ эди.

Бу ве бунъа бенъзер себеплерден, сонъ вакъытлары янъыдан булунгъан бир чокъ малюматлар, чешит къыскъа хаберлер, материаллар, шулар арасында Дж. Керменчиклининъ онларнен макъалелери, шиирлери, ильмий чалышмалары, интервьюлары, дигер чешит язылары, онынъ шахсиети ве фаалиетине янъыдан янашмагъа буюк имкъанлар ачмакъта.

Дж. Керменчиклининъ биографиясына келиндже, о акъкъында язгъанлардан огълу Эрдживан Керменчикли, язджыларымыздан А. Дерменджи ве дигерлери эшиткенлери ве бильгенлерине коре хатыралар къалдырдылар. Буларда бир чокъ шейлер къарарле, яни тасдыкълайдыжы весикъалар олмадан, тарифленмекте...

Къырым архивлерининъ «спецхран»ларында булунгъан материалларгъа коре, Дж. Керменчикли 1937 сенеси июль 27-де хапс олуна. Онынъ

кендисининь Акъмесджитте тюръмеде ятып соргъуларда берген малюматларны джумлештиргенде, кыскъа биографиясы бойле левханы тешкиль этмекте:

Догъгъан йылы: 1891.

Догъгъан ери: Къырым, Керменчик кою.

Партия азасы дегиль.

Тахсили: орта там олмагъан. 8 яшында Багъчасарайда башлангъыч мектепке окъугъандыр, сонъра 1907 сенесинедже о еркеди медреседе («Зынджырлы»да), 1908 ве 1909 сенелери Истанбулдаки дарульмуаллиминде, 1909 ве 1910 сенелери Оренбургда «Хусайния» медресесинде окъуды.

Бабасы: Сеитабла (молла).

Анасы: Анифе (эв бикеси).

1910–1916 сенелери Ялта уезди Мисхор коюндеки татар мектебинде оджалыкъ ишинде.

1916–1919 сенелери Кезлевдеки хайрие мектебинде оджа.

1917 сенеси «Терджиман» ве «Миллет» газеталарында терджиме ишлеринде (терджимелери: таджик, озъбек, кыргъыз ве дигер тиллерден, ве шу арадаки назм иджады).

1919–1921 сенелери Керменчик коюндеки татар мектебинде оджа.

1921–1929 сенелери Къыркъ-Чолпан коюндеки татар мектебинде оджа.

1929–1937 сенелери Сакъ больгеси Башмакъ коюндеки татар мектебинде оджа [1].

Юкъарыда къайд эткенимиз киби, бундан эввель чокъ йыллар девамьнда Джемиль Керменчиклининь биографиясы о акъкъында язгъанларнынъ хатыраларына эсасланмакъта эди. Эбет ойле! Чюнки о заманда не адий киши, не де илим адамы Къырымдаки архивлерге кирип оламаз, ве кирсе де, бойле весикъалар ала бильмез эди. Табий, бойле шараитте дигер чаре ве имкъаниет олгъанына коре иш япылды.

1990 сенеси февраль 18-де (базар куню) биз, о вакъытта Низами адына Ташкент девлет педагогика институтынынъ кырымтатар тили ве әдебияты болюгинде 2-нджи курста окъугъан, Лейля Абдурешитова адлы талебемле бирликте автобускъа минип Янгиюль шеэринде Джемиль Керменчиклининь огълу Эрдживан Керменчиклиге бабасы акъкъында хатыраларыны язмакъ ичюн бардыкъ. Эрдживан агъанынынъ къадынынынъ миллети немсе (алман) эди. Орта яшларында чокъ мусафирчен ханым сыфатында бирден мутфакъ оджагъынынъ фурунына бир папий дамлап ерлештирди. Папий пишкендже, биз Эрдживан агъанен бабасы акъкъында къонушып баягъы левхалар язып алдыкъ. Къонушмамыз умумен 5 саатке якъын олгъандыр.

Чокъ языкълар олсун, Эрдживан Керменчиклининь о куньдеки хатыраларыны дикъкъатле язып алсакъ да, чешит себеплерден долайы шу арада

нешир этмеге сыра тапамадыкъ. Бир йылдан сонъ, Эрдживан агъа кенди юрекленип бабасы иле багълы базы хатыраларыны «Йылдыз»да нешир этти. Шу нешир олунгъан парчада Джемиль Керменчиклининъ ич бир соргъу протоколларында корюндеген бойле меракълы хатыра левхасы булунмакъта: «1937 сенесининъ июнь айы эди. Рахметли бабамны кимдир мектюпнен Кезлевден чагъыртты. Бабам аджеле азырланып, мени де озюнен берабер алды. (О вакъыт мен 13 яшында эдим). Корюшов «Средняя» сокъагъындаки Бекмамбет агъанынъ эвинде олып кечти. Мектюпнинъ муэллифи – Фетислямов фамилиясында мазаллы, муляйим чехрели адам, бабамдан эпшейи яш эди. Эки-учъ саат девам эткен бу сухбет вакътында, мен де шу оада булунып, айтылгъан эр бир лакъырдыны динълеген эдим. Лакъырды бабамнынъ буржуа революциясындан сонъ дердж олунгъан ширий джыйынтыгъы ве икяелери акъкъында кетти. Меним анълагъаныма коре, бу эки китапны манаджа рус тилине терджиме этмек ОГПУ тарафындан Фетислямовгъа авале олунгъан эди. Шунунъ ичюн де бу корюшов къатыен гизли откериленген. Фетислямовны бабам чокътан биле ве о, онынъ якъын танышы ве досту экен. Бу акъта манъа бабамнынъ озю сэйлеген эди. Кезлевдеки корюшовден бирраз вакъыт кечкен сонъ, бабамны Акъмесджитке чагъырдылар. Акъмесджиттен къайтып кельген сонъ, бабам бу чагъыртувнынъ себебини анама айтса керек, анамнынъ чехреси бутюнлей денъишти, юзюнде гъам-къасевет корюнди. Анамнынъ эр кунъ агълагъаныны коре эдим. Аилемизни фаджиалы вакъиа беклегенини эр кес дую эди» [5, с. 60].

Бу ерчикте токъталып къыскъа бир анълатма кирсетмек керектир. Яни Дж. Керменчиклининъ «... буржуа революциясындан сонъ (1917–1918 сенелери) дердж олунгъан ширий джыйынтыгъы ве **хикяелери...**» джумлесинде «дердж этильген хикяелери» ибаресини мытлакъ ачыкъла-малы. Чюнки аля бугунъ бу белли олмагъан меселедир. Джемиль Керменчиклининъ икяелери нешир этильдими, ёкъмы? Бу акъта ич бир тюрлю хаберимиз ёкъ. Нешир этильген олса, ич олмадым бир нусха, китабы къайда? Бугунъки эдебиятшынаслыгъымызда меракъ догъургъан бир алдыр. Биз кечкен декабрьде (2022 с.) кене Москвадаки Русие Девлет Кутюпханенсинде «Миллет» (1917–1920) газетининъ джылтларыны экинджи кере дикъкъатнен козьден кечиргенде, апансыздан Джемиль Керменчиклининъ икяелеринен багълы бойле меракълы хаберге огърадыкъ: «Енъи китаплар». Тезден генч шаирлеримизден Джемиль эфенди Керменчиклининъ «Кучюк достларыма» намындаки шиир меджмуалары дердж олунаджакътыр. Биринджи китапта шу шиирлер басыладжакътыр: «Сонъ сёз», «Расткеле бир корюшов», «Хатибе», «Мукъаддес эмелимиз олуркен», «Челебиджихане», «Бир фахише агъзындан», «Дженк мейданы»... Бундан сонъ сырасыле икинджи, учюнджи шиир

меджмуалары ве «**Миллий хикяелери**» басыладжакътыр» [10]. Эрдживан агъанынъ хытырлавындаки «Фетислямовгъа китапны чевирмек буйругъы» ачыкъ анълатмакъта ки, «Хикяелер китабы» нешир олунгъан ве 1930-нджы сенелери халкънынъ къолунда булунмакъта эди. Эрдживан агъанынъ хаберине коре, шу «китап гульгулю тюсте» эди [2, с. 234].

Ишбу сонъкиси дикъкъатымызны айрыджа чекмеси себеби, бундан эввельки языларымызда да косътергенимиз киби, 1917 ве 1921 сенелери арасында Къырымда нешир олунгъан китаплар бугунде сийректен-сийрек корюнмекте. Бир чокълары исе ич бир ерде, ич де тапылмай! Эсас себеби – о вакъытта «Къырым оджагъы» ве «Миллет» матбааларында (бу девирге аит «Герджиман» матбаасындаки неширлерни коръмедик) басылгъан китаплар 1917 сенеси Февраль инкъилябындан сонъ пейда олгъан девлеттеки къарама-къаршылыкъларда ве къалабалыкълар нетиджесинде китап нешир этильген сонъ, белли микъдарда нухалары махусус адреслерге («Закон обязательного экземпляра документов (ОЭД) как ресурсной базы комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов и развитие системы государственной библиографии – учётно-регистрационная национальная библиография») кондерильмегенинден, бир чокълары ич бир нухада биле сакъланмадылар. Эгер де о вакъыттаки газетлерде шу китапларнынъ нешир этильмесинен багълы хаберлер басылмасайды, буларнынъ нешири акъкъында бугунде аслы да билинмейджек эди.

Эрдживан Керменчиклининъ журналда басылгъан хатырасында Кезлевдеки къонушмадан бир муим эпизод къачырылгъаныны коремиз. Яни Кезлевдеки корюшювде Фетислямов органлардан берильген вази-фесини анълата ве Джемиль Керменчиклининъ эсерлерини русча тарифлеп бермек керек олгъаныны айта. Бизим кунъделик языларымызда шу арада Джемиль Керменчиклининъ журналда басылгъан парчасына бойле къошма да бар. Джемиль Керменчикли Фетислямовнынъ къонушмасындан меселени анълагъан сонъ, бойле дей: «... Сен олгъаны киби яз, бир шейни денъиштирме. Язмасанъ, озюнъни къабаатлы этерлер...» [3]. Яни Джемиль Керменчикли кендисини олюмге кетиреджек шараитте де генч әдебиятчы Алим Фетислямовнынъ аятына зарар кельмесин дее агъырлыкъны озъ усьтуне ала. Джемиль Керменчикли о вакъыт 46 яшында олса, Алим Фетислямов 32-ге кирген эди.

Кене де Эрдживан агъанынъ макъалесинде къайд этильмейип къалгъан даа бир эпизод булунмакъта. Джемиль Керменчикли тюрьмеде булунгъанда (Адреси: г. Архангельск. Левый берег. Село Талага, п/я № 136/2), бала-чагъасына бир къач дефа мектюплер язгъан. Бизим кунъделигимизде Эрдживан агъанынъ айткъаны киби, шу мектюплерден бирисинде Джемиль Керменчикли Архангельск тюрьмесинден бойле язгъан: «Мен

энди махсус группагъа къатнап нота (музыкаль нота) огренем» [4]. Яни Джемилъ Керменчикли яшына ве тюръмедеки шараитке (дагъ кесме ишлеринде букюльгенине) бакъмадан, музыкагъа авесленип нота огренмеге аракет эткен.

Журналда басылгъан хатырлавында Эрдживан агъа бабасынынъ вефатыны 22 январь 1942 сенеси оларакъ косьтере, ама бизде олгъан архив справкасында 1942 сенеси январь 24 оларакъ къайд этильмекте. Яни Джемилъ Керменчиклининъ вефаты куню эки тюрлю: январь 22 ве январь 24 оларакъ къайд этильмекте. Буларнынъ къайсы даа догъру бугуньде белли дегиль.

Насыл олса да, тесадуфен Эрдживан агъа 1950-нджи сенелерининъ башында «Трудовой лагерь»де Чуваш АССР Киря станциясында ерлешкен «спецстрой»да дагъ кесюв ишлеринде булундыгъы заман, 1952 сенеси Чуваш АССРнинъ махсус комендатурасына барып полковник Калиновскийге мураджаат этип, бабасынынъ не вакъыт ве къайда кечингени акъкъында сораптыра. Полковникнинъ пейда эткен справкасындан гъайры, бу шекильде агъзавий тарифлемеси де олгъан: 1942 сенеси январь айында Архангельск лагерьлеринде булунгъан бутюн махбюслер, немселернинъ къолуна тюшмесинлер дее, НКВД аскерлери тарафындан пулемётлар иле атылып траншеяларгъа комюльгенлер [6, с. 62]. Бу малюматнынъ янына зыт корюнген бойле бильгини де къошмакъ истеймиз. Языджы, педагог ве илим хадимлеримизден Яхья Наджи Байбуртлы да репрессия олунып тамам шу йыллары Архангельск гулагларындан биринде булунгъан эди. Ама онынъ вефаты китапларда 1943 сенеси оларакъ косьтерильмекте! Архангельск шеэри ве этрафындаки лагерьлернинъ дженк вакътындаки вазияти акъкъында интернетте пек чокъ (бинълернен) весикъалар косьтерильмекте. Бу весикъалардаки малюматларгъа коре, 1941–42 сенелери о ерде пек чокъ халкъ ачлыкътан ве хасталыкълардан къырылгъандыр...

(Девамы бар).

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. ГАРК (махсус болюк). Ф. 8. Д.010683. С. 1–87.
2. Керим И.А. «Вакъианувис. Куньделик. Къысым 1–2. 1976–2000» (Эльязма).
3. Керим И.А. Айна менба. С. 233.
4. Керим И.А. Айны менба. С. 234.
5. Керменчикли Э.Дж. Дешетли кечмишни хатырлап // Йылдыз. 1991. № 2.
6. Керменчикли Э.Дж. Айны менба.

7. Керим Т.Н. Джемиль Керменчикли. Ма-бих-иль ифтихарым кырым-лыктыр меним гыурурым. Акъмесджит: Кырымдевокъувпеднешир, 2005. 136 с.
8. Керим Т.Н. Творческое наследие Джемиля Керменчикли. Первая треть XX века. Симферополь: Оджакъ, 2007. 163 с.
9. Керимов Т.Н. Творчість Джеміля Керменчіклі: тематика, семантика, лінгвостильові особливості. УДК: 821.512.145"18/19"+929. Спеціальність 10.01.10 – кримськотатарська література. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. 2009. 20 с.
10. Хабберджи. Енъи китаплар // Миллет. 1917. № 55. сентябрь 3.

Муэллиф акъкъында малюмат: Керим Исмаил Асаногълу – филология фенлери докторы, профессор, Февзи Якубов адына Кырым муэндислик ве педагогика университети янындаки Кырымтатар филологиясы, тарихи ве кырым этносларынынъ медениети ильмий-теджкыкыат институтынынъ мудири (295015, Учебный аралыгы, 8, Акъмесджит, Русие Федерациясы); Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы Ш.Марджани адына Тарих институтынынъ Кырымдаки ильмий меркезининъ етекчи ильмий хадими (420111, Батурина сокъагы, 7А, Къазан, Русие Федерациясы); alimes@mail.ru

Литературно-культурный типаж Джемиля Сеитаблы Керменчикли (1891–1942)

Исмаил Керимов

*Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова;*

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Аннотация. Джемиль Керменчикли один из ярких крымскотатарских поэтов начала XX века, сыгравших значительную роль в развитии национального поэтического слова в Крыму. В статье на основе новых материалов, обнаруженных в последнее время как в центральных, так и в хранилищах региональных библиотек России, раскрываются новые грани его творчества и вносятся множество уточнений в разработку научной биографии автора. Уделяется внимание богатой публицистической и журналистской составляющей его творчества. В приложении к статье даны неизвестные поэтические произведения автора, относящиеся к периоду Первой мировой войны.

Ключевые слова: Крымскотатарская поэзия начала XX века, поэтический типаж Джемиля Керменчикли, новые материалы крымскотатарского поэтического творчества

Для цитирования: Керимов И.А. Джемиль Сеитабла Керменчикли (1891–1942) эдебий-медений бир темсиль сыфатында [Литературно-культурный типаж Джемиля Сеитаблы Керменчикли (1891–1942)] // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 97–105. DOI: 10.22378/kio.2023.1.97-105

Сведения об авторе: Керимов Исмаил Асанович – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alimes@mail.ru

Literary and cultural character of Cemil Seitabla Kermenchikli (1891–1942)

Ismail Kerimov

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. Cemil Kermenchikli is one of the brightest Crimean Tatar poets of the 20th century, who played significant role in the development of the national poetic word in Crimea. In the article, on the basis of new materials recently found in the central and in the repositories of regional libraries in Russia, new facets of his work are revealed and many refinements are made to the development of the author's scientific biography. Attention is paid to the rich journalistic component of his work. The appendix to the article contains unknown poetic works of the author relating to the period of the First World War.

Keywords: Crimean Tatar poetry of the early 20th century, poetic character of Cemil Kermenchikli, new materials of the Crimean Tatar poetic creativity

For citation: Kerimov I.F. Literary and cultural character of Cemil Seitabla Kermenchikli (1891–1942). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 97–105. DOI: 10.22378/kio.2023.1.97-105 (In Crimean Tatar)

REFERENCES

1. GARK (makhsus bolyuk). F. 8. D.010683. C.1–87. (In Crimean Tatar)
2. Kerim I.A. «Vak"anuviv. Kun'delik. K"ysym 1–2. 1976–2000». (In Crimean Tatar)
3. Kerim I.A. Ayna menba. P. 233. [Same source] (In Crimean Tatar)
4. Kerim I.A. Ayny menba. P. 234. [Same source] (In Crimean Tatar)
5. Kermenchikli E.Dzh. Deshetli kechmishni hatyrlap [Remembering terrible past] // Jyldyz. 1991. №2. (In Crimean Tatar)
6. Kermenchikli E.Dzh. Ayny menba [Same source]. (In Crimean Tatar)
7. Kirim T.N. Dzhemil' Kermenchikli. Ma-bikh-il' iftikharym k"yrymlyk"tyr benim g"ururym. [I am proud of being a Crimean Tatar] Ak"mesdzhit: K"yrymdevok"uvpedneshir. 2005. 136 p. (In Crimean Tatar)
8. Kirim T.N. Tvorcheskoe nasledie Dzhemilya Kermenchikli. Pervaya tret' XX veka. [Creative heritage of Cemil Kermenchikli. First quarter of the XX century] Simferopol': Odzhak". 2007. 163 p. (In Russian)
9. Kirimov T.N. Tvorchist' Dzhemilya Kermenchikli: tematika, semantika, lingvostil'ovi osoblivosti. [Creative work of Cemil Kermenchikli: thematic, semantic stylistic peculiarities] UDK: 821.512.145 «18/19»+929. Spetsial'nist' 10.01.10 – krims'kotatars'ka literatura. Avtoreferat disertatsiï na zdobuttya naukovogo stupenya kandidata filologichnikh nauk. 2009. 20 p. (In Ukrainian)
10. Khaberdzhi. En"i kitaplar. [New books] *Millet*. 1917. № 55. sentyabr' 3. (In Crimean Tatar)

About the author: Ismail A. Kerimov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchednyy lane, 8, Simferopol, Russian Federation); Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); alimes@mail.ru

КУЛЬТУРА

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.22378/kio.2023.1.106-119

Татарский поэт Сагит Сунчелей и Крым начала 1920-х гг.

Лилия Габдрафикова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ;

ФИЦ «Казанский научный центр РАН»

Аннотация. В статье анализируются эго-документы, связанные с жизнью и деятельностью татарского поэта Сагита Сунчелей (1888–1937). Он жил в Крыму в 1919–1924 гг., был свидетелем исторических событий и участником советского культурного строительства. Его письма и дневники, а также литературно-публицистические труды иллюстрируют повседневную жизнь населения Крыма в годы Гражданской войны, в том числе быт советского номенклатурного работника. Кроме того, приведенные в статье материалы личного происхождения дополняют сведения о работе татарских бюро Наркоманаца, Наробраза в Крымской АССР.

Ключевые слова: Сагит Сунчелей, татарские писатели, крымские татары, Гражданская война, советская повседневность

Для цитирования: *Габдрафикова Л.Р.* Татарский поэт Сагит Сунчелей и Крым начала 1920-х гг. // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 106–119. DOI: 10.22378/kio.2023.1.106-119

Биографии целого ряда выдающихся татарских писателей начала XX в., уроженцев Волго-Уральского региона, связаны с Крымским полуостровом. Например, работал некоторое время мугаллимом (учителем) в деревне Дерекой Ялтинского уезда писатель Фатих Карими (1870–1937), в разные годы на крымском побережье Черного моря пытались найти исце-

ление от туберкулеза писатели Гафур Кулахметов (1881–1918), Галимджан Ибрагимов (1887–1938), Мирхайдар Файзи (1891–1928). В первые послереволюционные годы жил и работал в Крыму поэт Сагит Сунчелей (1888–1937). Некоторые из них оставили любопытное литературно-публицистическое наследие, связанное с крымским периодом жизни. Конечно, это далеко не полный список татарских литераторов, нашедших временный приют и вдохновение в Крыму.

Цель данной публикации – реконструкция «крымского периода» жизни и деятельности Сагита Сунчелея с помощью его дневников и писем, а также литературно-публицистического наследия. Он жил в Крыму в 1919–1924 гг., был свидетелем исторических событий и участником советского культурного строительства. Кроме того, некоторое представление о жизни Сунчелея в Крыму дают его фотографии, сохранившиеся в Национальном музее Республики Татарстан.

Сагит (Саид) Хамидуллович Сунчелей (Сюнчелей) родился в селе Старый Мостяк Хвалынского уезда Саратовской губернии (совр. Старокулаткинский район Ульяновской области). Еще в детстве вместе с родителями переехал в Астрахань, получил там начальное образование. Примером для него, особенно в детстве и юности, был старший брат – педагог Шариф Сюнчелей (1885–1959). Братья учились вместе в Казанской татарской учительской школе, затем работали земскими учителями в деревне Сараш Осинского уезда Пермской губернии (совр. Бардымский район Пермского края). Именно в это время Сагит Сунчелей начал активно публиковаться в татарских газетах и журналах, а в 1912–1913 гг. в Казани увидели свет его первые поэтические сборники [6, с.224–225].

Сагита Сунчелея считают последователем татарского поэта Габдуллы Тукая. Два поэта-современника вели переписку, делились творческими замыслами и повседневными заботами [8, с. 5–6; 10, с. 95–104, 107–110]. Как и Г.Тукай, Сагит Сунчелей активно занимался литературными переводами, увлекался западноевропейской литературой (перевёл Дж.Байрона, Г.Гейне и др.). Кроме того, долгие годы он переводил поэтическую пьесу «Баб» Изабеллы Гриневской (1864–1944), постоянно переписывался с ней. В письмах к петроградской поэтессе Сунчелей писал не только о творчестве, но и в целом о своей жизни. Эта переписка нашла некоторое освещение в публикации И.Я. Исмагиловой [2].

Надо отметить, что семейная жизнь Сагита Сунчелея складывалась не просто, он несколько раз был женат. Первая жена Салима умерла в 1909 г., а родившийся в этом браке сын Тагир дожил лишь до подросткового возраста (умер в 1924 г.).

С 1915 г. Сагит Сунчелей жил в Уфе, где заведовал татарским отделением городской библиотеки. Там он встретил революционные перемены

1917 г., поэт продолжал сотрудничать с уфимскими татарскими газетами [6, с. 224]. В 1918 г. в издательстве «Восточная печать» в Уфе вышел сборник его стихов «Песни восстания», а в 1919 г. – книга «Революционные стихи». С этого времени Сагит Сунчелей сменил амплуа поэта-романтика на певца революции, стал активным участником общественно-политических преобразований. Придерживавшийся ранее социально-революционных взглядов, в 1919 г. он вступил в РКП(б). С мая 1919 г. по заданию партии он поселился в Крыму, где пробыл, с некоторыми перерывами, до 1924 г.

Условно можно выделить три «крымских периода» в жизни Сагита Сунчелей: 1919–1920-е, 1920–1921-е и 1921–1924-е гг. В первый раз Сунчелей приехал с целью ведения подпольной работы в пользу большевиков, но его жизнь на полуострове была неупорядоченной и носила хаотический характер. Сам поэт жаловался на бесполезное времяпровождение, а некоторый порядок появился лишь после его обоснования в деревне Партенит Ялтинского уезда. Примечательно, что именно в этом прибрежном населенном пункте он начал вести дневник. Второй приезд Сагита Сунчелей в Крым носил уже официальный характер, он являлся представителем новых властей и был наделен целым рядом конкретных задач. Кстати, во втором периоде он обрел и личное счастье.

«Крымский период – достаточно сложный этап в жизни Сунчелей, если учесть, что активный творческий период остался далеко позади, – отмечает исследователь его творчества Р.Р. Мусабекова. – В основном он занимается переводами. После того как власть в Крыму перешла от Деникина к Врангелю, ситуация там осложнилась, и летом 1920 г. он был вынужден бежать в Турцию. Через три месяца он возвращается в Москву и докладывает об обстановке в Крыму и Турции. После разгрома Врангеля поэта вновь направляют в Крымский полуостров. В докладе ЦК он сообщает о тяжелом положении местного населения» [4, с. 8–9].

«Крымская» страница биографии татарского поэта представляется наименее изученной, что во многом объясняется отсутствием достаточной документальной базы. Тем не менее, письма и дневники Сагита Сунчелей 1919–1924 гг. показывают эмоциональное состояние автора, оказавшегося на полуострове в сложнейший исторический период – Гражданской войны и становления власти Советов. Основными адресатами писем Сагита Сунчелей в те годы были сын Тагир, старший брат Шариф Сунчелей и поэтесса Изабелла Гриневская.

Анализ эго-документов Сагита Сунчелей показывает, что в Крыму он оказался случайно. Так, в апреле 1919 г., будучи в Казани, поэт еще не планировал эту поездку, хоть и собирался покинуть город в ближайшее время. В письме И. Гриневской от 13 апреля 1919 г. он писал: «Здесь жить

почти невозможно. Но не знаю – куда поеду. Возможно, в киргизские степи» [8, с. 271]. По сведениям литературоведа З.З. Рамеева, бывший эсер Сунчелей, приехав в Казань, в мае того же года вступил в РКП(б) и был направлен для подпольной работы агитатора в Ялтинский уезд Таврической губернии [8, с. 7]. Другой исследователь биографии поэта – Р.Мустафин тоже пишет, что в Крым его отправили по рекомендации Мирсаида Султан-Галиева, «в качестве представителя Наркомнаца для организации революционного подполья». Известный политический деятель М.Х. Султан-Галиев (1892–1940) и С.Сунчелей были знакомы давно, учились вместе в Казанской татарской учительской школе [5, с. 56–58].

Сагит Сунчелей уехал из Казани 22 мая 1919 г. Позднее он назовет свою политическую службу в Крыму «не имеющей значения», а самого неспособным к такой деятельности из-за слабого здоровья [8, с. 258].

В 1919–1920- гг. поэт жил в разных населенных пунктах, среди которых были Симферополь, Евпатория, Алушта, Ялта, селения Кучук-Ламбат и Партенит. В дневниковой записи от 19 октября 1919 г., сделанной в Партените, Сагит Сунчелей вспоминает летние крымские впечатления. Он жалуется на отсутствие порядка в своей жизни, на праздность и мечтает наконец-то заняться творчеством [8, с. 257–258]. Хотя Сунчелей все же написал одно стихотворение еще в Симферополе. Оно так и называется «Акмәсжд» (Акмечеть).

*«Симферопольны яраттым. Бик яраттым гөлләрен
Һәм пар атларын, тирәкләрен, аяз шат көннәрен.
Ни күңелледер аңар иртән килеп төшмәк! Сафа!
Гөл-чәчәкләр һәм тирәкләр хуш исле җанга шифа.
Никадәр дилбәр караим һәм кырымчак кызлары!
Башкадыр, серле, сихерледер ае, йолдызлары!
Сәхнәсендә “Сильва” куела. Төнлә тын, рәхәт шәһәр.
Калкасын иртән – шәһәр эчре тулы гөл-чәчәкләр.
Кальбе бер инсан онытмас Симферополь гөлләрен
Һәм шәрабләрен, пар атларын вә якты төннәрен...» [8, с.175].*

Поэт признается в любви городу, утопающему в зелени и цветах, обещающему ему безмятежность и уладу. Поэтический образ Симферополя выражен такими деталями как зеленые тополя, пары лошадей, красивые крымчакские и караимские девушки на улицах, а также интересная театральная жизнь города («сәхнәсендә “Сильва” куела»). Стихотворение датируется маем 1919 г., т.е. написано сразу после прибытия на полуостров. Очевидно, этим объясняется мажорный тон произведения. Кроме литературной работы, поэт увлекался еще и музыкой, играл на скрипке и мандолине. Так вид реки Салгир в Симферополе вдохновил его на сочинение вальса.

Около недели Сагит Сунчелей провел в ялтинской гостинице «Россия» – излюбленное место людей искусства запомнилось ему выступлениями местных музыкантов. «Это было так приятно и печально», – отметил он в дневнике на татарском языке. Вместе с тем короткое описание курортного города не обошлось без упоминания «Ялтинского мола» («Ялтаның молы»). Печальная музыка в гостинице и оценка собственного существования в Ялте как «бестолковое» времяпровождение указывают на то, что большевик Сагит Сунчелей неоднозначно воспринимал революционную действительность и обозначенный им отдельно «Ялтинский мол» – это уже нарицательное, набоковское понятие, а не простое перечисление увиденных им городских объектов.

Трудно сопоставляется с деятельностью партийного работника и впечатления татарского поэта от Алушты. В дневнике он обозначил это место так: «Евреи. Пьяные парни. Иллюзион “Бонжури”» и «палестинские дети» («фэлэстин балалары»). Возможно, таким образом, он обозначил беспризорных детей в городе. Передвигался по полуострову Сагит Сунчелей, судя по всему, пешком. Например, он упоминает пешую дорогу до Алушты, а также спуск от Кучук-Ламбата до Партенита.

В деревне Партенит Ялтинского уезда (в записях Сунчелей – Партанет) Сагит Сунчелей оказался в октябре 1919 г. Там он в итоге прожил около года. «Партанет – самая маленькая крымская деревня, расположенная на морском побережье, и, по-моему, самая живописная, – писал он 19 октября 1919 г. в дневнике. – Около тридцати домов, примерно триста жителей. Живу у Гарифа Сабина» [8, с. 257]. Очевидно, население Партенита было очень гостеприимным, т.к. поэт отметил, что «каждый день хожу в гости», к тому же поздней осенью было много и свадеб. Тем не менее, в дневниках он жаловался на свое одиночество и тосковал по родным местам [8, с. 258–260].

В Национальном музее РТ хранится коллективная фотография «Поэт С. Сунчелей среди своих учеников в Крыму». На фото – девочки и мальчики – учащиеся начальной школы¹. Судя по всему, снимок сделан в Партените, где поэт работал учителем. В одной из дневниковых записей С. Сунчелей пишет о том, что учит с детьми татарские мелодии «Тафтиляу» и «Гульчачак». Причем слова песен, видимо, отличались от казанско-татарских, т.к. в записи в скобках автор указывает еще крымскотатарские названия: «”Тэфтиләү” (Кай, әй нәнес...), “Төлчәк” (Карадыңыз кайда йөр...)» [8, с. 259]. Вообще в дневнике он лишь в двух местах упоминает о педагогической работе с детьми в Партените.

¹ Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМ РТ), КП-17520/23.

В своих записях Сагит Сунчелей много пишет о творческих планах и книгах, а описания сновидений соседствуют с бытовыми заметками о фруктовом изобилии, о доброй квартирной хозяйке. Конечно, лейтмотивом через все дневниковые записи проходит мысль о тоске по родным и Родине, а также постоянное ожидание прихода «товарищей» (наступления красных).

Конечно, круг общения поэта в этот период не ограничивался лишь жителями Партенита. Так, в записи от 5 мая 1920 г. Сагит Сунчелей отметил, что к нему заезжал эсер Кайбиш (Мухаммедханафи Кайбышев). Их, очевидно, связывало многое: политические взгляды (С.Сунчелей тоже сначала был эсером), литературные интересы (увлечение западноевропейской литературой). М.Кайбышев (1889 – ?) был уроженцем татарской деревни Чирши-Тартышево Бирского уезда Уфимской губернии, воспитывался в семье мурзы, получил хорошее образование. Работал врачом, публиковался в различных татарских журналах и газетах. Современники считали его человеком широкой эрудиции, он дружил с писателями Галимджаном Ибрагимовым и Фатихом Амирханом. Вместе с тем, после февраля 1917 г. выяснилось, что М.Кайбышев служил тайным агентом жандармерии под прозвищем «Теоретик». В апреле 1917 г. он был арестован из-за этого. Исследователи творчества М.Кайбышева считают, что его судьба после 1917 г. до конца не выяснена [3, с. 10–11]. Тем любопытнее посещение М.Кайбышевым С.Сунчелей в Крыму в мае 1920 г. Судя по дневниковой записи поэта, эта была теплая встреча, ученики Сунчелей пели гостю свои песни.

Насыщенными были и дни С.Сунчелей в Ялте, накануне его отплытия в Турцию. 17 июня 1920 г. он побывал на юбилейном вечере местного мугаллима Исмаила Хаккыя, виделся там с уроженцами Волго-Уральского региона, общественными деятелями, юристами Шакиром Мухамедьяровым (1883–1967) и Нажибом Халфиным (1886–1938) [8, с. 262–263, 353]. Известно, что член Временного центрального бюро российских мусульман Ш.Мухамедьяров жил в Крыму с весны 1918 г., участвовал в установлении Советской власти на полуострове [9, с. 307]. И Ш.Мухамедьяров, и Н.Халфин до 1917 г., как и С.Сунчелей, придерживались идеи социально-революционной партии.

В Партените Сагит Сунчелей жил до июня 1920 г. Зимой этого года у него появляются сообщения о том, что в Крыму везде болеют тифом. Апрельские записи еще тревожнее: чувствуется дефицит продуктов питания, рост цен, пути возврата закрыты. «Видимо, мы погибнем в Крыму. Голод, дороговизна. Нет дороги домой. Беда», – пишет он в дневнике на татарском языке 20 апреля 1920 г. Запись следующего дня дает уже оценку и деятельности белых, и красных: «Крым в большой беде. Прокляты все крымские торговцы, взяточники. Страдают и путешественники, вроде

меня. С ума можно сойти из-за белых хулиганов, из-за их глупости и от того, как они сами себя мучают... Я слышал, и красные, оставшиеся в Крыму, кажется, все уже стали спекулянтами и забыли о своих идеях». В эти дни он начал обдумывать план отъезда в Турцию, чтобы через Кавказ вернуться обратно в Россию. В записи от 5 мая С.Сунчелей упоминает о двух раненых («мэжрухлар»), а 23 мая пишет о «зеленых», которые «спустились с гор, взяли хлеб» и сказали, что «хватит лить кровь среди своих» («житәр кардэшләр арасында кан түгү, диләр») [8, с.260–262]. Очевидно, здесь речь идет о местных жителях, крымских татарах. В итоге, поэт сумел покинуть полуостров только в конце июня 1920 г., с большим трудом через Ялту перебрался в Турцию, а оттуда уже через Кавказ, Астрахань, Хвалынский доехал до Уфы.

Несмотря на всю социальную катастрофу вокруг себя, он старался жить личными интересами. Например, в Астрахани Сунчелей планировал посетить могилу своего отца, а по пути в Турцию непременно увидеть Иран. Эта восточная страна занимала важное место в его творчестве: поэтическая пьеса «Баб», переводу которой С.Сунчелей посвятил много лет, была посвящена истории Персии.

В письме автору этой пьесы И.Гриневской от 30 сентября 1920 г. Сагит Сунчелей сообщал: «Я жил в Крыму год. Отдыхал. Но к концу почти впроголодь жил, ибо там, где властвует Врангель, нашему брату жить не только тяжело, но и невозможно. О литераторах, артистах, вообще о тружениках искусства некому заботиться. Я знал, там многие даже знаменитости нуждались очень. Я жил в деревне. Было лучше. Наконец нынче летом, т.е. в июле, я не стерпел и, переплыв инкогнито Черное море, пробрался в Малую Азию, где гораздо лучше было. В Крыму была ужасная дороговизна (обед – 3 т., масло 4 т., костюм 150 т. и т.д.), а у меня средства иссякли было вовсе. Там не отдых, а ссылка. Месяц жил в Турции. Страна мне очень понравилась и при первой возможности вновь поеду, хотя и Крым – славный край. Вообще, отныне решено – проживать на Востоке. Россия с её разрухой мне надоедает порядочно, как и многим(...). И в Крыму было тревожно. Вешали. Бунты, голод, война...». В этом письме поэт делился своими планами пожить в «одной из столиц», интересовался у И.Гриневской о жизни в Петрограде, но вместе с тем в другом письме он отмечал, что не прочь снова оказаться в Крыму. «Если возьмем Крым – я постараюсь пробраться уж туда – как культурник (журналист и театрал). Меня туда вновь зовут», – писал Сагит Сунчелей осенью 1920 г.

В декабре 1920 г. он снова направляется в Крым. «На днях опять уезжаю в Крым. Мне поручили организовать там литературно-издательскую и сценическую работу, – пишет С.Сунчелей в это время И.Гриневской. –

Мне поручено открыть там музыкально-драматическую студию. (...) Студия откроется для татар». А в письме сыну Тагиру от 13 декабря сообщает, что вместе с ним в Крым едут еще два певца и артиста [8, с. 272–274].

Таким образом второй крымский период жизни Сагита Сунчелей начался с конца декабря 1920 г., и в этот раз на него возлагалась разноплановая культурно-организационная работа в Симферополе. «Сразу после приезда мне дали очень большую работу. Теперь я должен не только смотреть за библиотеками, народным домом, театром и т.п. для всех крымских татар, но и должен открывать везде учебные заведения для взрослых, печатать книги», – объяснял он характер своей новой деятельности Тагиру в письме от 11 января 1921 г. Останавливаясь на бытовых моментах своей жизни, поэт сообщал о том, что с продуктами питания в Крыму хуже, чем в Уфе или в Москве. Несмотря на такие трудности, его радовали новые театральные постановки в Крыму на татарском языке, открытие драматической и музыкальной школ для крымских татар. В качестве своего обратного адреса он указывал: Симферополь, Областное татарское бюро (Кладбищ. ул.).

Не забывал Сагит Сунчелей и о деревне Партенит. Так сыну он писал о том, что никак не может найти свободное время, чтобы съездить туда [8, с. 274–275]. Очевидно, жизнь в этом населенном пункте, несмотря на все тревожное время ожидания и тоски, оставила в его сердце самые теплые воспоминания.

Во второй крымский период жизни Сагит Сунчелей уже не был отрезан от остальной России, мог свободно передвигаться. Так летом 1921 г. он побывал в Уфе, Стерлитамаке (тогда – столица Малой Башкирии), Москве. Очевидно, поэт приезжал по своим литературным и семейным вопросам. Сагит Сунчелей не оставлял надежды издать или поставить на сцене переведенную им пьесу «Баб». Но, как бы ему не хотелось жить только литературной работой, в эпоху революции и в условиях Гражданской войны политическая деятельность тоже не оставляла его. Кроме того, у него были планы по смене постоянного места жительства.

В Москве С.Х.Сунчелей начинает службу в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. В августе 1921 г. в качестве своего обратного адреса для переписки он указывает – Москва, Наркомнац, Татарское представительство (Трубник. Пер., 19). «Буду жить в Москве или поеду в Турцию. Решил заниматься одной литературой», – пишет он И.Гриневской в это время. Однако совсем скоро его направляют в Крым.

В 1921 г. произошли важные перемены в личной жизни Сагита Сунчелей: он женился на Амине Милушевой, крымской татарке. «Я женился здесь. Жена – юная, радостная у меня. Татарка. Актриса. Имя её: Амина», – сообщает он в 1922 г. И.Гриневской [8, с. 276–277]. В марте того же года у супругов родилась дочь Тагира. К сожалению, не удалось

найти дополнительные сведения о супруге Сагита Сунчелея. Она служила актрисой сначала в Симферополе, потом некоторое время работала в Татарском драмтеатре в Казани. Однако после ареста поэта в марте 1929 г. Амина Милушева вместе с дочерью Тагирой была вынуждена уехать из Казани в Гянджу (Азербайджанская ССР), там она тоже работала в театре. В Национальном музее РТ сохранились фотографии Амины Милушевой и Сагита Сунчелея, а также их маленькой дочери Тагиры. Опубликованы эти снимки и в сборнике сочинений поэта, изданном в Казани в 2005 г. [8].

Условный третий период жизни Сагита Сунчелея в Крыму охватывает вторую половину 1921 – начало 1924 гг. Жизнь для татарского поэта и советского «культурника» (по его же словам) складывалась довольно противоречиво. Сначала он жил в Симферополе и являлся представителем Наркомнаца РСФСР при Крымской АССР. В Национальном музее РТ сохранилось удостоверение на русском и татарском языках, выданное Сунчелею Саиду Хамидулле 24 марта 1922 г. в Симферополе².

С одной стороны, советский служащий Сагит Сунчелей жил, по его словам, «лично очень хорошо». Но обстановка в полуострове была удручающей. В письме от 15 января 1922 г. он сообщал: «В Крыму тоже голод начался. Появились голодные нищие. Тяжело очень на душе. Я часто страдаю тяжелыми думами». Тем не менее, в начале июня 1922 г. он собирался провести три недели в санатории около Ялты, во дворце Кечкене (Кичкине) [8, с. 277]. С.Сунчелей страдал всю жизнь от заболевания легких. Кстати, в Национальном музее РТ хранится фотография «Поэт С. Сунчелей среди отдыхающих в санатории Крыму», которая датируется началом XX в., а местом создания снимка указан Севастополь³. Возможно, фотография имеет другую географию происхождения.

При этом в первой половине 1922 г. (после февраля) Сагит Сунчелей подготовил для руководства Наркомнаца обстоятельный доклад о голодающих в Крыму. Под названием «Это – вымирание целой нации» и за подписью «Саид» доклад опубликован в газете «Жизнь национальностей». Особое внимание автор уделил положению крымских татар: «Все татарское население голодает. Если своевременно не будет оказана помощь, то до нового урожая из коренного населения – татар – останется не более одной трети. (...) Татары не могли оставить свою родную природу и уходить в города попрошайничать. Они привыкли жить тяжелым трудом в нужде и лишениях. Деревня была совсем позабыта». Он обвинял работников центрального аппарата Крымской АССР в бездействии: «поголовно заняты то заседаниями бесчисленных комиссий, то поглощены текущей работой в

² НМ РТ. КП-17520/2.

³ НМ РТ. КП-17520/5.

своих учреждениях, вернее обычной волокитой», а самым голодающим населением в этих условиях считал жителей Побережья, Карасубазара, Бахчисарая [7]. Оригинал доклада, по данным составителей сборника произведений Сагита Сунчелей (Казань, 2005) хранится в Государственном архиве РФ (ф. Р1318, оп.1, д.432, л.207). Также они сообщают о том, что 14 июля 1922 г. состоялось заседание Крымской областной контрольной комиссии, где рассматривалось заявление С.Сунчелей о задержке помощи голодающим татарам, обусловленной негативным отношением некоторых партийных работников к татарам и цыганам. Заседание вынесло вердикт о беспечности такого заявления и предупреждению заявителю [8, с. 352]. Возможно, именно этим инцидентом объясняется резкий переход С.Х.Сунчелей из Наркомнаца в систему Наркомпроса: уже осенью 1922 г. он работал в управлении народного образования. В разное время он жил в Алуште, Ялте. В это время вместо ликвидированных уездов появились районы, С.Х. Сунчелей работал в районных управлениях народного образования.

В письме своему старшему брату Шарифу Сунчелею от 17 октября 1922 г. он сообщает о том, что работает по 12-му разряду, а оклад его весьма скромен. По его словам, размер жалованья был в два раза меньше, чем на аналогичной должности в Уфе (так он писал). Вместе с семьей Сагит Сунчелей в этот период проживал в Алуште, в одной из дач. Он сетовал на дороговизну и «курортные цены» вокруг, отсутствие электричества («живем с лампой»), полную загруженность («иногда приходится работать по 12 часов», «работа тяжелая») и отсутствие свободного времени («не могу съездить в Партенит, хотя всего лишь в 17 километрах»). Ш.Х. Сунчелей в те годы работал заместителем наркома просвещения Башкирской АССР. Наверное, поэтому С.Сунчелей просил брата помочь ему с учебной литературой и прислать различные школьные учебники на русском и татарском языках [8, с. 277–278].

В Крыму Сагит Сунчелей жил и работал еще больше года. Он покинул полуостров весной 1924 г. Предыдущий рабочий год был отмечен его болезненным состоянием («я не могу ни выздороветь, ни слечь серьезно»), а также различными доносами и интригами («воздействие старых врагов», «кажется, решили убрать меня отсюда, во что бы то ни стало»). Судя по переписке, он видел в этой ситуации непосредственное участие и председателя Совнаркома Крымской АССР – Сахиб-Гарей Саид-Галиева (1894–1938). Весьма пессимистично он оценивал положение в сфере народного просвещения, в особенности администрирование учебного дела. Брату, служащему в этой же сфере, Сунчелей пишет о «гнилом и разобщенном просветительском фронте». Он не хотел превращаться в бессловесного исполнителя чужой воли [8, с.280]. Врачи советовали поэту не работать ка-

кое-то время, но он не мог себе такое позволить. В письме от 30 февраля 1924 г. С.Сунчелей жаловался на трудное финансовое положение («денег нет даже на отъезд»).

Письма Сагита Сунчелея, адресованные старшему брату Шарифу Сунчелею и другим родным (от 10 марта 1923 г., 23 августа 1923 г., 15 и 30 февраля 1924 г.) вносят некоторую ясность в его трудовую биографию. Так, в одной из научных публикаций по истории Академцентра Башнаркомпроса утверждается, что С.Сунчелей с конца 1922 г. и в течение 1923 г. был руководителем этого учреждения в Уфе [1, с. 121]. Р.Мустафин тоже в своей публикации пишет о работе С.Сунчелея в составе коллегии Наркомпроса Башкирии с 1923 г. [5, с. 56]. Однако его письма ясно показывают, что весь этот период Сагита Сунчелей проживал в Крыму и продолжал работать в системе народного образования. В Уфу он перебрался лишь в 1924 г.

Таким образом, дневники и письма татарского поэта Сагита Сунчелея являются любопытными историческими документами начала 1920-х гг. Прежде всего, они показывают драму обычного человека, охваченного водоворотом революционного времени: Сагит Сунчелей вел постоянную внутреннюю борьбу между желанием быть свободным художником, заниматься только литературным творчеством и необходимостью служить делу революции и Советов, вести «политическую работу» среди татарского населения. В конце концов, после смены ряда должностей в разных советских учреждениях («культурник», представитель Наркомнаца, служащий Наробраза), он вынужден признать несоответствие своего самочувствия новым вызовам. После Крыма Сагит Сунчелей жил некоторое время в Уфе, с трудоустройством ему помог старший брат, а в 1926–1927 гг. работал переводчиком советского консульства в Измире. После возвращения на Родину С.Х.Сунчелея арестовывали несколько раз. Последние свои дни татарский поэт провёл в лагере на Соловках [6, с. 225].

Очевидно, что до сегодняшнего дня сохранилась лишь часть эго-материалов Сагита Сунчелея. Тем не менее, они иллюстрируют не только внутренние противоречия поэта, но и показывают повседневность Крыма 1920-х гг. его глазами. С одной стороны, он сам и люди вокруг него пытались забыть в музыке и личных празднествах, а к частным развлечениям добавлялись новые официальные постановки агитационного характера, началась подготовка культработников (не случайно и супругой поэта стала актриса). С другой стороны, полуостров в это время охвачен тифом, дефицитом и дороговизной, а позднее набирает ужасающих масштабов голод. Но советский служащий Сагит Сунчелей не может изменить сложившееся положение, а открытая критика им действий местных властей привела к ухудшению собственных условий жизни.

Вышеприведенные эпизоды из жизни и деятельности Сагита Сунчелей, безусловно, могут быть расширены за счет привлечения дополнительных источников. Например, в партийном фонде Государственного архива Республики Крым сохранилось личное дело «Сюнчелей Саид Хамидулла» за 1920–1922 г.⁴ Аналогичные архивные документы, связанные с работой Наркомнаца, Наробраза и т.п., так же могут дать новые сведения о С.Х. Сунчелее и его жизни в Крыму в 1920-е гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ергин Ю.В. Академический центр Башкирского наркомата просвещения (1922–1930) // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11. №1. С. 121–128.
2. Исмагилова И.Я. Личность Сагита Сунчелей в эпистолярной публицистике // Вестник Чувашского университета. 2013. №4. С. 269–273.
3. Мирсияпова Т.И. Экзистенциальные мотивы в творчестве М.Ханафи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.фил.н. Казань, 2009. 26 с.
4. Мусабекова Р.Р. Сагит Сунчелей: личность поэта и мотивы творчества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.фил. н. Казань, 2001. 27 с.
5. Мустафин Р. Силуэты. Литературные портреты писателей Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 351 с.
6. Рэми И., Даутов Р. Эдэби сүзлек (элекке чор татар эдэбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. 399 с.
7. Саид. «Это – вымирание целой нации» // Жизнь национальностей. 1922. №6–7 (12/13). С. 11.
8. Сунчелей С. Әсәрләр һәм хатлар / төз. З.Рәмиев. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005. 367 б.
9. Татарская энциклопедия. Т. 4. Казань, 2008. 768 с.
10. Тукай Г. Әсәрләр. Т. 5. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1986. 368 б.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

⁴ ГА РК. Ф.П 1. Оп.2. Д.3907. Л.1–11.

Tatar poet Sagit Suncheley and Crimea in the early 1920s

Liliya Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
FRC "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"*

Abstract. The article tells about the life and work of the Tatar poet Sagit Suncheley (1888–1937), it is written on the basis of his ego-documents. He lived in the Crimea in 1919–1924, was a witness to historical events and a participant in the Soviet cultural construction. His letters and diaries, literary and journalistic works illustrate the everyday life of the Crimean population during the Civil War, including the life of a Soviet nomenclatura worker. In addition, these ego-documents supplement information about the work of the Tatar departments of Soviet institutions in the Crimean ASSR.

Keywords: Sagit Suncheley, Tatar writers, Crimean Tatars, Civil War, Soviet everyday life

For citation: Gabdrafikova L.R. Tatar poet Sagit Suncheley and Crimea in the early 1920s. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 106–119. DOI: 10.22378/kio.2023.1.106-119 (In Russian)

REFERENCES

1. Ergin Yu.V. Akademicheskii centr Bashkirskogo narkomata prosveshcheniya (1922–1930) [Academic Center of the Bashkir People's Commissariat of Education (1922–1930)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2006, vol. 11, no. 1, pp. 121–128. (In Russian)
2. Ismagilova I.Ya. Lichnost' Sagita Suncheleya v epistolyarnoj publicistike [The person of Sagit Suncheley is in the epistolary publishing]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2013, no. 4, pp. 269–273. (In Russian)
3. Mirsiyapova T.I. Ekzistencial'nye motivy v tvorchestve M.Hanafi [Existential motives in the work of M. Hanafi]. *Avtoreferat*. Kazan, 2009. 26 p. (In Russian)
4. Musabekova R.R. Sagit Sunchelej: lichnost' poeta i motivy tvorchestva [Sagit Suncheley: the personality of the poet and the motives of creativity]. *Avtoreferat*. Kazan, 2001. 27 p. (In Russian)
5. Mustafin R. Siluety. Literaturnye portrety pisatelej Tatarstana [Silhouettes. Literary portraits of the writers of Tatarstan]. Kazan: Tatar book publishing house, 2006. 351 p. (In Russian)
6. Remi I., Dautov R. Adebii suzlek (elekke chor tatar adabiyaty hem madaniyate buencha kyskacha beleshmalek) [Literary Dictionary (a brief guide to literature and culture of the past era)]. Kazan: Tatar book publishing house, 2001. 399 p. (In Tatar)

7. Said. 'Eto – vymiranie celoj nacii' [This is the extinction of an entire nation]. Zhizn' nacional'nostej. 1922. No. 6–7 (12/13), p. 11. (In Russian)
8. Suncheley S. Aserler hem hatlar [The Works and Letters] / ed. Z.Ramiev. Kazan: Tatar book publishing house, 2005. 367 p. (In Tatar)
9. Tatarskaya enciklopediya [Tatar Encyclopedia]. Vol. 4. Kazan, 2008. 768 p. (In Russian)
10. Tukaj G. Aserler [The Works]. Vol. 5. Kazan: Tatar book publishing house, 1986. 368 p. (In Tatar)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (420111, Lobachevsky Str., 2/31, Kazan, Russian Federation); bahetem@mail.ru

Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративного искусства (часть третья)*

Исмет Заатов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический

университет имени Февзи Якубова

Аннотация. Предпринята попытка проследить этап развития процесса кипчакско-татаро – турко-сельджукской тюркизации и начало процесса малоазийско-среднеазиатской исламизации населения полуострова и формирования художественной культуры и декоративного искусства татар Крыма в период формирования основ крымскотатарской государственности в причерноморских улусах Золотой Орды.

Ключевые слова: тюркизация, исламизация, художественная культура, декоративное искусство, Золотая Орда, степные крымские татары, таты

Для цитирования: *Заатов И.А.* Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративного искусства (часть третья) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 120–146. DOI: 10.22378/kio.2023.1.120-146.

III. 2. Кипчакско-татаро-турко-сельджукский этап формирования крымскотатарского этноса и художественной культуры.

Начало средневековья в Крыму совпало с вторжения в треть. четв. XI в. на, обозначившего третий этап тюркизации Крыма команов-половцев (шары-кипчаков) [35, с. 214], сыгравших основополагающую роль в формировании этноса степных и предгорных крымских татар. Подчинившиеся им кочевые печенег продолжали обитать в равнинном Крыму [2, с. 81].

* См.: Часть первая (Крымское историческое обозрение. 2021. № 2. С. 134–170, DOI: 10.22378/kio.2021.2.134-170); Часть вторая (Крымское историческое обозрение. 2022. Т.9, № 1. С. 123–154. DOI: 10.22378/kio.2022.1.123-154).

Византийские императоры и удельные княжества восточных славян старались быть в союзе с половцами. Кипчако-византийские связи осуществлялись через перешедший кипчакам Сугдак, и соседствовавший в 1092 г. со «страной куманов» Херсон [11, с. 226]. В 1154 г. Ялту называли городом куманов: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Ялты) тридцать миль; это город, [принадлежавший] к стране ал-Куманийя» [24, с. 49, 167]. С сер. XII в. куманы взимали дань с крымских портовых городов [3, с. 277]. Равнинная граница территории оседания половцев-кипчаков-куман в Крыму, ограничивалась р. Кача у Херсона [3, рис. 6, 17]. Кыпчаки контролировали выходы из ущелий, населенного горной крымской народностью татов Юго-Западного Крыма, взывая с них дань [22, с. 291]. Зимние стоянки «кышлав» (крымтат. «зимовье») кипчаки сооружали в районе нынешних Евпатории, Симферополя, Феодосии и на Керченском полуострове [3, с. 278–279.]. Некрополь, раскопанный на берегу озера Сасык, иллюстрирует быт кипчаков, живших здесь в XIII–XIV вв. [12, с. 435–453.]. В условиях политической и экономической стабильности, обусловленной военным превосходством в регионе половцев-кипчаков, Керичь (Боспор) оставаясь под номинальной властью Византии, вместе со всей Таврикой, попали в зависимость от половцев, господствовавших в южнорусских степях в сер. XI – сер. перв. пол. XIII вв. Сугдак, стал портом половцев. После падения Византийской империи в 1204 г. под ударами крестоносцев четвертого похода пала Византийская империя. К Трапезундской империи Великих Комнинов декларативно отошли зависящие от шары-кипчаков византийские владения в прибрежной Таврике, вовлеченные в сложные взаимоотношения с Сельджукским султанатом.

В XI–XII вв. украшениями и элементами костюма оседавшего в Сугдаке и Керчи-Боспоре тюркского населения являлись стеклянные и бронзовые уплощенные с заостренными концами браслеты, детские браслеты, железные браслеты, серьги. бронзовые и золотые парные проволочные височные кольца разных размеров и морфологии с разомкнутыми острыми или округлыми концами, иногда соединенными, или заходящими один за другой, но не спаянными, проволочные серьги, имеющие замочек бусинные серьги с обычным проволочным кольцом, на которое надевались одна или две бусины, парные крупные проволочные серьги с уплощенными концами и биконической с немного закругленными углами пронизкой, состоящей из двух спаянных половинок [15, с. 138, 147, 148, 149]. Утвердилось мнение об их степной половецкой [17, с. 216] или черно-клобуцкой [83, рис. 23] тюркской принадлежности. Также бронзовые и серебряные перстни, бронзовые пуговицы-подвески, фрагмент серебряной литой пуговицы в виде полусферы с позолотой украшенной шариками псевдозерни, литые грибовидные экземплярами разных пропорций не позже сер. – втор.

пол. XII в., литые вытянутые и шаровидные экземпляры, вытянутые и шаровидные спаянные из двух половинок пуговицы, пуговица, состоящая из двух половинок с опоясывающим валиком и шишечкой на конце, ожерелье, состоящее из семнадцати разных по размерам и конфигурации пуговиц-подвесок, цельнолитые пуговицы-подвески с щелью и четырьмя, двумя маленькими симметрично расположенными дырочками (аналогичные пуговицам из печенежско-торческого погребения у дер. Кагарлык Киевской области [16, с. 50, табл. 2: 6,7], литые бронзовые бубенчики с крестообразной щелью, ожерелье, состоящее из пуговиц-подвесок, два бронзовых литых шаровидных бубенчика с язычком, имеющих щель в нижней части шарика и декорированных четырьмя врезными линиями, опоясывающими шарик по центру (такие бубенчики характерны, прежде всего, для салтовских археологических древностей восточного Крыма, но доживают, очевидно, и до золотоордынского времени) [15, с. 150, 151]. Можно предположить, что вышеуказанные ювелирные украшения и детали костюма тюркского-кочевнического и оседлого населения восточного Крыма данного периода могли являться, как продукцией импорта, так и местных провинциально-византийских мастеров, а также перенимавших от них секреты ювелирного дела мастеров из числа осевших здесь кочевников-тюрков. Специалисты считают, что усиление графического элемента и отсутствие классических форм шкатулок с розеточной орнаментацией из Херсонеса того времени, считаются признаками продукции провинциальных мастеров и могут свидетельствовать о их местном крымском производстве [20, с. 47], что в свою очередь указывает на существование в XI–XII вв. в Херсонесе мастерской косторезов, подражая византийским образцам, наладили местное производство отличающееся материалом изготовления, большим разнообразием форм и сюжетов [13, с. 279–280]. Наиболее массовыми украшениями населения данного периода тюркизации Крыма являлись обнаруженные в сорок одном погребении и склепах некрополей Сугдака и Керчи стеклянные и кашинные бусы, являющиеся у тюркских народов и у крымских татар основным амулетом-оберегом от сглаза. Общее их документированное число превышает 1700 единиц [15, с. 156]. Отображающие географию распространения художественной культуры и декоративного искусства степных предков крымских татар балбалы являлись воплощением высокого уровня кипчакского камнерезного искусства и устанавливались в честь умерших вождей, воинов и их жен [35, с. 39–40].

В сер. XIII в. де Рубрук писал: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу...» [36, с. 89]. Возведение балбалов, является продолжением традиции древних тюрков установки «вечных камней» («таш-оба» в Крыму – И.З.) у развилки дорог и на главных «остановках»

[31, с. 35] лицом к востоку [34, с. 5]. Благодаря творчеству кипчакских камнерезов известно, как тысячу лет назад выглядели степные предки крымских татар, детали, атрибуты, аксессуары, узоры орнаментальной вышивки, аппликации и украшения мужского и женского костюма, виды оружия, доспехов, шлемов, наборных поясов, ремней амуниции воинов, покрой платья, ювелирные украшения узоры завитых рифленных бараньих рогов войлочных головных уборов и зеркал в женском костюме [34, с. 42, 49]. Обычай сопровождать умершую в иной мир с зеркалами существовал у сарматских кочевников Южного Приуралья являясь у кыпчаков продолжением традиций тюрок Хазарского каганата [34, с. 124]. Овальные с ручкой серебряные зеркальца называют кипчакскими. Тыльная сторона этих зеркалец украшалась рельефным кипчакским орнаментом в виде солярных знаков в форме концентрических кругов и крестиков, пятигранников, шестигранников и многолепестковых цветочных узоров. На этих зеркальцах нередко встречается изображение бегущих по кругу четырех, похожих на оленя животных, сцен охоты, изображающих погоню собак по окружности за зайцами, парных изображений, плавающих по поверхности воды рыб и двух драконов вероятно являющихся в кипчакской кочевой орнаментике степных предков крымских татар отголоском скифо-сарматского звериного стиля. Аналогичная орнаментика на зеркальцах с раскопок золотоордынского Сарая и Болгара [18, с. 79]. Деревянный сосуд «тостагъан» в руках балбалов встречается на антропоморфных изваяниях кочевников древнетюркского и скифского периода и предназначался для трапезы умершего в потустороннем мире [42, с. 87]. Для стилового решения в ваянии скульптур-балбалов крымских кипчакских резчиков по камню характерен натурализм. Естественность подчеркнута разным выражением их лиц, каждое изваяние индивидуально и отражает черты покойника. Изваяния высечены в сидячем положении и стоя, что это отражало прижизненный статус покойных. Хорошо вооруженные мужчины, люди высшего военного статуса – изваяния-двойники героически погибших предков кыпчаков и их жены изображались стоя [42, с. 95], став монументальным выражением развитого у кыпчаков культа предков [34, с. 76]. Крымские кипчакские каменные скульптуры, характеризуются широким разнообразием типов и высокой реалистичностью в передаче степными скульпторами-камнерезами изображений своих соплеменников [34, с. 70]. Зачастую они были раскрашены органическими красителями. Объединяющим декоративным элементом крымских кипчакских скульптурных комплексов является тождественность деталей орнамента облачения балбалов в виде тамг, тотемических узоров и солярных знаков.

Металлические, кожаные, тканые детали убранства, украшенных узорчатым орнаментом женских и мужских костюмов, ювелирные украше-

ния, оружие балбалов, говорят о том, что помимо резьбы по камню у кипчаков Крыма XI–XIII вв. были развиты такие художественные промыслы и виды декоративно-прикладного искусства, как дерево и металлообработка, выделка кож, кожевенное, швейное, войлочное производство, ювелирное искусство, изготовление музыкальных инструментов и оружия. Ибн-ал-Биби сообщает, что Судак в перв. четв. XIII в. принадлежал кипчакам, платил им дань [46, с. 59–65], являясь их главным городом на полуострове. С кипчаками связывается и появление типичной для Средней Азии и Приаралья геометрического и растительного орнаментального декора на керамике (изразцах), встреченного в Горном Крыму в слоях XII–XIII вв. [22, с. 292], перекочевавшего впоследствии в узоры крымскотатарских макъатов (ворсовых) и килимов (безворсовых) ковров и вышивок.

Незначительная часть кипчаков Крыма была уничтожена татаро-монголами, а основная их масса, покоренных завоевателями, осталась в прежних местах. На основе этносов и культуры крымских кипчаков, осевших на территории Крымского, Кырк-Йерского и Азакского улусов Золотой Орды, золотоордынских тюркских и тюркизированных монгольских родов сформировался кипчакоязычный этнос, известный с XIII в. как татары Крыма «кырымтатарлары», а после оседания и смешения с ними начиная с посл. четв. XV в. в Крыму ногайцев, именуемые степными крымскими татарами («чэль кырымтатарлары») [22, с. 292]. Об этом Эль-Омари в XIV в. писал: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их поданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами...» [40, с. 235]. Это подтверждается археологическими данными [2, с. 81]. С этого момента начался процесс формирования этнического ядра самого многочисленного автохтонного народа Крыма – крымских татар [22, с. 293]. Появлению на полуострове татар фиксируется в приписках Судакского синаксаря от 27 января 1223 г.: «...в этот день впервые пришли татары...» [22, с. 294. (12, 25)] <...> Салих и Сункур... и прочие все убиты татарами» [10, с. 595–628]. Имя Салих, антропоним арабского происхождения, что указывает на приверженность его носителя или его родителей к исламу, а Сункур (Сунгур), анторопоним огузского тотемного круга, объясняющее вероятную принадлежность его носителя к потомкам христиан тюрко-булгар данного региона.

С момента ухода с полуострова римских войск и вплоть до переселения греков турками из Османской империи в Южный Крым не отмечалось переселения греков на полуостров, за исключением бежавшего в горы Юго-Западного Крыма небольшого числа монахов из Кападокии в ответ на иконоборческий указ византийского императора Льва Исавра (717–741) от 726 г. Сооружение ими по типу кападокийских, пещерных келий пришлось

на период оседания в горах Юго-Западного Крыма тюрок булгар Хазарского каганата в VIII–IX вв. После этого, вплоть до присоединения горно-южнобережного Крыма к Османской империи состав греко-православного населения на полуострове практически не менялся и состоял из принявших грекоправославие гото-алан – татов. Возможно, что уже с приходом кипчаков Херсон назывался по-тюркски – Сары-Кермен. На территории Тат Эли (Крымской Готоалании) под влиянием культурных традиций греко-православия и византийского искусства продолжался процесс формирования художественной культуры и декоративного искусства крымской горной народности татов. На побережье Юго-Восточного Крыма на основе этнического субстрата потомков, осевших в хазарское время и принявших христианство греческого толка тюрко-булгар, кыпчаков и поселившихся здесь турок – сельджуков, суперстрата стурок-османов формировалась в последствии субэтнографическая группы южнобережных крымских татар «судакълылар» («судакцы»), центром этнокультурогенеза огузоязычных тюрок от Тепсеня до Алушты выступил Сугдак. В период до 21 мая 1253 г. в, Сугдаке уже действовала татаро-монгольская администрация [19, с. 89]. Огузоязычное населения побережья от Алушты до Байдар, также, как и этнографическая группа «судакълылар» называемых степными и предгорными крымскими татарами «татлар» («таты») получила название «ялыбойлюлар» («прибрежные»). Центром их этнокультурогенеза могла выступить, отнятая у кипчаков татарами Ялта. Этнонимом «татлар» («таты») крымскими татарами определялось, как христианское горно-южнобережное население, так и перешедшая в ислам его часть, то есть все население Тат Эли. Местные жителей сообщили Рубруку о «существовании на территории между Солдайей и Херсоном «сорока замков», населенных готами, говорящими по немецки-тевтонски – *quorum idioma est Teutonicum*, которые до прихода татар в Крым платили дань команам», которые спасаясь от татар и массового голода массово бежали на полуостров поближе к «хлебным» городам. Вдоль дороги на Перекоп он не встретил ни одного селения, ни одной живой души [19, с. 89–91]. Существует обоснованное мнение, что несмотря на прямые негативные последствия татаро-монгольского завоевания, с середины XIII в. в Крыму начался период экономического подъема, социального и культурного прогресса. Возникло огромное количество новых поселений, что явилось следствием, обеспеченных татарами в Крыму благоприятных экономических условий и стабильного мира [22, с. 295]. Немалые денежные средства, которые в виде разных налогов, дани, контрибуций и просто военной добычи татаро-монгольского войска вливались в экономику Крыма, обеспечивали бурное развитие художественной культуры и декоративного искусства населения.

III. 3. Исламизация населения Крымского, Кырк-Йерского, Азакского улусов и формирование средне-азиатско – малоазийских основ художественной культуры, этнического и исторического ядра крымскотатарского народа.

По ал-Кашканди (1355–1418) Крымский полуостров в XIV в. входил в состав трех иклимов-улусов Золотой Орды. Четвертого – Крымского с центром в г. Солхат-Кырым, городами Кафа, Сугдак и уходящим через Перекопский перешеек (Ор) территориальным прирезком в Поволжье с городом Укек, пятого – Азакского улуса с центром в г. Азак и портом Керчь (ал-Карш) и девятого – Ас улуса, с центром в Кырк-Йере в горах Юго-Западного Крыма. Отданные ханами в концессию итальянцам торговые порты-фактории Кафа и Сугдак платили выход и торговые пошлины правителям Крымского улуса [22, с. 296]. В качестве города-ставки наместника хана Золотой Орды в Крымском улусе между 1253 и 1263 гг. [38, с. 36] у склонов горы Агармыш на берегу р. Чурук-Су, татары возвели город, получивший тюрко-монгольское название Кырым (монг. «хэрэм» – «возвышение – крепость», крымскотат. «кырым» – «насыпь, навал, земляное или каменное укрепление, моя гора»), называвшийся также Солхат. До сер. XIV в. г. Солхат-Кырым являлся основным таможенным и транзитным центром Крымского полуострова. Здесь сходились караванные пути с торговыми грузами и предметами декоративного искусства из Северного Причерноморья, Поволжья и Средней Азии к портам Керчь, Кафа (Кефе), через горный проход Отуз – Кызылташ к Сугдаку и на южный берег Крыма, из Восточного Крыма в Центральный и Юго-Западный Крым. Татары построили г. Кырым, для упрощения логистических вопросов административного управления своими территориями и контроля над выходами торговых караванов с побережья в степь и итальянские фактории [29, с. 305]. В 1257 г. татары открыли в Кырыме монетный двор и чеканили первые крымские деньги с именем эмира Крымского улуса Темир-Бука (крымтат. «железный бык») [22, с. 296]. Ставший важнейшим административным, экономическим и культурным центром полуострова и Северного Причерноморья город Кырым, в округе которого сформировалось историческое ядро крымскотатарского государства, сыграл роль центра-катализатора процесса складывания вокруг него на этнической основе осевших на территории полуострова до-монгольских кочевых тюркских племен, а также тюркских и татаро-монгольских родов Крымского, Азакского и Кырк-Йерского улусов Золотой Орды этнического ядра и культурной основы крымскотатарского народа, в который со временем влились тюркизированные потомки аборигенного горного и южнобережного населения полуострова таты, потомки

крымских турок сельджуков и турок османов, крымские черкесы, ногайцы, славяне-тувмы и крымскотатарские цыгане-мусульмане – чингене.

Города Сугдак и Кырым стали первыми центрами распространения мусульманства, исламской науки, культуры и искусства на полуострове. В Кырыме, ставшем первой столицей Крымского ханства, были заложены начальные принципы крымскотатарской художественной культуры, декоративного искусства и национального образования. Появление носителей мусульманского ханифитского мезхеба – турок сельджуков в Крыму приходится на 1222/1223 или 1225/1226 гг. По приказу разбившего войска кипчаков и русов, командующего армией сельджукского султана Алаэдина Кейкубада (1220–1237) Хюсаметтина Чобана, в районе крепости Судгак за две недели была построена мечеть, назначены имам и муэдзины, а также кадий для оставленного в Сугдаке сельджукского гарнизона [56, с. 18]. Со втор. пол. XIII в. Кырым начали стекаться мусульманские купцы, мастеровые люди и ученые богословы из Малой Азии, Ближнего Востока, Хорезма, Бухары, золотоордынские воинские соединения из тюркомусульман кочевых племен Средней Азии. Этот процесс усилился с воцарением в 1257 г. в Золотой Орде сына мусульманки дочери хорезмшаха Мухаммеда – хана Берке, официально принявшего ислам в 1240-е гг. [17, с. 97]. Весной [28, с. 511] или осенью [38, с. 33] 1263 г. из Каира через Крым в ставку Берке на Итиле проходило посольство мамлюкского султана Египта и Сирии Эльмелика Эззахыра Бейбарса Бундукдари (1260–1277), которому в ответном письме от 11 мая 1263 г., хан Берке сообщил о том, что он и его люди уже приняли ислам [40, с. 99], перечислив имена всех своих братьев и шестнадцати темников [40, с. 88–99]. После прибытия на Сугдакий берег и однодневного перехода посольство встретил «правитель этого края в местечке Крым, которое населяют Кипчаки, Русы и Аланы» [40, с. 63]. В 1262 /1263 г. (661 г. х.) Бей – Хаджи Омар ал-Бухари [45, с. 168] возводит первую в г. Кырыме мечеть. Политика Берке исламизации Золотой Орды была в первую очередь ориентирована на Крым, как зону наиболее тесных контактов татар с мусульманским миром [38, с. 39], с которой связаны быстрые темпы роста населения г. Кырыма и закладки новых татарских городов полуострова, поплняемые мусульманами из сельджукских Сиваса, Коньи, Токата, Эрзурума, Ахлата, Эрбиля, среднеазиатских Дженда, Бухары и Ирана, Хорезма, Ирака, Сирии [5, с. 6]. В 1265 г., Берке по просьбе султана Рума – Рукнеддина Кылыч-Арслана IV приказал беклербеку Ногаю, освободить брата-соправителя султана и племянника жены Берке – Иззедина Кейкавуса II (ум. 1278) из почетного плена византийского императора Михаила VIII Палеолога и сопроводить его в Крым [47, р. 92]. Женив экс-султана на своей дочери Урбай-хатун, Берке передал ему во владение «Солхат и Сут(д)ак» [21, с. 357], дозволив забрать из Ма-

лой Азии многочисленное окружение и челядь, проживавших в Крыму вплоть до его кончины [40, с. 263] по одной из версий в Сугдаке [54, s. 37], а по другой в крепости Феррах-Кермен (Ор) на Перекопе [45, с. 35]. В 1265 г. с Балкан в Юго-Восточный Крым пришла орда малоазийских сельджуков [58, р. 639–667] во главе с проповедником Султаном Сары Салтук Мухаммедом Бухари (ум. 1297/1298) [45, s. 9]. Крымский двор бывшего султана Рума стал мощным центром распространения исламского учения, тюркской художественной культуры и декоративного искусства. Пришедшие в Крым с сельджуками мастера – члены братства духовного лидера ремесленников Востока – Эхи Эврена основали цехи-*эснафы* художественных промыслов, ставших звеньями системы развития художественной культуры и декоративного искусства татар – эхи, функционировавшие на полуострове с XIII по XX вв. В 1667 г. крымскотатарский хронист Тохтабай сообщал, что Берке построил в Крыму города Эски Сала и Эски Юрт, привел из победоносных походов в Среднюю Азию и поселил 1800 улемов, шейхов, святых отшельников [45, с. 231–234]. Эвлия Челеби отмечал, что в Эски Юрте был расположен зиярет хана Берке (Берекет хана) [45, с. 123].

Представители заселивших в XIII–XIV вв. Юго-Восточный Крым туркменских родов турок-сельджуков привнесли в художественную культуру и декоративное искусство татар Крыма традиции орнаментального искусства, чрезвычайно развитых у туркмен ворсового и безворсового ковроткачества. Населенное, принявшими греческое православие потомками тюрко-булгар побережье Юго-Восточного Крыма в XIII–XIV в. заселяли представители огузоязычных турок-сельджуков, а с XV в. турки-османы и билингвические греки-румели из Анатолии и Румелии, а степи и предгорья полуострова занимали представители кочевых кипчакских и тюркизированных татаро-монгольских родов и племен. Об этом свидетельствует историческая топонимика Крыма, в которой, каждое название степного крымскотатарского селения соответствовало кочевому тюркскому или татаро-монгольскому этнониму народов, племен и родов, населявших равнины и горы Евразии от Саянских гор на Востоке до Дуная на Западе. Крымские татары и их тюркские предки, не переименовывали существовавшие к моменту их утверждения на полуострове селения и города, исключение составили лишь Боспор и Херсон, получивших новые тюркские названия Керчь и Сары-Кермен. Они основывали новые поселения, называя этнонимами своих родов, гидронимами и именами своих предводителей. На южном берегу и в горах Крыма кипчакское, огузское и татарское население продолжало использовать названия данные этим поселениям потомками тавроскифо-гото-аланского и тюрко-булгарского населения исповедовав-

шего греческое православие, использовавших в качестве оронимов и топонимов имена греко-православного пантеона святых.

Рукнеддин Бейбарс сообщил: «Ногай отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся там купцов мусульманских, аланских, и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Йери, Керчь» [40, с.112]. Об разгроме Сугдака беклербеком Ногаем в 1298–1299 гг. упоминается на полях Судакского синаксаря [22, с. 298]. Татары Ногай обрушились на поселение Эски-Кермен [4, с. 250], Херсон и крепость Кырк-Йер, в районе которой располагались аланы, платившие до татар дань кипчакам [22, с. 298]. В 1312 г. хана Токту на золотоордынском троне сменил его племянник по имени Узбек. В 1314 г. он принял мусульманское имя Мухаммед и объявил ислам государственной религией Золотой Орды. При нем в Крым, как и при Берке переселилось многочисленное исламское образованное сословие. Развивающиеся связи полуострова со старыми очагами исламской культуры и искусства существенно обогатили культуру Крыма. Эпоха правления хана Мухаммеда Узбека и его сыновей Тинибек и Джанибека стала периодом расцвета мусульманского населения Восточного Крыма, городов Сугдака и Кырыма. Архитектура мусульманских монументальных сооружений, малых форм и погребений Крыма их времени, являются выдающимися образцами архитектурного и камнерезного искусства татар Крыма XIII–XIV вв. Уникальными являлись каменные и земляные фортификационные сооружения города. С нач. 1320-х и до 1338 г. наместником Крыма был Тулук-Тимур, затем Мелик-Тимур, Зейн-эд-Дин Рамазан, внук Тулук-Тимура Ходжа-Алибек. В пер. пол. XIV в. в Восточном и Юго-Западном Крыму появилось множество поместий татарских беев и мурз. Расцвела экономика и торговля татарского Крыма и соседствующих его мусульманами анклавов христиан. Основной движущей силой торгово-экономической деятельности были соперничающие между собой экономики Генуи и Венеции. Интенсивными были торговые связи Крыма с регионами Средней Азии через Северный Прикаспий [22, с. 300] с населением Дешт-и-Кипчака, поволжскими городами Золотой Орды, мамлюкским Египтом, турецкой Малой Азией, палеологовским Константинополем, комниновским Трапезундом, Южной и Центральной Европой, Латинской Романией, Великими княжествами Литовским и Московским [44, с. 111].

Выступившее в 1363 г. против великого князя литовского Ольгера татарское войско крымского и кырк-йерского эмиров, а также князя Феодоро Димитрия, потерпело поражение на реке Кок-Су (Синие Воды) [57, р. 184]. Ханский зять темник племени кыят Кучук Мухаммед (Мамай), придя опираясь на кипчакские племена в 1367 г. к власти в Крыму, сумел создать подчиненное ему лично причерноморское ханство с населявшими его кип-

чаками, ясами и касогами. Его союзником стала Генуя в лице ее черноморских факторий. Он начал по своему усмотрению менять правителей на ханском престоле в Сарай-Берке [22, с. 302]. Превращение, по сути, в самостоятельное крымское квазигосударство орды эмира Мамая с центром в Кырыме, явилось первым опытом создания татарской государственности на Крымском полуострове. В 1379 г. новым ханом стал Тохтамыш, положивший конец смуте и вновь укрепивший власть в Золотой Орде. Этому способствовала неудача Мамая в противостоянии с русскими войсками Дмитрия Донского и ордынскими сторонниками Тохтамыша на Куликовом поле. Разбитый Тохтамышем на реке Калке ослабленный эмир, был в Крыму предательски убит [22, с. 304]. Тохтамыш, взяв Москву укрепил власть Золотой орды над русскими княжествами, но на него напал властитель чагатайского государства эмир Тимур барлас. В Крыму находился улус, воевавшего против Тимура на стороне Тохтамыша темника Бек-Хаджи, преследуя которого после разгрома войск Тохтамыша на Тереке 15 апреля 1395 г. одно из полчищ Тимура прошло через Крым, разгромив все его города, включая генуэзские фактории и столицу феодоритов Мангуп. Об многочисленном поселении в Крыму одних из предков степных крымских татар кыятов сообщает Утемиш-хаджи: «во время правления Бердибека (1357–1359), кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенем в Крым» [41, с. 108]. Вторым после Мамая обособившимся в Крыму правителем стал Таш-Тимур, провозглашенный ханом, уцелевшими после поражения от Тимура на реке Терек эмирами Тохтамыша в 1395 г. В 1396 г. в Крыму обосновался уже сам Тохтамыш, но в 1398 г. он был изгнан другим претендентом Тимур-Кутлугом при поддержке эмира Эдигея. В 1399 г., поддержавший Тохтамыш хана литовский князь Витаутас потерпел сокрушительное поражение от эмира мангытов Эдигея и Тимур-Кутлуга, Тохтамыш бежал в Сибирь и в 1405 г. был убит под Тюменью. В 1399 г. фактическим правителем в последний раз объединенной им Золотой Орды стал улубей Мангытского иля, беклербек Золотой Орды эмир Эдигей и совершил поход в иль сторонников Тохтамыша Крым. Разрушенный им Сары-Кермен (Херсон) больше не восстановился и вплоть до присоединения Крымского ханства к Российской империи существовал в виде крымскотатарского поселения Сары-Керман. Разорение Золотой Орды Тимуром привело к развалу единого государства Джучидов, распадавшегося на самостоятельные улусы. Самым динамично развивающимся из них, был Крым. В 1410 г., в благодарность за поддержку в битве против тевтонцев при Грюнвальде, великий литовский князь Витаутас помог сыну Тохтамыша Джелал-ад-Дину отобрать у Эдигея Крым. В 1411 г. ставленник Эдигея на престоле Золотой Орды сын Тимур-Кутлуга – Тимур-хан изгнал Джелал-ад-Дина из Крыма и выступил против Эдигея. В 1412 г. сыновья Тохтамы-

ша внезапно напали на орду вскоре убитого Тимур-хана и разгромили ее. В 1419 г. против Эдигея выступил другой сын Тохтамышы – Кадыр-Берди. В ожесточенном сражении погибли оба полководца. В 1421 г. среди царевичей Джучидов выдвинулся хан Улуг-Мухаммед. Поддержанный Витаутасом в 1425 г. он овладел Крымом.

Факт включения Крыма с сер. XIII в. в ареал широкого распространения ислама и массового поселения здесь, представлявших мировую мусульманскую ученую элиту богословов шейхов подтверждают данные эпиграфики. На надмогильных памятниках Старого Крыма, датируемых XIII–XV вв., присутствуют названия основных научных и культурных центров средневекового мусульманского мира – Бухара, Тебриз, Эрбиль, Алеппо, Эрзурум, Сивас, Конья и похороненных под ними лучших представителей средневековой мусульманской научной мысли [6, с. 15; 19]. Подтверждением высочайшего уровня учености крымских мусульманских богословов является написание в Крыму Абу-Бакром ибн Юсуфом ал-Хасаном ал-Васити посвященного различным видам исламского искусства суфийского трактата «Китаб аль-масабих фит – тасаввуф» («Светильник в вопросах суфизма»), обнаруженного в 1926 г. в старинном крымскотатарском селе под Судаком [23, с. 159–168].

Под благотворным воздействием мусульманского учения на территории, до этого являвшегося периферией мировых цивилизаций и культур полуострова, был основан центр образования, науки, культуры и искусства Солхат-Крым, не уступавший остальным мировым культурно-образовательным центрам. С этого момента не, как до этого только прибрежная, но впервые и внутренняя равнинная часть Крымского полуострова стала местом средоточия просвещения, наук, культуры, искусств и мировых религий. Название города Крым, вытеснившее название Солхат на рубеже XIV–XV вв. постепенно перешло на весь Крымский полуостров [13, с. 467–468]. В полиэтничной, поликонфессиональной и поликультурной столице Крымского улуса на основе синтеза степной художественной культуры, осевших в Крыму и ассимилировавших прежнее тюркское кочевое население полуострова кипчакских племен и тюркизированных татаро-монгольских родов Золотой Орды с тюрко-исламской художественной культурой и декоративно-прикладным искусством переселившихся в Солхат-Крым и его округу турок сельджуков и мусульманских дервишских братств Малой Азии, Египта, Ирака, Сирии, Хорасана, Бухары и Хорезма, начался процесс формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства, испытавших на определенном этапе своего развития непосредственное влияния западноевропейской художественной культуры соседствовавших с первой крымскотатарской столицей генуэзских

городов-факторий и поселенных в ее округе золотоордынскими правителями сарайских армян, иудеев и греков.

Параллельно с процессом начала складывания художественной культуры и искусства татар Крыма, в Южнобережном и Юго-Западном Крыму продолжался процесс развития византийской по сути художественной культуры и декоративно-прикладного искусства потомков древнейшего оседлого аборигенного населения полуострова крымской горной народности татов – предков горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов.

С превращением в центр тяготения западной части Золотой Орды в XIV в. Солхат-Кырыма, в Крымском, Кырк-Йерском и Азакском улусах с удвоенной силой продолжилось возведение мусульманских храмов, создание исламской образовательной инфраструктуры и открытие суфийских научно-религиозных центров, в которых наряду с схоластическими и светскими науками активно обучали мастерству мусульманской каллиграфии, художественной росписи наккаш, декоративного письма хатт, орнаментального искусства золотого шитья. В городе были построены и успешно действовали десятки гончарных производств в которых опытные специалисты керамисты привезенные из крупнейших центров гончарного искусства Средней Азии, Малой Азии и Поволжья обучали местных гончаров секретам своего мастерства во владении неизвестной до этого в Крыму техники ангоба, при изготовлении украшенной цветным геометрическим, растительным, животным и антропоморфным орнаментом поливной столовой посуды и изразцовой плитки. Вокруг этих центров стала разворачиваться и протекать духовная и просветительская деятельность нового для Крыма ученого сословия улема и духовных наставников шейхов. Солхат-Крым за короткий срок преобразился в один из наиболее значительных торговых, научно-образовательных и культурных центров Причерноморья. Ибн Баттута, побывавший здесь в 1333 г. беседовал с проживавшими в городе высокообразованными и авторитетнейшими мусульманскими учеными-шейхами Музаффередином и Музхиредином Хорасанизаде, кадиями Шемседдином Саили и Хызыром, факихами Шерефедином, Мусой и Аляэдином эл-Аси, хатибом Эбу-Бекром, имамом улус-бея Тулуг-Темура – Садедином и др. [40, с. 280]. В 1333 г. супруга Крымского улус-бея Тулуг-Темура и мать наместника Крыма «великого эмира» Кутлуг-Темура [27, с. 36] – Инджи-бек Хатун (ум. 1373/74 г.), возвела рядом с построенной в 1314 г. мечетью хана Мухаммеда Узбека многокупольное здание высшего мусульманского учебного заведения – медресе. Круг дисциплин, преподававшихся в медресе Инджи-бек Хатун наряду с богословскими предметами, чтением и комментированием Корана (тефсир), хадисоведением, спекулятивной теологией (калам), исламское право (фикх), препода-

вались логика (мантык), наука о нравственности (ахляк), филологические дисциплины (арабский, фарси), основы математики, астрономия (хейэт), каллиграфия (хатт), роспись (наккаш), а также религиозное стихосложение и песнопение илляхи. В библиотеке крымского улус-бея Тулуг-Темура хранились два списка рукописи трактата по математике, развивающего идеи величайшего математика средневековья Мухаммеда аль-Хорезми (ум. ок. 850 г.) [49, с. 224]. Свидетельством широты охвата научной деятельности и учености крымских мусульман, уровня мусульманского образования и духовного развития первой столицы татар Крыма, являются имена мусульманских ученых с эпитафий на надмогильных памятниках XIII–XV вв. в Старом Крыму, с большим искусством изготовленных крымскими резчиками по камню: «Могила ученого Сейида» [8, с. 7], «Могила покойного астролога Урус-Ходжи, сына Хасана», «Мавзолей гордости шейхов, шейха Хайреддина», «Могила покойной и благородной женщины Иззун-Ниса, дочери Шейха Мушеррефа. 672 г. (1273)», «Эта гробница Рабиа Хатун, дочери Шейха. 812 г. (1409)», «Могила шейха Хасана, сына Хусейна», «Могила шейха <...> сына Исляма», «Умер глава духовных подвижников Эмир Омер Халепский, 756 г. (1355)» [5, с. 10], «Могила [...] сына Шейха Ахмеда» [8, с. 4], «Могила Бик-Несеб, дочери Шейх-Хасана» [8, с. 7], «Могила Ток-Суфи, сына Хусейна» [5, с. 6], «Могила шейха Хусам-эд-дина» [8, с. 6]. Из ставшего международным центром мусульманской духовности, образования и науки Солхат-Крыма философия суфиев с присущей ей исламской художественной культурой и декоративным искусством продвинулось в религиозно-суфийский центр Отуз (н. Щебетовка), где на надгробиях тончайшей работы из местного камня захоронения святых (азизов), датированных XIV в., две принадлежали шейхам Якубу эль-Коньяви (ум. 729/1328) и Хаджи Яхйе бин Мухаммеду эль-Ираки (ум. 782/1380), а третья местному уроженцу «мученику» Идрису бин Хаджи Яхйя Отузи (ум. 763/1361) [5, с. 6–7, 15].

Исламское учение, культура и искусство из первой столицы крымских татар распространились на весь равнинный Крым. Религиозно-образовательные центры исламской культуры и искусств стал Шейх-кой (н. Давыдово) неподалеку от Керменчика (н. Симферополь) с «текие-джами» («мечеть-обитель») – дар-уль-хуффаз (школа хафизов чтецов и знатоков Корана, хаттатов, наккашей, каззавов, возведенной в 760 х. / 1358 г., в правление Крымом «великого эмира, султана Кутлуг-Темур-бека, сына Тулуг-Темур-бека» [9, с. 253–254]. В 13 км от Шейх-кой располагалось с. Чоюнджы (н. Урожайное), крупнейший суфийский «оджакъ» (центр) Крыма и основной татарский центр художественного литейного производства. Исламский религиозно-суфийский центр культуры и искусства был создан в с. Эски-Сарай (б. Монетное) на горном берегу р. Салгир. Образовательно-

культурные исламские суфийские центры были созданы тогда в административном центре улуса Ас (Кырк-Йер) – крепости Кырк-Йере и в находящемся неподалеку от него Эски-Юрте, где выявлены культовые сооружения и захоронения ученого сословия улема [7]. В то же время был создан суфийский религиозно-просветительский центр – «оджакъ» на р. Кача в Эфендикое (н. Айвовое) и в Центральном Крыму в с. Ташлы-Шейх-эли (н. Беседино). Свидетельством высокого уровня образования в образовательно-культурных религиозно-просветительских суфийских центрах Крыма является факт преподавания их крымских выпускников в лучших высших учебных заведениях (медресе) мусульманского мира в Каире, Дамаске, Кудусе (Иерусалим), Бурсе, Эдирне [48, s. 20; 52, s. 123; 55, s. 12, 13, 14, 15; 50, s. 96; 40, с. 463]. В начале XV в. в Крыму преподавал величайший ученый-факих средневековья Хафызуддин Мухаммед эль-Беззази (ум. 1424) [53, s. 113–114], происходивший из среды мастеров ткацкого дела. В 1412 г. в Крыму творил выдающийся историк и поэт Востока Ибн Арабшах (ум. 1450), сотрудничавший с местными учеными и поэтами Ахмедом Буйруком, Мевляна Шерефеддином, Мевляна Махмудом эль-Булгари и Абдульмеджидом эль-Кырыми [59, s. 314–315]. В ставшем средоточием развития науки, литературы и искусства г. Кырыме, были созданы произведения золотого литературного фонда тюрко-исламского мира поэма на сюжет коранической легенды о Юсуфе и Зулейхе крымского поэта XIII в. Махмуда Кырымлы [52, s. 5] и суфийский поэтический трактат на фарси «Календер-наме» написанный в 1320–1340-х гг. шейхом Абу Бакром Руми [1, с. 41], служившим до самой своей кончины имамом мечети в первой крымскотатарской столице, в которой с ним общался Ибн Батута [32, с. 41]. Здесь же в конце XIV в. Абдульмеджид Кырымлы написал свой вариант поэмы о Юсуфе и Зулейхе [1, с. 41].

На протяжении всей истории существования Крымского улуса Золотой Орды, а затем и Крымского ханства, в крымскотатарской среде сохранялся живой интерес к исламской художественной культуре и декоративно-прикладному искусству. К моменту переноса столицы крымскотатарского государства из г. Кырыма в Кырк-Йер крымскотатарская художественная культура являла собой синтез смешения золотоордынских художественных стилей кочевого тюрко-татарского декоративного искусства и художественных промыслов с среднеазиатскими, арабо-персидскими и малоазийскими традициями художественной росписи, книжной миниатюры, каллиграфии, золотого шитья, гончарного искусства, резьбы по камню и дереву, художественной обработки металла и камня, ювелирного искусства и исламской художественной культуры. Ретрансляторами этих новых для Крыма художественных традиций являлись указанные выше суфийские культурно-образовательные центры, мусульманские мастера эснафы брат-

ства эхи, носители исламской художественной культуры, прибывавшие из различных регионов исламского мира и поселявшиеся в стране крымских татар. В создании ставшим для Крыма традиционным художественного стиля принимали активное участие также и переселявшиеся в Крымский улус мастера с Балкан, Апеннин и Поволжья, армяне и иудеи, выполнявшие социальный заказ на удовлетворении потребностей в изделиях различных видов художественных ремесел и декоративно-прикладного искусства представителей различных сословий татар крымской страны. Прева-лирование в культурной жизни и творческой сфере Солхат-Кырыма, пришедших из Малой Азии мусульман предопределило преобладание в его градостроительном облике малоазийско-сельджукских архитектурных традиций [14, с. 17]. С 1262 г. город чеканил уже свою монету [37, с. 46]. С развитием города в его застройке стало ощущаться возрастающее влияние архитектуры Египта, Сирии, Ирака и Средней Азии (Хорезм, Бухара) [26, с. 164]. Сельджукские этнокультурные традиции особенно ярко проявившиеся в художественной (архитектура, гончарство, ювелирное искусство), музыкальной (музыкально-поэтическое и инструментальное искусство) и духовной (суфийская философия, поэзия и литература) культуре тюрко-исламского населения города Солхат-Крыма и его округа [30, с. 55], наряду с этнокультурными традициями кыпчаков Крыма и поселившихся здесь золотоордынцев выступили катализатором формирования культуры этнического ядра формирующегося крымскотатарского этноса. Не имевшие глубокой практики в возведении крупных архитектурных сооружений бывшие кочевники татары Крыма, для застройки своего края и его столицы расселили в имевший на тот момент ограниченные ресурсы в профессиональной строительной рабочей силе Крым из малоазиатской Киликии, Восточной Анатолии (Верхней Армении) и с берегов Эдиля (Волги) из г. Сарая строителей армян [33, с. 137]. Вместе со строителями в Крым переселились армянские художники миниатюристы, каллиграфы, камнетесы и резчики по камню, гончары, ткачи, ювелиры, музыканты, ремесленники, торговцы, священники. Профессиональная деятельность владевших родным и татарским (кипчакским) языком армянских мастеров декоративно-прикладного искусства, оказала определенное влияние на процесс формирования крымскотатарской художественной культуры.

Первая столица татар Крыма поддерживала экономические и культурные связи с государствами Восточной и Южной Европы, Леванта, Средней Азии, Месопотамии, с Византийской и Трапезундской империями, Молдавией и Валахией, Великим Литовским и Московским княжествами, Францией, Ираном, Индией, Сицилией, Лигурией, городами Генуей и Венецией и другими странами и регионами средневекового мира [25, с. 153]. Татарские правители Солхат-Кырыма получали 3% от суммы всех сделок со-

вершаемых на подвластной им территории Крымского полуострова, включая крымские порты [39, с. 116]. Воздействие культуры мусульманской, христианской и иудейской общин Крымского улуса на формирующуюся культуру крымских татар благотворно сказалось на процессе обретения эклектики мультикультурализма и жанрового разнообразия художественной культурой строивших на полуострове свое государство татар Крыма. Культурная мощь татаро-тюрко-исламской общины г. Кырыма и Юго-Восточного Крыма поступательно возрастала, а ее художественная культура развивалась при тесном взаимодействии и широких контактах с центрами культуры Золотой Орды в Поволжье, а также с тюркскими и исламскими культурными центрами Малой Азии, Ближнего Востока и Средней Азии. Влиятельную прослойку в исламской общине города составляли представители военизированных золотоордынских племенных объединений кыятов и найманов [30, с. 57]. Помимо кыпчаков, кыятов и найманов в степях Восточного Крыма XIII–XIV вв. расселились сыгравшие основополагающую роль в создании независимого Крымского ханства татарские военизированные кланы кунгратов, ширинов, сиджеутов, аргынов и барынов. В г. Кырыме существовали христианские кварталы, населенные аланами, славянами, кыпчаками и потомками тюрко-булгар, печенегов и, принявших христианство византийского толка [30, с. 57]. В татарском столице поселились армяне католики и грегорианцы, православные греки, еврей-караимы и еврей-раббаниты прибывавшие из золотоордынских городов на Волге, из Европы, Ближнего Востока, Малой и Средней Азии, а после 1453 г. и из Константинополя [30, с. 59]. В г. Кырыме с XIII в. укоренился свой религиозный культ крымского последователя Сары Салтука – шейха Кемаль Ата, похороненного в городе до 1287 г. По указанию Сары Салтука в память о праведном Кемале Ата в г. Кырыме были возведены мавзолей и суфийская обитель, ставшие зияретом [30, с. 63]. В городе крепла мусульманская община ханефитского мезхеба, ориентированная на прибывших из Малой Азии турко-сельджукскую и Средней Азии тюрко-кыпчакскую часть мусульман, в которую вошла и прослойка исламизированных татаро-монголов [30, с. 64]. Предположительно, что древние крымскотатарские села на берегу Юго-Восточного Крыма: Шелен, Кутлак, Таракташ, Токлук, Коз, судя по их огузо-туркменским названиям были основаны или заселены турками-сельджуками разогнанного татарами судакского гарнизона Хюсаметтина Чобана и осевшими в Крыму турками-сельджуками орды Сары Салтука, смешавшихся с проживавшими здесь потомками принявших христианство греческого толка тюрко-булгар. В Крыму, как писал Г.А. Фёдоров-Давыдов: «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа... пышно распускается яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных

чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочётов, персидских стихов и мусульманской духовной учёности, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии» [43, с. 32]. То же самое можно сказать и о влиянии художественной культуры средневековых среднеазиатских и малоазиатских городов на художественную культуру и декоративное искусство г. Кырыма и построенных татарами экономических и культурных центров Крымского полуострова Карасубазара, Акмесджита, Кырк-Йера, Эски-Йурта, Кезлева, Ора. В 1300-е гг., в одном из татарских посольств к египетскому султану принимал участие эмир Сейф-эд-Дин Солгат, зять крымского наместника Золотой Орды [40, с. 269]. На смешении и многообразии этнических культур полуострова в XIII – XIV – XV вв. в Крыму, в соответствии с канонами тюрко-исламской урбанистической культуры формируются художественная культура, художественные промыслы и декоративное искусство татар Крыма. На полуострове углубляется процесс вовлечения местных художественных форм в принципиально новое, для данного региона тюрко-исламское культурно-временное единство. Татарско-мусульманский период развития искусства Крыма не отторгал достижения развития культуры полуострова предшествующего периода, а наследовал их. Художественная культура Крыма XIII–XV вв. явилась логичным эволюционным продолжением развития местных культурных традиций в новых этнокультурных условиях стабильности Крымского, Азакского и Кырк-Йерского (Асского) улусов Золотой Орды. С XIII в. Крым вошёл в единое пространство культуры и искусства тюркского и исламского мира, никогда не носившего на полуострове нивелирующего характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульвапов Н.Р. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. Вып. 1. 2015. С. 30–46.
2. Айбабин А.И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 74–81.
3. Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003а. (Археология). С. 10–26.
4. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
5. Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. // ИТОИАЭ. Т. I (58). Симферополь, 1927. С. 5–18.
6. Акчокраклы О. Старо-крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. / О. Акчокраклы. Симферополь, 1927а. 15 с.

7. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале.; Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Симферополь: [б. и.], 1928. Обл., 15 с., 26 с. Отг. из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». Т. II (59).

8. Акчокраклы О. Эпиграфические находки // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). 196 с. С. 152–160.

9. Акчочьраклы О. Эсерлер топламы / тертип эткен И.А. Керим / О. Акчочьраклы. Акъмесджит, 2006. 320 с.

10. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 21–22.

11. Анна Комнина. Алексиада / пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996. 704 с.

12. Анохин В.В., Приднев С.В. Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Т. 1. С. 435–453.

13. Бартольд В.В. Крым // Сочинения. М., 1965. Т. 3: Работы по исторической географии. С. 467–468.

14. Бороздин И.Н. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму (работы археологической экспедиции 1926 года) // Новый Восток. 1927, № 16, 17. С. 3–21.

15. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

16. Гордлевский В.А. Из жизни цехов в Турции. К истории ахи. Избр. соч., т. 1. М., 1960. С. 276–286, 289–307.

17. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Часть I. Образование и развитие Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1950. 478 с.

18. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004. 434 с.

19. Джиовани дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 270 с.

20. Заатов И.А. Музей памятников стран и народов Великого шелкового пути под открытым небом // Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения, сохранения и возрождения традиционной культуры крымских татар». Симферополь, 2008. С. 10–13.

21. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005. 713 с.

22. История Крыма: в 2 е. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 1. 600 с.

23. Кемаль Я. Арабський суфійський рукопис XIII віку, в Криму знайдений і чи не в Криму й писаний / Я. Кемаль // Студії з Криму. I–IX / ред.: А.Е. Кримський. К., 1930. С. 159–168.
24. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. 254 с.
25. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.
26. Крамаровский М.Г. Исследования средневекового Солхата // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. 1994. С. 163–166.
27. Крамаровский М.Г. Гуланшаро и Солхат. Население золотоордынского города по результатам раскопок 1994–1996 гг. и кладовым материалам // Отчетная археологическая сессия за 1996 год (Государственный Эрмитаж). Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 30–37.
28. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XIV вв. // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Выпуск 10. Симферополь, 2003. С. 506–532.
29. Крамаровский М.Г. Редкая сельджукская (?) лампа XII – начала XIII в. из пригорода Солхата. Античная древность и средние века (сборник докладов). Выпуск 39. К 60-летию доктора исторических наук, профессора В.П. Степаненко. Екатеринбург, 2009. С. 301–313.
30. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата). // Золотоордынское обозрение. № 1. 2016. С. 55–89.
31. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
32. Миргалеев Ильнур. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. № 1. Казань-Бахчисарай, 2014. С. 41–45.
33. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
34. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. 1974. Вып. 142. 198 с.
35. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990а. 208 с.
36. Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. Алматы: Гылым, 1993. 246 с.
37. Сидоренко В.А. Монетное производство золотоордынского Крыма // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Ч. 1. Симферополь. 1991. С. 46–48.
38. Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 384 с.
39. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Коронаро, 1362 г.) // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 103–118.
40. Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. // Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.

41. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / перевод и примечания В.П. Юдина; комментарии: М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992. 296 с.
42. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. 228 с.
43. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Издательство Московского университета, 1994. 229 с.
44. Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедческие истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 111–128.
45. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2008. 272 с.
46. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак. Половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. 1927. Т. 25. С. 53–77.
47. Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks: the Mamluk-İlkhānid War, 1260–1281. Cambridge University Press, 1995. 263 p.
48. Bursalı M.T. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Mü'ellifleri. Haz.: Mehmet Sarı. Ankara, 1990. 73 s.
49. Fazlıoğlu İ. Altın-Orda Ülkesi'nde İlk Matematik Kitabı: Hesap Biliminde Şaheser [et-Tuhfe fi ilmi'l-hisâb]. Teoman Durallı'ya Armağan [Bir Felsefe-Bilim Çağrısı]. İstanbul, 2008. S. 224–259.
50. Gölpınarlı Abdülbaki. İslam ve Türk illerinde fütüvvet teşkilatı ve kaynakları. İstanbul: İsmail Akgün Matbaası, 1952. S. 90.
51. Hocendi // İslâm âlimleri Ansiklopedisi. İstanbul, t/s. S. 96.
52. Kırımlı. Yusuf ile Züleyha Haz.: İ.H. Ertaylan. İstanbul, 1960. 217 s.
53. Özel A. Bezzazi / İslâm Ansiklopedisi. C. 12. İstanbul, 1992. S. 113–114.
54. Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt: II / Y. Öztuna. Ankara, 1996. 1224 s.
55. Şerafeddin. Kırımdan yetişen türk alimleri / Haz.: İsmail Akçay // Emel. Sayı: 203. 1994 (Temmuz–Ağustos). S. 14–15.
56. Taneri A. Hüsâmeddin Çoban / A. Taneri // İslâm Ansiklopedisi. İstr., 1998. S. 513.
57. Vasiliev A.A. The Goth in The Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
58. Witek P. Yazijioglu Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XIV, Part 3, 1952, pp. 639–668.
59. Yuvalı A. Ibn Arabşah, Şehabeddin / İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1999. S. 314–315.

Сведения об авторе: Заатов Исмет Аблятифович – доктор философии в арт-критицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымско-татарской филологии и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); zaatov@gmail.com

Ethno-cultural basis of the process of formation of the Crimean Tatar artistic culture and decorative art (part three)*

Ismet Zaatov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. In the article an attempt is made to trace the stages of development of the process of the Kypchak-Tatar – Turko-Seljuk Turkization and the beginning of the process of Asia Minor – Central Asian Islamization of the population of the peninsula and formation of artistic culture and decorative art of the Crimean Tatars during the formation of the foundations of the Crimean Tatar statehood in the Black Sea uluses of the Golden Horde.

Keywords: Turkization, Islamization, artistic culture, decorative arts, Golden Horde, steppe Crimean Tatars, Tats

For citation: Zaatov I.A. Ethno-cultural basis of the process of formation of the Crimean Tatar artistic culture and decorative art (part three). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 120–146. DOI: 10.22378/kio.2023.1.120-146 (In Russian)

REFERENCES

1. Abdul'vapov N.R. K istorii nauki, obrazovaniya i literatury v Krymu v period Zolotoy Ordy [On the history of science, education and literature in the Crimea during the Golden Horde]. *Voprosy krymskotatarskoï filologii, istorii i kul'tury – Questions of the Crimean Tatar philology, history and culture*. Issue 1. 2015, pp. 30–46. (In Russian)

* See: Part one (*Crimean Historical Review*. 2021, no. 2, pp. 134–170, DOI: 10.22378/kio.2021.2.134-170); Part two (*Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 123–154. DOI: 10.22378/kio.2022.1.123-154).

2. Aĭbabin A.I. Step' i yugo-zapadnyĭ Krym. Krym v X – pervoĭ polovine XIII veka [The Steppe and southwestern Crimea. Crimea in the X – first half of the XIII centuries]. Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya IV–XIII veka – [Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages of IV–XIII centuries]. Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva – Resp. ed. T.I. Makarova, S.A. Pletneva. Moscow, 2003, pp. 74–81. (In Russian)

3. Aybabin A.I. Step' i Yugo-Zapadnyy Krym. Krym v X – pervoy polovine XIII vv. [Steppe and Southwest Crimea. Crimea in the X – first half of the XIII centuries]. Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. [IV–XIII vv. Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. IV–XIII centuries]. Moscow, 2003a. (Arkheologiya), pp. 10–26. (In Russian)

4. Aybabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. [A city on the Eski-Kermen plateau in the XIII century] – МАИЕТ. 2014. Issue XIX, pp. 240–277. (In Russian)

5. Akchokrakly O. Staro-krymskiye i otuzskkiye nadpisi XIII–XIV vv. [Sary Krym and Otuz inscriptions of the XIII–XIV centuries]. Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (ITOIAE). Vol. I (58). Simferopol, 1927, pp. 5–18. (In Russian)

6. Akchokrakly O. Staro-krymskiye i Otuzskkiye nadpisi XIII–XV vv. [Sary Krym and Otuz inscriptions of the 13th – 15th centuries.]. Simferopol, 1927a. 15 p. (In Russian)

7. Akchokrakly O. Novoye iz istorii Chufut-Kale. [New from the history of Chufut-Kale]; Gosudarstvennyy dvorets-muzey tyurko-tatarskoy kul'tury v Bakhchisaraye. [State Palace-Museum of Turkic-Tatar culture in Bakhchisarai.] Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii ITOIAE. Simferopol, 1928. Pp. 15, 26. t. II (59). (In Russian)

8. Akchokrakly O. Epigraficheskiye nakhodki [Epigraphic finds] ITOIAE. 1929. Vol. III (60). 196 p., pp. 152–160. (In Russian)

9. Akchokrakly O. Eserler toplamy / tertip etken I.A. Kerim / Akmesdzhit-Simferopol, 2006. 320 p. [A collection of works] (In Crimean Tatar)

10. Ambroz A.K. Vostochnoyevropeĭskkiye i sredneaziatskiye stepi V – pervoĭ poloviny VIII vv. [Eastern European and Central Asian steppes of the 5th – first half of the 8th centuries.] – Arkheologiya SSSR. Stepĭ Yevrazii v epokhu srednevekov'ya. [Archeology of the USSR. The steppes of Eurasia in the Middle Ages.]. Moscow, 1981. Pp. 21–22. (In Russian)

11. Anna Komnina. Aleksiada [Alexiada] / per. s grecheskogo YA.N. Lyubarskogo. [transl. from Greek Ya.N. Lyubarsky]. St. Petersburg, 1996. 704 p. (In Russian)

12. Anokhin V.V., Pridnev S.V. Gruntovyy mogil'nik pozdnikh kochevnikov pod Yevpatoriyyey [Soil burial ground of late nomads near Evpatoria] Istoriya i arkheologiya Kryma. [History and archeology of the Crimea.]. Simferopol, 2014. Vol. 1, pp. 435–453. (In Russian)

13. Bartol'd V.V. Krym [Crimea] Sochineniya. [Works.] Moscow, 1965. T. 3: Raboty po istoricheskoy geografii. [Works on historical geography], pp. 467–468. (In Russian)

14. Borozdin I.N. Novyye dannyye o zolotoordynskoy kul'ture v Krymu (raboty arkheologicheskoy ekspeditsii 1926 goda) [New data on the Golden Horde culture in the

Crimea (work of an archaeological expedition in 1926)]. *Novyy Vostok*, 1927. no. 16, pp. 3–21. (In Russian)

15. Gavrilov A.V., Mayko V.V. *Srednevekovoye gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkhologicheskoy karte goroda Staryy Krym)* [Medieval settlement Solkhat-Crimea (materials for the archaeological map of the city of Stary Krym)]. Simferopol': *Biznes-Inform*, 2014. 212 p. (In Russian)

16. Gordlevskiy V.A. *Iz zhizni tsekhov v Turtsii. K istorii akhi* [From the life of workshops in Turkey. To the history of ahi]. *Izbr. soch.* [Fav. cit.], t. 1, Moscow, 1960. Pp. 276–86, 289–307. (In Russian)

17. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Chast' I. Obrazovaniye i razvitiye Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Part I. Formation and development of the Golden Horde in the XIII–XIV centuries.] *Zolotaya Orda i yeye padeniye* [The Golden Horde and its fall]. Moscow-Leningrad: *Izdatel'stvo akademii nauk SSSR* [Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR], 1950. 478 p. (In Russian)

18. Davletshin G.M. *Ocherki po istorii dukhovnoy kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovleniye i razvitiye)* [Essays on the history of the spiritual culture of the ancestors of the Tatar people (origins, formation and development)]. Kazan: Tatar book publishing house, 2004. 434 p. (In Russian)

19. *Dzhiovani del' Plano Karpini. Istoriya Mongalov; Gil'om de Rubruk. Puteshestviye v Vostochnyye strany* [Giovani del Plano Carpini. History of the Mongols; Guillaume de Rubruck. Travel to Eastern countries]. *Perevod A.I. Maleina* [Translated by A.I. Malein]. Moscow: *Gosudarstvennoye izdatel'stvo geograficheskoy literatury* [Moscow: State Publishing House of Geographical Literature], 1957. 270 p. (In Russian)

20. Zaatov I.A. *Muzey pamyatnikov stran i narodov Velikogo shelkovogo puti pod otkrytym nebom* [Museum of Monuments of Countries and Peoples of the Great Silk Road in the open air] *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktual'nyye problemy izucheniya, sokhraneniya i vrozozhdeniya traditsionnoy kul'tury krymskikh tatar"* [Materials of the scientific-practical conference "Actual problems of the study, preservation and revival of the traditional culture of the Crimean Tatars"]. Simferopol, 2008. Pp. 10–13. (In Russian)

21. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Arab sources]. Vol. I. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannykh V.G. Tizengauzenom* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works collected by V.G. Tiesenhausen]. *Pererabotannoye i dopolnennoye izdaniye* [Revised and enlarged edition]. Almaty, 2005. 713 p. (In Russian)

22. *Istoriya Kryma: v 2 e.* [History of Crimea: in 2 books] / *otv. red. A.V. Yurasov* [Ed. A.V. Yurasov.]. Moscow: *Kuchkovo pole*, 2018. T. 1. 600 p. (In Russian)

23. *Kemal' Ya. Arabs'kiĭ sufiĭs'kiĭ rukopis XIII viku, v Krimu znaideniĭ i chi ne v Krimu ĭ pisaniĭ* [Arabian Sufi manuscript of the XIII century, in the Crimea were found and were they not written in the Crimea] *Studii z Krimu. I–IX* / *red.: A.E. Krims'kiĭ* [Studios from Crimea. I–IX / ed.: A.E. Krims'kiĭ]. K., 1930. Pp. 159–168. (In Russian)

24. *Konovalova I.G. Vostochnaya Yevropa v sochinenii al-Idrisi* [Eastern Europe in the composition of al-Idrisi]. Moscow, 1999. 254 p. (In Russian)

25. *Kramarovskii M.G. Solkhat-Krym: k voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv.* [Solkhat-Crimea: on the population and topography of the city in the XIII–

XIV centuries] V: Smirnova G.I. (nauch. red.). Itogi rabot arkhelogicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha: Sbornik nauchnykh trudov [In: Smirnova G.I. (scientific ed.). Results of work of the archaeological expeditions of the State Hermitage: Collection of scientific papers]. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh [State Hermitage], 1989. Pp. 141–157. (In Russian)

26. Kramarovskiy M.G. Issledovaniya srednevekovogo Solkhata [Research of the medieval Solkhat]. Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu v 1993 g. [Archaeological research in Crimea in 1993–1994]. 1994. Pp. 163–166. (In Russian)

27. Kramarovskiy M.G. Gulanshoro i Solkhat. Naseleniye zolotoordynskogo goroda po rezul'tatam raskopok 1994–1996 gg. i kladovym materialam [Gulanshoro and Solkhat. The population of the Golden Horde city according to the results of excavations in 1994–1996 and storage of materials]. Otchetnaya arkhelogicheskaya sessiya za 1996 god (Gosudarstvennyi Ermitazh). Tezisy dokladov [Reporting archaeological session for 1996 (State Hermitage). Abstracts of reports]. St. Petersburg, 1997. Pp. 30–37. (In Russian)

28. Kramarovskiy M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XIV vv. [Jochids and Crimea: of the XIII–XIV centuries] Materialy po arkhologii istorii i etnografii Tavrii. Vypusk 10 [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria. Issue 10]. Simferopol, 2003. Pp. 506–532. (In Russian)

29. Kramarovskii M. G. Redkaya sel'dzhukskaya (?) lampa XII – nachala XIII v. iz prigoroda Solkhata [Rare Seljuk (?) Lamp of the XII – early XIII century. from the suburb of Solkhat]. Antichnaya drevnost' i sredniye veka (sbornik dokladov). Vypusk 39. K 60-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora V. P. Stepanenko [Antiquity and the Middle Ages (collection of reports). Issue 39. To the 60th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor V. P. Stepanenko]. Ekaterinburg, 2009. Pp. 301–313. (In Russian)

30. Kramarovskiy M.G. Krym i Rum v XIII–XIV stoletiyakh (anatoliyskaya diaspora i gorodskaya kul'tura Solkhata) [Crimea and Rum in the XIII–XIV centuries (Anatolian diaspora and the urban culture of Solkhat)] Zolotoordynskoye obozreniye [Golden Horde Review]. № 1, 2016, pp. 55–89. (In Russian)

31. Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti: teksty i issledovaniya [Monuments of ancient Türkic writing: texts and research]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 452 p. (In Russian)

32. Mirgaleyev Il'nur. Abu Bakr Kalandar Rumi. Kto on? [Abu Bakr Qalandar Rumi. Who is he?]. Krymskoye istoricheskoye obozreniye [Crimean Historical Review], №1. Kazan–Bakhchisaray, 2014. Pp. 41–45. (In Russian)

33. Myts V.L. Kaffa i Feodoro. Kontakty i konflikty [Kaffa and Theodoro. Contacts and conflicts]. Simferopol: Universum, 2009. 528 p. (In Russian)

34. Pletneva S.A. Polovetskiye kamennyye izvayaniya [Polovtsian stone statues] Svod arkhelogicheskikh istochnikov [The collection of archaeological sources]. 1974, Issue 142. 198 p. (In Russian)

35. Pletneva S.A. Polovtsy [Polovtsi]. Moscow: Nauka, 1990a. 208 p. (In Russian)

36. Puteshestviye v vostochnyye strany Plano Karpini i Rubruka [Travel to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk]. Almaty: Gylym, 1993. 246 p. (In Russian)

37. Sidorenko V.A. Monetnoye proizvodstvo zolotoordynskogo Kryma [Coin production of the Golden Horde Crimea] Problemy istorii Kryma. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii. Ch. 1. [Problems of the history of Crimea. Abstracts of the scientific conference. Part 1.] Simferopol', 1991. Pp. 46–48. (In Russian)

38. Sidorenko V.A. Monetnaya chekanka Krymskogo khanstva (1442–1475) [Coinage of the Crimean Khanate (1442–1475)]. Simferopol: Biznes-Inform, 2016. 384 p. (In Russian)

39. Skrzhinskaya E.CH. Venetsianskiy posol v Zolotoy Orde (po nadgrobiyu Yakopo Koronaro, 1362 g.) [Venetian ambassador to the Golden Horde (after the tombstone of Jacopo Coronaro, 1362)] Vizantiyskiy vremennik [Byzantine time book]. 1973. Vol. 35, pp. 103–118. (In Russian)

40. Tizengauzen V.T. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. T. 1. [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. T. 1]. Akad. nauk SSSR, In-t vostokovedeniya [Acad. Sciences of the USSR, Institute of Oriental Studies]. Moscow-Leningrad: Academy of sciences of the USSR Publ. [Acad. Sciences of the USSR, Institute of Oriental Studies], 1941. 308 p. (In Russian)

41. Utemish-khadzhi. Chingiz-name [Chingiz-name] perevod i primechaniya V.P. Yudina; kommentarii: M.Kh. Abuseitovoy [translation and notes by V.P. Yudin; comments: M.Kh. Abuseitova]. Alma-Ata, 1992. 296 p. (In Russian)

42. Fedorov-Davydov G.A. Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov yevraziyskikh stepey i zolotoordynskikh gorodov [The art of nomads and the Golden Horde. Essays on the culture and art of the peoples of the Eurasian steppes and Golden Horde cities]. Moscow, 1976. 228 p. (In Russian)

43. Fedorov-Davydov G.A. Zolotoordynskiye goroda Povolzh'ya [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow: Moscow University Press], 1994. 229 p. (In Russian)

44. Kheller K. Zolotaya Orda i trgovlya s Zapadom [Golden Horde and trade with the West] Istochnikovedcheskiye istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556 [Source history of Ulus Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan, 2002. Pp. 111–128. (In Russian)

45. Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nyye oblasti (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka) [Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the works of a Turkish traveler of the 17th century)]. Izd. 2-e, ispravlennoye i dopolnennoye [Ed. 2-e, corrected and supplemented]. Simferopol: publishing house "DOYA", 2008. 272 p. (In Russian)

46. Yakubovskiy A.YU. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak. Polovtsev i russkikh v nachale XIII v. [Ibn-al-Bibi's story about the campaign of the Asia Minor Turks to Sudak. Polovtsev and Russians at the beginning of the XIII century]. [Byzantine timeline] 1927. Vol. 25, pp. 53–77. (In Russian)

47. Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260–1281. Cambridge University Press, 1995. 263 p.

48. Bursalı M.T. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Mü'ellifleri Haz.: Mehmet Sarı. Ankara, 1990. 73 s. (In Turkish)

49. Fazhoğlu İ. Altın-Orda Ülkesi'nde İlk Matematik Kitabı: Hesap Biliminde Şaheser [et-Tuhfe fi ilmi'l-hisâb] Teoman Duralı'ya Armağan [Bir Felsefe-Bilim Çağırısı]. İstanbul, 2008. S. 224–259. (In Turkish)

50. Gölpınarlı Abdülbaki. İslam ve Türk illerinde fütüvvet teşkilatı ve kaynakları. İstanbul: İsmail Akgün Matbaası, 1952. 90 s. (In Turkish)
51. Hocendi // İslâm âlimleri Ansiklopedisi. İstanbul, t/s. S. 96. (In Turkish)
52. Kırmırlı. Yusuf ile Züleyha Haz.: İ.H. Ertaylan. İstanbul., 1960. 21 s. (In Turkish)
53. Özel A. Bezzazi İslâm Ansiklopedisi. C. 12. İstanbul., 1992. S. 113–114. (In Turkish)
54. Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt: II. Ankara, 1996. 1224 s. (In Turkish)
55. Şerafeddin. Kırımdan yetişen türk alimleri. Haz.: İsmail Akçay // Emel. Sayı: 203. 1994 (Temmuz–Ağustos). S. 14–15. (In Turkish)
56. Taneri A. Hüsâmeddin Çoban. İslâm Ansiklopedisi. İst., 1998. S. 513. (In Turkish)
57. Vasiliev A.A. The Goth in The Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
58. Witek P. Yazıjioglu Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XIV. Part 3. 1952. Pp. 639–668.
59. Yuvalı A. İbn Arabşah, Şehabeddin / İslam Ansiklopedisi. İstanbul., 1999. S. 314–315. (In Turkish)

About the author: Ismet A. Zaatov – Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Art history), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebny lane, 8, Simferopol, Russian Federation); zaatov@gmail.com

Музыкальные инструменты крымских татар в собрании Бахчисарайского музея-заповедника

Севиля Велиева

*Бахчисарайский историко-культурный
и археологический музей-заповедник*

Аннотация. В статье подробно рассмотрены музыкальные инструменты крымских татар, которые представлены в собрании Бахчисарайского музея-заповедника и интересны для изучения музыкальной культуры в целом.

История формирования коллекции музыкальных инструментов связана с созданием Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. В 1920–30-е гг. сотрудниками учреждения было собрано большое количество предметов старины, в том числе и музыкальные инструменты.

В научных работах, посвященных музыке крымскотатарского народа, исследователи в основном обращали внимание на песни, мелодии и частично упоминали о традиционных инструментах. В настоящей работе предполагается изучение вопросов комплектования, каталогизации, классификации музыкальных инструментов, а также определение характерных особенностей данных предметов.

Исследование будет актуально для дальнейшего использования в создании экспозиций, экскурсионных рассказов, возможно, также в воссоздании народных инструментов и игре на них.

Ключевые слова: музыкальные инструменты, крымские татары, культура, Бахчисарайский музей-заповедник, коллекция

Для цитирования: *Велиева С.С.* Музыкальные инструменты крымских татар в собрании Бахчисарайского музея-заповедника // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 147–161. DOI: 10.22378/kio.2023.1.147-161.

Музыка крымских татар, как и каждого народа самобытна и многообразна. Ее неповторимую красоту и колорит лучше всего передает исполнение народных мелодий на старинных музыкальных инструментах.

Интерес к музыкальному инструментарию и традиционной музыкальной культуре крымских татар проявляется в период существования Крым-

ского ханства. Самая ранняя информация о музыкальных инструментах крымских татар встречается в описаниях средневековых путешественников и личностей, приближенных к ханскому двору. Много упоминаний о музыкальных инструментах встречаются в период правления Сахиб Герая (1532–1551 г.п.). В хронике XVI в. Реммала Ходжи «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае») упоминаются военные музыкальные инструменты – давул и зурна [1, с. 149], под звуки которых воины отправились в поход на Кабарду [1, с. 158]. Во время сражения с черкесами на реке Бельх при отступлении противника хан Сахиб Герай *«повелел дабы зазвучали зурна и трубы бору»* [1, с. 163]. Звуки *«кифар, цимбал, кастаньет, песнопений...»* упоминаются в трактате дипломата Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» XVI в. [14, с. 80]. Османский путешественник Эвлия Челеби в XVII в. «Книге путешествий», писал об исполнении в Ханском дворце песен в музыкальном сопровождении на сазах, бубнах и барабанах, цимбалах, чангах и ребабах [27, с. 118].

Путешественники и исследователи конца XVIII–XIX вв. наряду с описанием музыкальных инструментов, дают характеристику музыке и танцам крымских татар, исходя из региона их проживания. Побывавший в Бахчисарае в 1799 г. и в 1801–1802 гг. П.И. Сумароков упоминал о бубне, на котором играли на свадьбах [22, с. 149]. Английская путешественница Мэри Холдернес, которая проживала в Крыму в 1815–1817 гг., дала информацию о волынке, дудке и барабане [25, с. 205]. М. М. Дмитриевский в XIX в. оставил воспоминания о песенном репертуаре, музыкальных инструментах и танцах крымских татар феодосийского региона [5, с. 221]. Швейцарский ученый Дюбуа де Монпере, посетивший Крым в XIX в. описал впечатления от игры крымскотатарского оркестра на музыкальных инструментах, оценил мастерство барабанщика, отметив, что он был *«отличным артистом в своем роде, столько умения он вкладывал в свои рулады на инструменте»* [8, с. 74]. Этнограф Г.И. Радде оставил сведения о музыке степных татар, сосредоточенную в дудке и большом барабане, восхищенно отзываясь об игре пастуха на свирели [21, с. 38]. Краевед В.Х. Кондараки описывая игру пастуха, отметил, что когда пастух брал тулуп-зурну или другую дудку и начинал играть мелодию чобан-авасы, то охотно танцевали как молодые, так и старики [15, с. 101]. Исследователь А.Н. Демидов, снарядивший научную экспедицию на Юг России и в Крым, путешествуя по Бахчисараю, упоминал игру крымских цыган на скрипках и турецких барабанах [20, с.149]. Писатель, крымоведа Е.В. Марков в «Очерках Крыма» делится впечатлениями о пастухе, игравшем на волынке: *«Играл мастер своего дела, и игра меня поразила. Таковую близость поэтически-настроенной души к инструменту, выражающему это настроение, редко найдешь в другом инструменте»* [19, с. 243]. Художник, этнограф Вильгельм Кизе-

веттер не только описывал музыкальные инструменты, но и зарисовывал их: «Празднование свадьбы у крымских татар», «Процессия с одеждами невесты на татарской свадьбе», «Борцовский поединок на татарской свадьбе», «Встреча невесты на татарской свадьбе» [26, с. 51, 53, 57, 59].

Интерес к музыкальным инструментам крымских татар отмечен и в трудах исследователей XIX–XX вв.: Ф.М. Домбровского, П. Дьяченко, Ф.А. Федорова [6, 7, 24]. Как писал Ф.А. Федоров: *«Даул, зурна, скрипка, даре – вот инструменты, из которых составляется национальный татарский оркестр. Даул – барабан; зурна – самый пискливый, пронзительный инструмент, нечто вроде рожка, даре – бубен. Ни одна свадьба, ни одно пирушество (зияфет) не может состояться без этой музыки или по крайней мере даула и пары визгливых зурн»* [24, с. 76]. На свадьбах, пирующие садились вокруг столов на коврах или циновках, поджав ноги, а у дверей располагался оркестр: обычно трехструнная скрипка (кимане), бубен (даре), толombас (даул) и род маленького рожка (зурна) [7, с. 434]. Зурны и огромные барабаны, скрипки играли очень громко и оглушали все вокруг [6, с. 405].

Значительный вклад в дело изучения и издания крымскотатарских песен внесли композиторы и музыканты: Асан Рефатов, Яя Шерфединов, Ильяс Бахшиш, Абибулла Каври, Февзи Алиев, Джемил Кариков и другие [18].

В сборник музыканта, композитора, собирателя народной музыки Я. Шерфединова «Звучи хайтарма» вошли более 300 народных песен, а также подробное описание и рисунки крымскотатарских народных инструментов [28]. Композитор, певец и музыкант Ф.М. Алиев собрал не только народные песни, мелодии, но также описал и музыкальные инструменты. Одним из фундаментальных трудов автора является «Антология крымской народной музыки» (2001 г.). Данный сборник включает музыкальный фольклор крымских татар, крымчаков, караимов, крымских цыган, крымской диаспоры Румынии и Турции и другие материалы. Этот труд имеет важное значение для изучения крымской музыкальной культуры [2]. Композитор и исполнитель Дж.Э. Кариков занимается проблемами средневековой крымскотатарской музыки. В сборнике «Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода» представлены произведения хана Газы II Герая (1588–1596, 1596–1607 г.п.) [17].

Из современных исследователей, внесших вклад в изучение музыкальной культуры крымских татар, нужно отметить И. А. Заатова, который подробно изучил и изложил процесс зарождения, становления и формирования крымскотатарской музыкальной культуры, осветил некоторые особенности истории развития музыкальной культуры крымскотатарского народа в период существования Крымского ханства [11], собрал источниковедче-

ский и библиографический материал музыкальной культуры крымских татар с древнейших времен до наших дней [12].

Следует также отметить небольшие исследования. Так, статья М.В. Есиповой посвящена утратившему бытование музыкальному инструментарию народа [9], С.Р. Изидиновой – анализу музыки крымских татар [13]. К сожалению, еще много областей традиционной музыкальной культуры крымских татар остаются недостаточно изученными.

На сегодняшний день известно, что традиционными инструментами музыкального сопровождения крымских татар являются зурна, тулуп-зурна, къавал, даре, сантыр, давул и саз. Это наиболее ранние инструменты. В период Крымского ханства давул и зурна были инструментами военного оркестра. При совместной игре они создавали оглушительное звучание.

Ансамбль, состоявший из двух зурн и одного барабана давул, назывался давулджылар. Как правило, одна зурна играла соло, а вторая сопровождала его. На праздниках обязательно была слышна *«музыка, состоящая из двух скрипок с бубнами и огромного барабана с зурнами»* [16, с. 52]. Таким ансамблем чаще всего исполнялись танцевальные и торжественные мелодии долу. «Ансамбль нежных инструментов» состоял в основном из саза, сантыра, даре и думбелека [23, с. 325].

К более поздним инструментам, получившим распространение у крымских татар в конце XIX в., относятся – скрипка (кемане), труба, кларнет, аккардеон [9, с. 149].

В Бахчисарайском музее-заповеднике представлено 25 музыкальных инструментов. Крымскотатарский музыкальный инструментарий, собранный в стенах музея-заповедника до сих пор оставался не исследованным. Первые предметы были собраны У.А. Боданинским после открытия Музея тюрко-татарской культуры на базе Ханского дворца. Шестнадцать из них связаны с этнографией крымских татар, один инструмент из Туркестана, четыре – из Артиллерийского музея (г. Санкт-Петербург), три – из личной коллекции Попченко М.А. 1920–1960-х гг., один принадлежал жителю г. Бахчисарай.

Предметы, переданные из Артиллерийского музея в 1951 г., являются ударными музыкальными инструментами. Это два барабана и две литавры XVIII–XIX вв., которые использовались во время боевых действий¹. Струнные щипковые музыкальные инструменты из коллекции Попченко М.А. поступили в музей в 2021 г. Это две мандолины и одна домра

¹ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 2520-О 201; КП 2521-О 202; КП 2522-О 203; КП 2523-О 204.

1920–60-х гг.² Одна мандолина была найдена в старом крымскотатарском доме в Бахчисарае³.

Оригинальные названия, интересные сведения о времени и способе поступления можно почерпнуть в Инвентарных книгах довоенного периода Бахчисарайского музея-заповедника⁴.

Процесс атрибуции и сверки данных о предмете – достаточно кропотливая работа, так как информация содержится в инвентарных книгах разных времен: инвентарная книга довоенного периода (1920–1930 гг.), «промежуточная» инвентарная книга (1945 г.), современные инвентарные книги. При проведении сверки было выяснено, что в инвентарных книгах после 1945 г. аутентичные названия некоторых музыкальных инструментов уже отсутствовали⁵ [29, с. 224]. Например: в современной инвентарной картотеке название отмечено как «барабан», а в инвентарной книге 1920–30-х гг. как «давул».

Все инструменты из собрания Бахчисарайского музея-заповедника классифицированы на несколько групп: щипковые (сантыр, саз), духовые (тулуп-зурна, зурна, кавал), ударные (даре, давул).

Основную группу коллекции музыкальных инструментов крымских татар, хранящихся в музее, составляют духовые инструменты (тулуп-зурна, зурна, къавал).

Къавал – свистковая дудка, свирель длиной 25–30 см, изготавливается из разных пород дерева. Канал ствола цилиндрический. У къавала клювовидная головка со свистковым отверстием, на лицевой стороне шесть или семь отверстий, а на нижней – еще одно. Объем зависит от длины ствола и числа отверстий [28, с. 9].

Шесть къавалов представлено в музее. Один из них изготовлен болгарскими мастерами и датируется XIX в. Длиной 75 см был приобретен в 1870 г. у Костандова Кирилла Филипповича, в с. Байково, Болгария⁶. В 1930 г. у Абибуллы Халилия в деревне Керменчик (с. Высокое, Бахчисарайского р-на) были приобретены четыре свирели крымской работы XIX в.⁷ Среди них интересным образцом является свирель с оригиналь-

² Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 13820-КДК 373; КП 13821-КДК 374; КП 13822-КДК 375.

³ Там же. КП 13728-КДК 372.

⁴ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4; Ф.16, оп.1, д. 5; Ф. 16, оп. 1, д. 12; Ф. 16, оп. 1, д. 13.

⁵ Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 2; Ф. 16, оп. 1, д. 3.

⁶ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 11230-КДК 324; Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 5, л. 173.

⁷ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1232-КДК 88; Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 5, л. 103.

ным названием тилсиз-кавал (тильсиз – тихий, молчаливый)⁸. Къавал, обнаруженный при сверке в 2010 г., возможно, тоже относится к довоенным поступлениям. Информация о месте и времени изготовления, приобретения отсутствует⁹.

Къавал и тулуп-зурна относились к пастушеским инструментам.

Тулуп-зурна (волынка) – древний музыкальный инструмент, распространенный во многих странах мира. Различные разновидности волынок существуют у многих народов: у болгар и гагаузов – это гайда, арабов – гайта, армян – паркапзук, турков и азербайджанцев – тулум, крымских татар – тулуп-зурна. Меха тулуп-зурны изготавливали из цельной овечьей или козьей шкуры длиной 60 см. В меха вставлялись тонкие деревянные трубочки с 6–10 дырочками для пальцев [10, с. 61]. Во время игры меха держали под мышкой. Играли на тулуп-зурне в основном пастухи – чобаны [28, с. 8]. В первой половине XX века вместе с угасанием понятия «чобан» стал исчезать и этот инструмент. *«Яркий образ чабана, в одиночестве годами пасшего свои стада на Яйле, почти отошел в область преданий. Исчезают из обихода их музыкальные инструменты тулуп-зурна и хавал...»* [4, с. 86].

Тулуп-зурна из бараньей кожи, представленная в фондовой коллекции музея, была куплена за 10 рублей в селе Улаклы (Глубокий Яр) у пастуха Джафера Мамута в 1929 г.¹⁰

В Бахчисарайском музее-заповеднике имеются четыре зурны: две – XX в. подаренные в 1991 г. Мурадасил Толели из Нью-Йорка, изготовленные в Турции¹¹. Две – XIX в., относящиеся к довоенным поступлениям, оригинальное название которых «боразан»¹². Зурна турецкой работы была приобретена за 40 рублей у музыканта Махмуда (Мамута) Халилия (1880 г. рождения) из квартала Ак-Каш из Бахчисарая¹³. Зурна – духовой инструмент, изготавливаемый из абрикосового или тутового дерева. Длинной около 37 см, ствол конический, представляет собой деревянную трубку с большим раструбом. На верхней стороне семь игровых отверстий, а на тыльной – одно. В верхний конец ствола вставляют деревянную втулку с вилкой. Оба конца вилки доходят до уровня третьего отверстия, чем и достигается

⁸ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1235-КДК 91; Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 5, л. 103.

⁹ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ, КП 11231-КДК 325.

¹⁰ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1242-КДК 98; Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 83; Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 116.

¹¹ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 8825-КДК 294; КП 8826-КДК 295.

¹² Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1239-КДК 95; КП 1240-КДК 96.

¹³ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 207; Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 118.

дополнительная подстройка зурны. Крымская зурна имеет большой рас-труб [28, с. 8]. Зурна распространена на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе, Индии, Малой Азии, Балканах, Средней Азии.

В группу ударных инструментов входят давул и даре.

Чубукълы давул (чубукълы с крым. тат. – «с прутьями») – барабан¹⁴. Остов из орехового дерева. Этот инструмент приобретен за 60 рублей у того же Махмуда (Мамута) Халилия в Бахчисарае¹⁵. По давулу бьют специальной деревянной колотушкой чокъмар. Различают два вида: давул (правой рукой бьют колотушкой, а левой – медной тарелкой) и чубукълы давул (правой рукой бьют колотушкой, левой – тонкой тростью). Мембраны давула делали из дубленой телячьей кожи, натянутой с двух сторон скрещивающимися решетками. По правой стороне били деревянной колотушкой чокъмар, подчеркивая сильную долю такта, а по левой – прутом, выбивая мелкие ритмические длительности. Правая сторона настраивалась ниже, чем левая. К давулу прикреплен широкий ремешок длиной примерно в один метр. Подвешивая инструмент через правое плечо, музыкант играл на нем стоя [28, с. 11].

Старинный даре XVIII в. с перламутровой и костяной инкрустацией, с небольшими колокольчиками и медными кольцами, приобретен за 40 рублей у бахчисарайского музыканта Асана Чауша из квартала Хаджи-Кокей № 38 в 1929 г.¹⁶ Даре известен у многих народов. В Армении и Иране распространен под названием даф, Грузии – дайра, Узбекистане и Таджикистане – дойра, Молдавии – дайря, Азербайджане – дяф, гавал. Даре – бубен, представляющий деревянный обод, на который натянута мембрана из козьей, бараньей или рыбьей кожи. На круглой, узкой обечайке имеются полосы, к которым прикрепляют бряцающие медные тарелочки. Если даре держать между большим и указательным пальцами левой руки, ударяя в центр мембраны, то звук получается более низкий, глухой. Если на кончике большого пальца правой руки около самой обечайки, то звук – высокий, звонкий. При игре применяют следующие удары: всеми пальцами вместе, раздельно и с щелчком мизинца. Также используется прием скольжения безымянным или большим пальцами по мембране [28, с.10]. Игра на даре – это искусство, требующее большой виртуозности при исполнении мелодии. В Крыму без бубна не обходилось ни одно собрание молодежи, его звуки разносились в кофейнях, он являлся одним из основных инструментов на свадебных торжествах, национальных праздниках крымскотатарско-

¹⁴ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1243-КДК 99.

¹⁵ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 206; Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 118.

¹⁶ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1236-КДК 92; Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 82; Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 116.

го народа. Бубен без медных дисков называется зильсиз даре, с дисками – зилли даре.

К щипковым инструментам относятся саз и сантыр.

Наиболее ранним инструментом в фондовой коллекции является саз с длинным и тонким грифом, который датируется XVI в.¹⁷ Был приобретен он у жителя д. Ай-Серез (с. Междуречье Судакского р-на) Абдуля Гамита за 15 рублей, во время научной экспедиции 1925 г. в длину более 110 см¹⁸. Интерес также представляет саз, инкрустированный перламутром и белой костью, корпус которого выполнен из соснового дерева, небольшой по размерам (70 см)¹⁹. Был куплен у жителя г. Бахчисарая Исмаила Темиркая в 1930 г., ему досталось от князя Мамуд бей Кунталова в 1865 г.²⁰ В инвентарной книге 1920-х гг. этот предмет записан под названием багълама. В крымскотатарском языке слово «багълама» переводится как припев песни²¹. Щипковый музыкальный инструмент саз изготавливается из орехового или тутового дерева. Саз бывает цельный, долбленный или склеенный из отдельных клепок. Шейка саза – прямая, с тыльной стороны округленная. В головку, являющуюся прямым продолжением шейки, вставляются деревянные колки. Играют на сазе плектром, сделанным из коры вишневого дерева, зашпиывая все струны одновременно, что создает постоянно гармонический фон. Звук чистый, звонкий и вместе с тем мягкий [28, с. 11–12]. На нем зачастую играли исполнители исторических сказаний и лирических песен о любви – ашыки. С помощью саза поэты выражали свои чувства, переживания: радость, печаль, любовь.

Следующим популярным у крымских татар музыкальным инструментом является сантыр, известный под разными названиями во многих странах мира. В Эстонии – каннел, Латвии – коклес, Белоруссии, Молдавии – цимбалы, Узбекистане, Таджикистане – чанг, Иране – сантур. Существуют и другие разновидности его названия. В Бахчисарайском музее-заповеднике представлен сантыр, некогда приобретенный в Бахчисарае у

¹⁷ Там же. КП 1238-КДК 94.

¹⁸ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 104; Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 50–51.

¹⁹ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1247-КДК 103.

²⁰ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 5, л. 82; Ф. 16, оп. 1, д. 13, л. 50.

²¹ Интересно, что в Турции сазом называют два сходных инструмента: «багълама» (bağlama, baglama) и «джура» (cura). Разница в том, что первый – большой саз с 7 струнами (две парных струны и одна тройная), а второй – маленький саз с 6 струнами (три парных струны).

известного музыканта, народного учителя Мамута Рефатова за 85 рублей²². Автор работы Абдулла уста, мастер XIX в., изготовил его из орехового дерева и сосны²³.

Сантыр представляет собой деревянный плоский трапециевидной формы инструмент. Длина оснований составляет 75 и 80 см, ширина – 37 см. В деке инструмента имеются специальные резонаторные отверстия, они могут располагаться, как звездообразно (одно – круглое, большое, другие вокруг него – мелкие), так и спереди, по бокам. Струны же сделаны из металла, натягиваются над декой параллельно основаниям трапеции и крепятся одним концом к штифам, другим – к металлическим колкам. Звук извлекают, ударяя по струнам двумя легкими деревянными палочками со слегка загнутыми вверх концами, на которые прикрепляют кусочки дубленой бараньей кожи. При игре инструмент кладут на колени или на стол в горизонтальном положении [28, с. 10–11]. Так как на сантыре играют двумя легкими молоточками, то он считается как струнным, так и ударным инструментом.

Также интересна история поступления в Музей-заповедник такого музыкального инструмента, как мандолина²⁴. Этот струнный щипковый музыкальный инструмент был передан в 2018 г. Корпус дна состоит из изогнутых деревянных планок (клепок), с колковым механизмом их 8 колоков. Владелец – Ислямов Энвер Решатович. Предмет был найден им в старом крымскотатарском доме г. Бахчисарай. Можно сделать выводы, что этот музыкальный предмет принадлежал крымским татарам и был оставлен владельцами, когда их депортировали в 1944 г.

В музыкальной культуре крымских татар используются не только традиционные музыкальные инструменты, но и инструменты иностранного происхождения, такие как: кларнет, труба, фисгармоника, мандолина и др. Известно, что более активный переход к исполнению произведений на европейских музыкальных инструментах наблюдается в конце XIX в. [23, с. 326]. Например, мандолина стала популярной у музыкантов с начала XX в.

Подводя итоги, следует отметить, что большинство предметов из фондового собрания ГБУ РК БИКАМЗ относятся к довоенным поступлениям, из них основная часть была приобретена у музыкантов XIX–XX вв. Вероятно, эти музыкальные инструменты звучали на свадьбах и праздничных мероприятиях минувших столетий. Некоторые из них, датирующиеся XVI–XVII вв., восходят к периоду Крымского ханства. Рассмотренный нами ма-

²² Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 1244-КДК 100; Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 117.

²³ Там же. Ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 207.

²⁴ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 11231-КДК 325.

териал – лишь часть исследования всей коллекции музыкальных инструментов из фондов Бахчисарайского музея-заповедника. Эти и другие вопросы являются темой для дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 3 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 147–174.

2. Алиев Ф.М. Антология крымской народной музыки. Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф.М. Алиев. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое гос. издательство, 2001. 600 с.

3. Атлас музыкальных инструментов народов СССР // К. Вертков, Г. Благодатов, Э. Язовицкая. М., 1963. 276 с.

4. Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / Авт.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: издательство «Доля», 2005. С. 82–126.

5. Дмитриевский М. Картина или краткое описание татар и других народов в Таврии живущих... // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 208–221.

6. Домбровский Ф.М. О крымско-татарском способе уборки хлеба. заметка о крымско-татарском способе уборки сена. Очерк хозяйственного быта татар степной полосы Крыма. О разведении верблюдов в Крыму. Татарская свадьба. Мюгюры-шериф и правила Али Хезрети-Умера // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 389–420.

7. Дьяченко П. Свадебные обряды крымских татар // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 431–446.

8. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, Грузию, Армению и в Крым. В 6-ти т. Париж, 1843: Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

9. Есипова М.В. Крымскотатарский музыкальный инструментарий в контексте музыкальных культур исламской Азии и культур окружающих народов // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 146–166.

10. Желтухина О.А. Крымские татары в XIX – начале XX вв.: Путеводитель по этнографическому отделу. Симферополь: Домино, 2003. 68 с.

11. Заатов И.А. Музыкальная культура крымских татар // История крымских татар в 5-ти томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 761–768.

12. Заатов И.А. Очерки истории крымскотатарской музыкальной культуры и сценического искусства (генезис, эволюция, современное состояние). Том I. историография, источниковедческая база, библиография. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019. 352 с.

13. Изидинова С.Р. О национальной музыке крымских татар. Севастополь, 1995. 48 с.

14. Литвин М. Трактат о нравах татар, литовцев и москвитян // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 72–97.

15. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Санкт-Петербург, 1875. Часть 9. 106 с.

16. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Санкт-Петербург, 1875. Часть 12. 90 с.

17. Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода: монография / ред. Д. Кариков. Симферополь: Доля, 2007. 96 с.

18. Курбединова Л.Т. Тенденции жанрового развития в произведениях крымскотатарских композиторов XX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1(103). С. 131–136.

19. Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни истории и природы. Симферополь; Москва: Таврия: Культура, 1994. 544 с.

20. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н.В.Гоголя). Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 328 с.

21. Радде Г.И. Крымские татары / Вступительная статья, общая редакция и комментарии Г. Бекировой. К.: ИД «Стилос», 2008. 112 с.

22. Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду по Высочайшему повелению: в 2 ч. Ч. 1 / П.И. Сумароков. Санкт-Петербург: Печатано в Императорской типографии, 1803–1805. 226 с.

23. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М.: Наука, 2003. 459 с.

24. Федоров Ф.А. Крым, с Севастополем, Балаклавой и другими его городами : С описанием рек, озер, гор и долин; с его историей, жителями, их нравами и образом жизни. СПб.: издание Кораблева и Сирякова, в типографии Эдуарда Веймара, 1855 г. 191 с.

25. Холдернес Мэри. Замечания о крымских татарах // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть первая. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 204–207.

26. Художник и этнограф Вильгельм Кизеветтер (1811–1865) в Крыму / Под ред. Б. Каульбах, Э. Титмайер. Киев: ВІК, 2005. 130 с.

27. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е.В. Бахревского; Историко-археологический фонд «Наследие тысячелетий». Изд. 2-е, исправл. и доп. Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 272 с.

28. Шерфединов Я.Ш. Звучи хайтарма. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1990. 231 с.

29. Эминов Р.Р. Бахчисарайский дворец-музей: История создания и формирования коллекций (1917–1945) / отв. ред. И.В. Зайцев. М.: Фонд «Связь Эпох», 2017. 368 с.

Сведения об авторе: Велиева Севиля Серверовна – старший научный сотрудник ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (298405, ул. Речная, 133, Бахчисарай, Российская Федерация); vsevila83@gmail.com

Musical instruments of the Crimean Tatars in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve

Sevilya Velieva

Bakhchisarai historical, cultural and archaeological museum-preserve

Abstract. The article gives a detailed description of the musical instruments of the Crimean Tatars, which are presented in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve and are interesting for studying musical culture in general.

The history of formation of the collection of musical instruments is connected with the creation of the Museum of Turkic-Tatar Culture in Bakhchisarai. In the 1920s and 30s, the staff of the institution collected a large number of antiquities, including musical instruments.

In scientific works devoted to the music of the Crimean Tatar people, researchers mainly paid attention to the songs, melodies and partially mentioned traditional instruments. In this work, it is assumed to study the issues of acquisition, cataloging, classification of musical instruments, as well as determining the characteristic features of these items.

The research will be relevant for further use in creating expositions, excursion stories, possibly also in recreating folk instruments and playing them.

Keywords: musical instruments, Crimean Tatars, culture, Bakhchisarai Museum-reserve, collection

For citation: Veliyeva S.S. Musical instruments of the Crimean Tatars in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2023, no. 1, pp. 147–161. DOI: 10.22378/kio.2023.1.147-161 (In Russian)

REFERENCES

1. Abduzhemilev R.R. Remmal' Hodzha. *Hronika "Tarih-i Sahib Geraj han" ("Istoriya o hane Sahib Gerae")* [Remmal Khoja. The chronicle "Tarikh-i Sahib Giray Khan" ("The story of Khan Sahib Giray")]. Part 3. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie—Crimean Historical Review*. 2019. No. 1, pp. 147–174. (In Russian)
2. Aliyev F.M. *Antologiya krymskoy narodnoy muzyki. K"yrym khalk" muzykasyn-yn" antologiyasy* [Anthology of Crimean folk music. Kyrim khalk muzykasyn anthologies]. Simferopol: Crimean Educational and Pedagogical State Publishing House, 2001. 600 s. (In Russian)
3. *Atlas muzykal'nykh instrumentov narodov SSSR* [Atlas of musical instruments of the peoples of the USSR]. Comp. by K. Vertkov, G. Blagodatov, E. Yazovitskaya. Moscow, 1963. 276 p. (In Russian)
4. Bonch-Osmolovsky G.A. *Krymskie tatory* [Crimean Tatars]. *Krymskie tatory: Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture* [Crimean Tatars: A textbook on ethnic history and traditional culture]. Author-comp. M.A. Aragioni, A.G. Herzen. Simferopol: publishing house "Dolya", 2005. Pp. 82–126. (In Russian)
5. Dmitrievsky M. *Kartina ili kratkoe opisaniye tatar i drugikh narodov v Tavrii zhivushchikh...* [A picture or a brief description of the Tatars and other peoples living in Tavria ...]. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma. Chast' pervaya. Musul'mane: krymskie tatory, krymskie tsygane* [A textbook on the ethnic history and traditional culture of the old-timers of the Crimean population. Part one. Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. Ed.-comp. M.A. Aragioni, A. G. Herzen. Simferopol: Tavria-Plus, 2004. Pp. 208–221. (In Russian)
6. Dombrovsky F.M. *O krymsko-tatarskom sposobe uborki khleba. zametka o krymsko-tatarskom sposobe uborki sena. Ocherk khozyaystvennogo byta tatar stepnoy polosy Kryma. O razvedenii verblyudov v Krymu. Tatarskaya svad'ba. Myuguryu-sherifi pravila Ali Khezreti-Umera* [About the Crimean Tatar method of harvesting bread. A note about the Crimean Tatar method of harvesting hay. An essay on the economic life of the Tatars of the steppe strip of the Crimea. About camel breeding in the Crimea. Tatar wedding. Mugury-sheriff and rules Ali Hazret-Died a]. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma. Chast' pervaya. Musul'mane: krymskie tatory, krymskie tsygane* [Anthology on ethnic history and traditional culture of the old-timers of the population of Crimea. Part one. Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. Ed.-comp. M.A. Aragioni, A. G. Herzen. Simferopol: Tavria-Plus, 2004. Pp. 389–420. (In Russian)
7. Dyachenko P. *Svadebnye obryady krymskikh tatar* [Wedding rites of the Crimean Tatars]. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma. Chast' pervaya. Musul'mane: krymskie tatory, krymskie tsygane* [Anthology on ethnic history and traditional culture of the old-timers of the Crimean population. Part one. Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. Ed.-comp. M.A. Aragioni, A. G. Herzen. Simferopol: Tavria-Plus, 2004. Pp. 431–446. (In Russian)
8. Dubois de Montpellier F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, Gruziiyu, Armeniiyu i v Krym* [Travel to the Caucasus, Circassians and Abkhazians,

Georgia, Armenia and Crimea]. In 6 vols. Paris, 1843: Vol. 5, 6. Simferopol: Business-
Inform, 2009. 328 p. (In Russian)

9. Esipova M.V. *Krymskotatarskiy muzykal'nyy instrumentariy v kontekste muzykal'nykh kul'tur islamskoy Azii i kul'tur okružhayushchikh narodov* [Crimean Tatar musical instruments in the context of musical cultures of Islamic Asia and cultures of surrounding peoples]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie– Crimean Historical Review*. 2016. No. 2, pp. 146–166. (In Russian)

10. Zheltukhina O.A. *Krymskie tatary v XIX – nachale XX vv.: Putevoditel' po etnograficheskomu otdelu* [Crimean Tatars in the XIX – early XX centuries: A guide to the ethnographic department]. Simferopol: Domino, 2003. 68 p. (In Russian)

11. Zaatov I.A. *Muzykal'naya kul'tura krymskikh tatar* [Musical culture of the Crimean Tatars]. *Istoriya krymskikh tatar v 5-ti tomakh*. T. III. *Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv.* [History of the Crimean Tatars in 5 volumes. Vol. III. The Crimean Khanate of the XV–XVIII centuries]. Ed. by I. V. Zaitsev. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. Pp. 761–768. (In Russian)

12. Zaatov I.A. *Ocherki istorii krymskotatarskoy muzykal'noy kul'tury i stsenicheskogo iskusstva (genesis, evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie)* [Essays on the history of Crimean Tatar musical culture and performing arts (genesis, evolution, current state)]. Volume I. historiography, source database, bibliography. Simferopol: GAU RK “I. Gasprinsky Media Center”, 2019. 352 p. (In Russian)

13. Isidinova S.R. *O natsional'noy muzyke krymskikh tatar* [About the national music of the Crimean Tatars]. Sevastopol, 1995. 48 p. (In Russian)

14. Litvin M. *Traktat o nravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [A treatise on the customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites]. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma. Chast' pervaya. Musul'mane: krymskie tatary, krymskie tsygane* [Anthology on ethnic history and traditional culture of the old-timers of the Crimean population. Part one. Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. Ed.-comp. M.A. Aragioni, A.G. Herzen. Simferopol: Tavria-Plus, 2004. Pp. 72–97. (In Russian)

15. Kondaraki V.H. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of the Crimea]. St. Petersburg, 1875. Part 9. 106 p. (In Russian)

16. Kondaraki V.H. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of the Crimea]. St. Petersburg, 1875. Part 12. 90 p. (In Russian)

17. *Krymskotatarskaya instrumental'naya muzyka Khanskogo perioda: monografiya* [Crimean Tatar instrumental music of the Khan period: monograph]. Ed. by D. Karikov. Simferopol: Dolya, 2007. 96 p. (In Russian)

18. Kurbedinova L.T. *Tendentsii zhanrovogo razvitiya v proizvedeniyakh krymskotatarskikh kompozitorov XX veka* [Trends of genre development in the works of Crimean Tatar composers of the XX century]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Scientific Research Journal*. 2022. No. 1(103), pp. 131–136. (In Russian)

19. Markov E.L. *Ocherki Kryma: Kartiny krymskoy zhizni istorii i prirody* [Sketches of the Crimea: Pictures of Crimean life, history and nature]. Simferopol; Moscow: Tavria: Kultura, 1994. 544 c. (In Russian)

20. Petrova E.B., Prokhorova T.A. *Krymskie puteshestviya: N.N. Murzakevich, A.N. Demidov (K 200-letnemu yubileyu N.V.Gogolya)* [Crimean travels: N.N. Murzake-

vich, A.N. Demidov (To the 200th anniversary of N.V. Gogol)]. Simferopol: Business-Inform, 2011. 328 p. (In Russian)

21. Radde G.I. *Krymskie tatarы* [Crimean Tatars]. Introductory article, general edition and comments by G. Bekirova. K.: Publishing house "Stilos", 2008. 112 p. (In Russian)

22. Sumarokov P.I. *Dosugi Krymskago sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu po Vysochayshemu poveleniyu: v 2 ch. Ch. 1* [Leisure of the Crimean judge, or the second journey to Taurida by the Highest command: at 2 h. h. 1]. P.I. Sumarokov. St. Petersburg: Printed in the Imperial Printing House, 1803–1805. 226 p. (In Russian)

23. *Tyurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatarы. Krymchaki* [The Turkic peoples of the Crimea: Karaites, Crimean Tatars, Krymchaks]. Ed. S.Ya. Kozlov, L.V. Chizhova. Moscow: Nauka, 2003. 459 p. (In Russian)

24. Fedorov F.A. *Krym, s Sevastopolem, Balaklavoyu i drugimi ego gorodami: S opisaniem rek, ozer, gor i dolin; s ego istoriey, zhitelyami, ikh nrvami i obrazom zhizni* [Crimea, with Sevastopol, Balaklava and its other cities: With a description of rivers, lakes, mountains and valleys; with its history, inhabitants, their customs and way of life]. St. Petersburg: edition of Korablev and Siryakov, in the printing house of Eduard Weimar, 1855. 191 p. (In Russian)

25. Holderness Mary. *Zamechaniya o krymskikh tatarakh* [Remarks about the Crimean Tatars]. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma. Chast' pervaya. Musul'mane: krymskie tatarы, krymskie tsygane* [Anthology on ethnic history and traditional culture of the old-timers of the Crimean population. Part one. Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. Ed.-comp. M.A. Aragoni, A. G. Herzen. Simferopol: Tavria-Plus, 2004. Pp. 204–207. (In Russian)

26. *Khudozhnik i etnograf Vil'gel'm Kizevetter (1811–1865) v Krymu* [Artist and ethnographer Wilhelm Kiesewetter (1811–1865) in the Crimea]. Ed. B. Kaulbach, E. Titmayer. Kiev: VIK, 2005. 130 p. (In Russian)

27. Celebi E. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Travel book. Crimea and adjacent regions. (Extracts from the work of a Turkish traveler of the XVII century)]. Intro. article, translated from the Ottoman language, comments by E.V. Bakhrevsky; Historical and Archaeological Fund "Heritage of Millennia". 2nd edition, corrected. and add. Simferopol: DOLYA, 2008. 272 p. (In Russian)

28. Sherfedinov Ya.Sh. *Zvuchi khaytarma* [Haitarma sounds]. Tashkent: Gafur Gulyam Publishing House of Literature and Art, 1990. 231 p. (In Russian)

29. Eminov R.R. *Bakhchisarayskiy dvorets-muzey: Istoriya sozdaniya i formirovaniya kollektsey (1917–1945)* [Bakhchisaray Palace-museum: The history of creation and formation of collections (1917–1945)]. Ed. by I.V. Zaitsev. Moscow: Foundation "Communication of Epochs", 2017. 368 p. (In Russian)

About the author: Sevilya S. Velieva – Senior Research Fellow of the Bakhchisarai historical, cultural and archaeological museum-preserve (298405, Rechnaya Str., 133, Bakhchisarai, Russian Federation); vsevila83@gmail.com

УДК 930.85+39.308+7.5527

DOI: 10.22378/kio.2023.1.162-175

Республиканский крымскотатарский музей искусств: опыт создания (от первого лица)

Исмет Заатов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический

университет им. Ф. Якубова

Аннотация. Начатый в XIX в. Гаспринским процесс создания музея крымских татар завершился на рубеже XX и XXI вв. созданием Республиканского крымскотатарского музея искусств – первого крымскотатарского музея с самостоятельным юридическим статусом, переименованного в 2015 г. в Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. В статье кратко отображена наполненная трагическими событиями, преодолением запретов и гонений история крымскотатарского музейного строительства.

Ключевые слова: Крым, крымскотатарский, народ, музей, история, первый

Для цитирования: Заатов И.А. Республиканский крымскотатарский музей искусств: опыт создания (от первого лица) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 162–175. DOI: 10.22378/kio.2023.1.162-175.

В декабре 2022 г. исполнилось 23 года со дня создания первого крымскотатарского музея с самостоятельным юридическим статусом – Республиканского крымскотатарского музея искусств, переименованного в 2015 г. в Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия. Тема истории крымскотатарского музейного строительства в науке сравнительно мо-

лода и в этой области особо выделяются исследования Мусаевой У.К., Непомнящего А.Н., Урсу Д.П., Эминова Р.Р.

Процесс крымскотатарского музейного строительства берет свое начало в XIX в. Проблема создания крымскотатарского национального музея, являющегося важнейшим элементом социально-культурного развития крымскотатарского народа возникла перед крымскотатарской общественностью одновременно с созданием в 1887 г. в Симферополе Музея древностей Таврической ученой архивной комиссии и в 1889 г. Естественно-исторического музея Таврического земства [1, с. 127].

Как и многие связанные с развитием крымскотатарской культуры и образования крымскотатарского народа начинания, идея созданию музея крымских татар принадлежала великому просветителю народов Востока, лидеру крымскотатарского народа, члену Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) Исмаилу Гаспринскому. В 1898 г. он вместе с другим членом этой комиссии А. Иваненко предпринял, не поддержанную российскими властями попытку открыть в Бахчисарайском дворце историко-этнографический музей [7, с. 85]. До этого в Российской империи были созданы музейные учреждения, являющиеся сегодня Государственным музеем Грузии (осн. в 1867 г.), Государственным музеем Узбекистана (осн. в 1876 г., как Народный музей Туркестана), Национальным музеем Республики Башкортостан (осн. в 1864 г., как Губернский музей в г. Уфе), Национальным музеем Республики Татарстан (осн. в 1895 г.).

Безрезультатно члены ТУАК пытались создать Бахчисарайский историко-этнографический музей в 1912 г. [6, с. 274].

Главный подвижник организации крымскотатарского музейного дела довоенного периода Усеин Боданинский 31 марта 1916 г. инициировал создание Бахчисарайского отдела (кружка) Петроградского общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и по решению Совета Общества в Петрограде возглавил его. От учредителей Бахчисарайского отдела губернатору Таврической губернии было направлено прошение во 2 пункте, которого ими инициировалось: «Устройство в г. Бахчисарае художественно-исторического музея, начало которого уже существует в Бахчисарайском бывшем ханском дворце и в виде частных коллекций у некоторых членов кружка» [9, 51] Боданинский настаивал на продолжение временным директором ханского дворца «пополнения коллекции национального татарского музея при Бахчисарайском ханском дворце» в сентябре 1917 г., находившегося в ведении созданного после прихода к власти Временного правительства России Таврического губернского Управления татарскими делами [3, с. 223]. За сохранность коллекции отвечал Татарский историко-археологический кружок при Бахчисарайском отделе Общества защиты и сохранения в России памятников

искусства и старины. Решением временного Мусульманского исполнительного комитета от 25 сентября 1917 г. У. Боданинский был назначен директором дворца, а 4 октября 1917 г. приказом Таврического Губернского комиссара Временного Российского правительства Н.Н. Богданова он был утвержден комиссаром Бахчисарайского ханского дворца [9, с. 51] Художественно-исторический Дворец-музей под его началом открыл свои двери для посещения 3 ноября 1917 г. [3, с. 223]. В 3 пункте письма членов Татарского историко-археологического кружка от 20 марта 1920 г. на имя Таврического губернатора о положении дел музея доводилось, что: «...художник У.А. Боданинский, живущий при дворце, занимается исключительно Татарским художественно-историческим музеем, а во все остальное считает себя не в праве входить» [9, с. 54]. Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика была образована 18 октября 1921 г. и постановлением Президиума Совета народных комиссаров Крымской Республики за № 40 от 18 марта 1922 г. был создан татарский музей в Бахчисарае [2, 3-652. Оп.1. Д.116. Л.2.] Окончательно, Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, а именно так он официально назывался, сформировался в начале 1920-х гг. и просуществовал вплоть до депортации крымскотатарского народа в 1944 г. [9, с. 48].

В 1921 г. по приглашению Отдела народного образования Евпаторийского горисполкома, фундаментально изучавшая крымскотатарское декоративно-прикладное искусство П.Я. Чепурина заняла должность заведующей городским музеем «Искусство старины» и в документах с 1925 по 1928 гг. она именовала его Евпаторийский этнографо-археологический музей [2, ф. Р-138, оп. 1, д. 10, л. 58, 59]. Сменивший ее на этой должности Я.Г. Благодарный в направленном в Главнауку Наркомпроса РСФСР 29 августа 1929 г. письме, докладывал, что: «В своем этнографическом отделе музей имеет подотделы: татарский и караимский» [2, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 118]. 24 февраля 1929 г. У. А. Боданинский сообщил Я.Г. Благодарному, что библиотека Бахчисарайского дворца-музея отобрала дубликаты фотоснимков экспедиции 1925 г. и материалы экспедиции 1928 г., для передачи их его музею [2, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 93]. С предложением обмена экспонатами крымскотатарской тематики руководству Евпаторийского музея обращался и заведующий Восточным музеем в Ялте Я.М. Якуб Кемаль [2, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 97]. Первым заведующим официально учрежденного в 1921 г. Восточного музея стал А. Хатипов. В его справке от 19 октября 1922 г. «О Восточном музее», определялась основная цель его деятельности – собирание и изучение предметов, касающихся истории и этнографии крымских татар. Восточному музею он отводил роль логического продолжения, представлявшего только культуру мусульман Крыма Бахчисарайского музея, и освещения материальной

культуры народов Востока, проживающих за пределами Крыма. В структуре музея были созданы 5 отделов: узбекский (бухарский), среднеазиатский, азербайджанский, персидский, арабский (с включением японских и китайских экспонатов). Экспозиция предметов искусства и быта южнобережных крымских татар в виде «Татарской комнаты», в татарский отдел музея оформилась в 1925 г. [5, с. 176]. В 1927 г. заведующим музеем назначается известный крымскотатарский востоковед Я.М. Якуб Кемаль. Он провел перепланировку экспозиции музея, основу которой составила история и этнография крымских татар, обозначив задачи музея прежде всего в «сборе, изучении и показе материалов художественно-промышленного производства и искусства южнобережных татар, а также народов Востока, имевших в свое время то или иное влияние на искусство крымских татар. В разработанном им уставе музея определялось, что научно-исследовательская деятельность Восточного музея должна ограничиться изучением этнографии и искусства татар Южного берега Крыма, а также научным описанием образцов искусства народов Востока, которыми музей обладает» [5, с. 177]. За свою подвижническую деятельность в деле крымскотатарского музейного строительства У. Боданинский и Я.М. Якуб Кемаль были казнены сталинскими палачами 18 апреля 1938 г. [8, с. 181–182]. В результате поголовной депортации крымскотатарского народа со своей земли и ликвидации Крымской АССР, процесс крымскотатарского музейного строительства в Крыму прекратился. К великому сожалению, все вышеупомянутые попытки организации деятельности музеев с крымскоотатарской тематикой в Ялте и Евпатории, а также Дома-музея И. Гаспринского были советскими властями в течении определенного времени саботированы и пресечены. Ни один из указанных музеев и даже в их числе музей в Ханском дворце не имели названия крымскотатарских музеев.

С началом массового возвращения крымских татар в Крым процесс крымскотатарского музейного строительства обрел новую силу. В феврале 1989 г., после публикации моих научных статей на тему истории этногенеза крымскотатарского народа и довоенной судьбе Дома-музея И. Гаспринского в вышедшем в 1988 г. в симферопольском издательстве «Таврия» сборнике «Крым многонациональный (вопросы и ответы)» и, длившихся почти год согласований и проверок, я осуществил свою мечту и стал первым после войны в Крыму музейным работником крымскотатарской национальности в должности младшего научного сотрудника отдела дореволюционного прошлого Крымского областного краеведческого музея. В июне того же года в этом музее в научной командировке побывала доктор исторических наук, профессор Калифорнийского университета Айше Азаде Рорлих, племянница всемирно известного американского ученого-

историка крымскотатарского происхождения профессора Кемала Карпата. Я пригласил ее, а также активных членов крымскотатарского национального движения на встречу с профессором Рорлих к себе домой в гости, и пользуясь случаем предложил моим землякам создать организацию для решения проблем возрождения крымскотатарской культуры. Мою инициативу тогда поддержали Айдер Эмиров, Энвер Озенбашлы, Ибраим Военный, Ильми Аметов и другие представители крымскотатарской научной и творческой интеллигенции. Осенью 1989 г. нашей группой была создана первая в послевоенном Крыму легальная крымскотатарская организация «Координационный центр по возрождению крымскотатарской культуры» председателем которой меня избрали. Штаб Координационного центра располагался в нашем с моим музейным руководителем В.К. Гарагулей рабочем кабинете Крымского областного краеведческого музея на Пушкина, 18, а затем на Гоголя, 14. В президиум Координационного центра также вошел переезжавший из Ферганы в Крым член Союза художников СССР Мамут Чурлу. По моей и М. Чурлу инициативе Координационным центром по возрождению крымскотатарской культуры, при организационной поддержке Крымской организации Союза художников Украины и финансовой поддержке Крымского областного отделения Советского фонда культуры в симферопольском Доме художников была организована, открывшаяся 19 марта 1990 г. I Всесоюзная выставка крымскотатарских художников. В выставке приняли участие практически все нами выявленные на тот момент профессиональные крымскотатарские художники из Узбекской ССР, РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Таджикской ССР, Грузинской ССР. В целях формирования основы фондов будущего крымскотатарского музея, мы с М. Чурлу инициировали создание экспертной комиссии в составе научных сотрудников Симферопольского художественного музея Подуфалого Р.Т. (председатель), Федотовой Г.И., Рыбниковой Л.М., Линиченко Л.Я. и членов Союза Художников СССР Шуринова А.С., Никитина С.А., отобравшей лучшие работы участников выставки в области живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Отобранные экспонаты были переданы на временное хранение в Крымское областное отделение Советского фонда культуры, оплатившего транспортные расходы, проживание и питание участников выставки, а гонорары за работы участникам выставки должен был выплатить, возглавляемый Ю.Б. Османовым Комитет по возвращению крымскотатарского народа в Крым при Крымском областном исполнительном комитете. В апреле 1990 г., мне, практически в одиночку (удивительно, но так вышло) удалось спасти от уничтожения памятник крымскотатарской архитектуры XIX в. – здание бывшего крымскотатарского мектебе руждие, которое по причине его сноса освободили

дирекция Симферопольского горбыткомбината и Крымское отделение «Общества красного креста и полумесяца» (на его месте по оплаченному Симферопольским молокозаводом проекту должны были быть построены, для его работников три пятиэтажных дома и детский сад). Этот комплекс помещений на улице Самокиша, 8 занял Координационный центр по возрождению крымскотатарской культуры, который разместил в нем все созданные в начале 1990-х гг. общественные и политические организации. Одним из первых действий Координационного центра явилось обращение к властям с просьбой восстановить закрытый в 1932 г. Дом-музей Исмаила Гаспринского, в ответ на которое в соответствии с решением Крымского областного исполнительного комитета от 8.05.1990 года № 143 в Бахчисарае по улице Р. Люксембург, 47а в здании бывшей газеты «Терджиман» предусматривалось воссоздать мемориальный музей выдающегося просветителя И. Гаспринского. В марте 1991 г., в дни, организованной Координационным центром по возрождению крымскотатарской культуры совместно с Крымским облисполкомом Международной научно-практической конференции посвященной 140-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского (сопредседатели оргкомитета заместитель председателя Крымского облисполкома Н. Красикова и председатель Координационного центра И. Заатов) в которой впервые после проведения в Баку I Тюркологического курултая 1926 г. приняли участие ведущие ученые тюркологи всего мира была проведена II Всесоюзная выставка крымскотатарских художников. Лучшие работы с этой выставки, также были отобраны для коллекции будущего крымскотатарского музея.

В дни проведения I Фестиваля тюркского искусства в Анкаре 6 мая 1991 г. по моей просьбе в доме одного из членов Общества культуры и взаимопомощи крымских тюрок Турции был организован прием, участвовавшего в фестивале крымскотатарского ансамбля «Каранфиль» из пгт Красногвардейск (Курман Кемельчи) и возглавлявшего крымскую делегацию министра культуры Республики Крым В.П. Пересунько. Воспользовавшись представившейся возможностью, я обратился с публичной просьбой к министру о создании в Крыму крымскотатарского этнографического музея, основу фондов которого должны были составить отобранные на двух вышеуказанных выставках экспонаты. После этой встречи в 1992 г. были созданы Крымский этнографический музей на правах филиала Центрального музея Тавриды и располагавшаяся в вышеуказанном здании на улице Самокиша, 8 Крымскотатарская национальная галерея с одной штатной единицей директора (Кенжикаева З.) при переименованном затем в Крымскотатарский фонд культуры Координационном центре по возрождению крымскотатарской культуры. В 1993 г. Крымскотатарская национальная галерея была передана, созданной при Координа-

ционном центре по возрождению крымскотатарской культуры и располагавшейся в этом же здании Ассоциации крымскотатарских художников. Тогда же был подписан трёхсторонний договор между Ассоциацией крымскотатарских художников, Государственным комитетом по делам национальностей и депортированных граждан Автономной Республики Крым и Симферопольским художественным музеем, по которому Государственный комитет по делам национальностей и депортированных граждан гарантировал финансирование приобретения экспонатов для пополнения фондов галереи, Симферопольский художественный музей гарантировал выделение помещения для хранения экспонатов, Ассоциация крымскотатарских художников формировала фонды галереи. При действенном участии моего покойного друга и соавтора по написанию первой научной статьи по истории этногенеза крымскотатарского народа краеведа Рефата Куртиева (проживавшего в моем доме после возвращения в Крым) приказом Министерства культуры АРК от 24.04.1996 г. на правах отделов Бахчисарайского историко-культурного заповедника в Ханском дворце и в здании бывшей типографии И. Гаспринского были образованы Музей истории и культуры крымских татар и Мемориальный музей Исмаила Гаспринского, а Крымскотатарская национальная галерея была преобразована в Музей изобразительного искусства крымских татар на правах отдела Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского со штатом в три человека (заведующая Фатиме Асанова, хранитель фондов Эльмира Черкезова и смотритель).

Весной 1998 г., оставив должность представителя турецкой компании «Акай йапы элеменлары» и американской компании «Саншайн индастриз инкорпорейтед оф Америка» в странах СНГ, я поступил в качестве соискателя в аспирантуру Научно-исследовательского института искусствознания Академии художеств Узбекистана, после чего, во время встречи в Симферополе с начальником управления музеев и библиотек Министерства культуры АРК С.А. Дружининым вновь предложил создать отдельный самостоятельный крымскотатарский музей с республиканским статусом. В ответ на это он предложил мне возглавить вышеуказанный музей при библиотеке, согласившись с моим условием его преобразования в дальнейшем в самостоятельный крымскотатарский музей с республиканским статусом, предупредив меня о сложностях в коллективе сотрудников музея, состоявшем из двух, не разговаривающих между собой более года специалистов. Приняв Музей изобразительного искусства крымских татар на правах отдела библиотеки в мае 1998 г., в августе 1998 г., я инициировал повышение статуса музея изменив его названия на Музей крымскотатарского искусства на правах филиала Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского с увеличением штата его сотрудников до 5 человек. В

том же году, нашим музеем на средства турецкой организации ТИКА была организована школа крымскотатарского гончарного искусства «Чольмекчи» под началом научного сотрудника музея Ф. Асановой. В 1999 г. удалось организовать финансирование издания первого альбома «Крымскотатарское декоративно-прикладное искусство» (составитель Ф. Асанова), тогда же на мои личные средства был издан биобиблиографический словарь «Крымскотатарские художники» (составитель Э. Черкезова). К этим вышедшим под моим редактированием изданиям я написал вступительные статьи. В июле-августе 1999 г., на выделенные по моей просьбе лидером крымскотатарской диаспоры Румынии, депутатом румынского парламента от крымскотатарского меньшинства Неджатом Сали средства, я организовал работу экспедиции по выявлению и сбору предметов крымскотатарского декоративно-прикладного искусства в румынской Добрудже. В состав экспедиции, я пригласил старшего научного сотрудника Крымского этнографического музея Сафие Эминову, а также научных сотрудников нашего музея Фатиме Асанову и Диляру Халилову. Экспедицией были проведены исследования в десятках поселений компактного проживания крымских татар и собрано более полутора тысяч единиц предметов крымскотатарского декоративно-прикладного искусства первой пол. XIX – второй пол. XX вв. Самую ценную часть собранной для пополнения фондов музея коллекции, я вывез в чемоданах автобусом через Болгарию в Стамбул, а оттуда самолетом в Симферополь. В сентябре 1999 г. мне удалось при содействии С.А. Дружинина согласовать вопрос создания первого самостоятельного крымскотатарского музея с министром культуры Автономной Республики Крым М.М. Голубевым. Наш музей в новом статусе, учитывая название музея в Бахчисарае, я решил назвать Республиканский крымскотатарский музей искусств (РКМИ). При написании Устава и разработке штатного расписания РКМИ, я взял за основу Устав и штатное расписание Центрального музея Тавриды, а при подготовке текста Постановления Совета министров АРК о создании РКМИ тексты аналогичных постановлений о создании республиканских учреждений культуры АРК. Постановление СМ АРК о создании в ведении Министерства культуры АРК Республиканского крымскотатарского музея искусств с самостоятельным юридическим статусом и со штатом сотрудников, соответствующем его новому статусу было принято 14 декабря 1999 г. Музей, работникам которого тогда в резкой форме дирекцией РКБ им. И. Гаспринского было предложено освободить занимаемый в этой библиотеке кабинет, в своем новом статусе приступил к работе с 14 января 2000 г. Работавший тогда начальником одного из управлений Рескомнаца АРК Ремзи Ильясов выручил музей и предоставил, для размещения его аппарата один из кабинетов своего управления на ул. Одесской. Фонды, главный хранитель, заведующие от-

делов и штат научных сотрудников РКМИ с согласия директора Симферопольского художественного музея (СХМ) Н.Д. Дьяченко размещались и работали в двух кабинетах флигеля СХМ, там же в зале проводились выставки РКМИ. Планируя, что созданный в Симферополе отдельный крымскотатарский музей станет республиканским научно-методическим центром по собиранию, сохранению, изучению и популяризации истории, культуры и искусства крымскотатарского народа, при разработке его структуры, я предусмотрел в его структуре отдел декоративно-прикладного искусства, отдел изобразительного искусства, новаторский для музейной системы Крыма отдел истории музыки, танца, театра и кино и отдел-музей исламского искусства. Для фиксации значимых событий процесса возвращения крымскотатарского народа в области культуры и искусства ввел также в штатное расписание должности видео-оператора и фотографа.

При определении названия нового республиканского музея, для меня принципиально важным было обозначить в нем, составляющее его предназначение и основное направление деятельности словосочетание «крымскотатарский музей». В моей авторской интерпретации логотипа эмблемы РКМИ, в качестве его основы, я использовал изображение главного национального символа крымскотатарского народа – «тарак тамга». Название музея на его официальном бланке указал на крымскотатарском, украинском и русском языках. На ключевые, для профильной деятельности РКМИ должности заместителя директора по науке и главного хранителя фондов в декабре 1999 г., я пригласил, хорошо зарекомендовавших себя в ходе работы вышеуказанной экспедиции старшего научного сотрудника Крымского этнографического музея на правах филиала Центрального музея Тавриды С.Л. Эминову и научного сотрудника нашего музея Ф.С. Асанову. Помимо них, первыми на работу в республиканский крымскотатарский музей были приняты: Халиков С.Х. (заместитель директора по хозяйству и строительству), Меджитов С.М. (главный бухгалтер), Бекирова Д.Ш. (бухгалтер 1 категории), Мусретдинова Э.И. (секретарь-специалист по кадрам), Черкезова Э.Я. (заведующий отделом изобразительного искусства), Абдурафикова Н.Ю. (заведующий отделом декоративно-прикладного искусства), Гафарова Л.Ф. (художник-реставратор 3 категории отдела декоративно-прикладного искусства), Чалбашова Э.Б. (старший научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства), Таирова Л.С. (старший научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства), Ниметуллаева З.Я. (младший научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства), Джемилева С.М. (старший научный сотрудник отдела история музыки, танца, театра и кино), Асанова Е.С. (библиотекарь 1 категории), Байрамов А.М. (подсобный рабочий), Мустафаев С.М. (фотограф), Ниме-

туллаева Л.С. (уборщица), Халилов Р.И. (сторож). Остальные специалисты в музей были приняты в течении года.

В сентябре 2001 г. в НИИ искусствознания Академии художеств Узбекистана, под научным руководством его директора, доктора искусствоведения А.Х. Абдуллаева, я защитил диссертацию на тему «Крымскотатарское изобразительное и декоративно-прикладное искусство (генезис, эволюция, современное состояние)» и стал первым среди крымских татар ученым – кандидатом искусствоведения. В марте 2002 г., в результате договоренности заместителя председателя Меджлиса крымскотатарского народа Р.И. Ильясова с председателем СМ АРК В.М. Горбатовым меня назначили на должность заместителя министра культуры АРК. При переходе с должности директора РКМИ на новую работу, предварительно согласовав этот вопрос в министерстве культуры, я предложил возглавить музей своему заместителю С.Л. Эминовой, условившись с нею об обратной «рокировке» в случае, если моя работа заместителем министра культуры продолжится недолго. Следует отметить, что мой выбор оказался верным, Сафие ханым проявила себя на новом поприще высококвалифицированным специалистом и руководителем музейного дела, успешно продолжая, развивая и расширяя направления начатой мною работы по становлению РКМИ и созданию крымскотатарской музейной школы.

В Алупкинском городском Доме культуры, стараниями научного сотрудника Ялтинского объединенного историко-литературного музея Тефиде Мухтерем 26 февраля 1993 г., в статусе народного музея был открыт Музей Амет-Хана Султана. В 1999 г. при непосредственном участии РКМИ была инициирована и осуществлена процедура выведения, являвшегося на тот момент одним из корпусов Алупкинского детского санатория здания бывшей дачи Никольской из собственности Министерства здравоохранения Украины в Фонд имущества АРК с целью дальнейшей его передачи в ведение министерства культуры АРК, для размещения в нем Музея Амет-Хана Султана. В 2002 г. этот музей был включен в состав нашего музея и при моем непосредственном участии уже в должности заместителя министра культуры АРК завершилась трехлетняя эпопея с передачей здания бывшей дачи Никольской РКМИ, в котором разместился Музей Амет-Хана Султана. В течении этого времени, мне несколько раз угрожали представители, также претендовавшей на это здание киевской коммерческой организации «Прометей», обращавшиеся по мою голову к министру культуры АРК Т.М. Ароновой. На должность заведующего Музея Амет-Хана султана на правах отдела РКМИ по просьбе, курировавшего деятельность крымских музеев заместителя министра культуры АРК Л.К. Белого мною был принят Мустафа Мустафаев. Находясь на новой

должности, я продолжал тесно сотрудничать с родным музеем и оказывать содействие в пополнении его фондов. В течении ноября-декабря 2003 г. в фондах Государственного музея европейских культур г. Берлина под руководством заместителя директора музея, доктора искусствоведения Элизабет Титмайер, я занимался исследованием текста воспоминаний и коллекции работ о жизни и быте крымских татар, проживавшего с 1842 по 1845 гг. в Бахчисарае под именем Абдулла немецкого художника и этнографа Вильгельма Августа Кизеветтера. Директор берлинского музея Конрад Ваня, по завершению исследовательской стажировки подарил мне высокопрофессионально выполненные негативы всех крымских живописных работ и макетов Кизеветтера с правом использования их в печатных работах, переданных мною в фонды нашего музея. В июне 2005 г., приглашенная в Бахчисарай, для участия в международной конференции «Возвращение культурных ценностей крымскотатарского народа» на тот момент уже директор Государственного музея европейских культур г. Берлина Э. Титмайер привезла по моей просьбе в дар РКМИ факсимильную коллекцию всех крымских работ В.-А. Кизеветтера о Крыме.

По инициативе Алифе ханым Яшлавской в марте 2006 г. при коммунальном предприятии «Евпаторийский крымскотатарский культурно-этнографический центр «Текие-дервиш» был открыт Музей этнографии крымских татар «Текие-дервиш».

Процесс создания Республиканского крымскотатарского музея искусств начался в дни проведения I Всесоюзной выставки крымскотатарских художников с отбора на ней работ для фондов будущего крымскотатарского музея в марте 1990 г. и продолжался вплоть до выхода 14 декабря 1999 г. постановления Совета министров АРК о его учреждении. Этот музей стал первым и пока единственным отдельным крымскотатарским музеем с самостоятельным юридическим статусом. В 2015 г. РКМИ был переименован в Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия, что значительно расширило его функциональную деятельность.

По прошествии более века с четвертью со времени первой попытки создания крымскотатарского музея становится явной основная причина запретов властей Российской империи и СССР создания его в свое время в Крыму, это в первую очередь нежелание освещать и пропагандировать богатейшую в сравнении с другими народами России историю государственности крымскотатарского народа и многовековую историю дипломатических отношений средневекового крымскотатарского государства с Великим княжеством Московским и Российской империей, дающих основание, для особого положения крымскотатарского народа в Крыму.

Конечно же первый крымскотатарский музей с самостоятельным юридическим статусом Республиканский крымскотатарский музей искусств, я

создавал не один. К этому знаменательному в жизни крымскотатарского народа и истории культуры Крыма событию были причастны все вышеназванные работники музея, а также небезразличные к проблемам становления крымскотатарского музейного дела участники крымскотатарского национального движения и добрые и порядочные люди работавшие в системе руководства отрасли культура в Крыму. Всем им, я безмерно благодарен и рад, что мне, а также моим соратникам и последователям в деле создания и развития крымскотатарского музея с самостоятельным юридическим статусом, в какой-то мере удалось воплотить в жизнь одну из идей нашего великого предшественника Исмаила Гаспринского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голоцван Е.В. Хранитель музея // Природа. М.: Наука РАН, 1999. № 4. 130 с. С. 126–129.
2. Государственный Архив Республики Крым.
3. Ефимов А.В. Малоизвестные истории Бахчисарайского музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Сборник научных трудов БГКИЗ. Симферополь, 1994. С. 214–220.
4. Мусаева У.К. Из истории изучения этнографии народов Крыма в 20-х – 30-х годах XX века в Евпатории // Культура народов Причерноморья. 2003. № 39. С. 74–81.
5. Мусаева У.К. Деятельность Восточного музея в Ялте // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 175–180.
6. Празднования 25-летия существования ТУАК. Торжественное заседание от 24 января 1912 года // ИТУАК. 1912. № 48. С. 293–306.
7. Протоколы заседания ТУАК от 20 апреля 1898 года // ИТУАК. 1899. № 29. С. 85.
8. Урсу Д.П. Трагедия крымской науки и культуры // Кримські татари: Історія і сучасність: До 50-річчя депортації кримськотатарського народу: Матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 1995. С. 181–182.
9. Эминов Р.Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. № 2 (24), 2011. С. 48–64.

Сведения об авторе: Заатов Исмет Аблятифович – доктор философии в арт-критицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); zaatov@gmail.com

Republican Crimean Tatar Museum of Art: the experience of creation (from the first person)

Ismet Zaatov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University*

Abstract. Started in the 19th century by Gasprinsky the process of creating a museum of the Crimean Tatars was completed at the turn of the 20th and 21st centuries. The creation of the Republican Crimean Tatar Museum of Art – the first Crimean Tatar museum with an independent legal status, renamed in 2015 into the Crimean Tatar Museum of Cultural and Historical Heritage. The article briefly reflects the history of the Crimean Tatar museum construction filled with tragic events, overcoming prohibitions and persecution.

Keywords: Crimean Tatar, museum, Crimea, history, people, first

For citation: Zaatov I.A. Republican Crimean Tatar Museum of Art: the experience of creation (from the first person). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 162–175. DOI: 10.22378/kio.2023.1.162-175 (In Russian)

REFERENCES

1. Golotsvan E.V. Khranitel' muzeya [Museum Keeper] Priroda [Nature]. Moscow: Nauka RAS, 1999. No. 4, pp. 126–129. (In Russian)
2. State Archive of the Republic of Crimea. (In Russian)
3. Yefimov A.V. Maloizvestnyye istorii Bakhchisarayskogo muzeya [Little-known stories of the Bakhchisaray Museum]. *Problemy istorii i arkhologii Kryma* [Problems of History and Archeology of the Crimea] Sbornik nauchnykh trudov BGKIZ [Collection of scientific works of BGKIZ]. Simferopol, 1994. Pp. 214–220. (In Russian)
4. Musayeva U.K. Iz istorii izucheniya etnografii narodov Kryma v 20-kh – 30-kh godakh XX veka v Yevpatorii [From the history of study of the ethnography of the peoples of the Crimea in the 20s – 30s of the twentieth century in Evpatoria]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region]. 2003, no. 39, pp. 74–81. (In Russian)
5. Musayeva U.K. Deyatel'nost' Vostochnogo muzeya v Yalte [Activities of the Oriental Museum in Yalta]. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time]. 2014. No. 2 (16), pp. 175–180. (In Russian)
6. Prazdnovaniya 25-letiya sushchestvovaniya TUAK. Torzhestvennoye zasedaniye ot 24 yanvarya 1912 goda [Celebrations of the 25th anniversary of the existence of

TUAK. Solemn meeting of January 24, 1912]. ITUAK. 1912. No. 48, pp. 293–306. (In Russian)

7. Protokoly zasedaniya TUAK ot 20 aprelya 1898 goda [Minutes of the TUAK meeting of April 20, 1898] ITUAK. 1899. No. 29, pp. 85. (In Russian)

8. Ursu D.P. Tragediya krymskoy nauki i kul'tury [The tragedy of the Crimean science and culture]. *Krims'ki tatari: Istoriya i suchasnist': Do 50-richchya deportatsii krims'kotatars'kogo narodu: Materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii* [Crimean Tatars: History and modernity: Before the 50th anniversary of the deportation of the Crimean Tatar people: Proceedings of the international scientific conference]. Kyev, 1995. S. 181–182. (In Russian)

9. Eminov R.R. Pervyy natsional'nyy muzey krymskikh tatar [The First National Museum of the Crimean Tatars]. *Vostochnyy arkhiv* [Eastern Archive]. No. 2 (24), 2011, pp. 48–64. (In Russian)

About the author: Ismet A. Zaatov – Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Art history), Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebny lane, 8, Simferopol, Russian Federation); zaatov@gmail.com

**Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи.
Хроника «Тарих-и Мехмед Герай»
(«История Мехмед Герая»). Часть 3***

Рефат Абдужемилев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

*Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова*

Аннотация. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» (1682–1703 гг.) крымскотатарского историографа Дервиш Мехмеда бин Мубарек Герай Дженгизи – повествовательный источник, отражающий историю Крымского ханства и Османского государства в 1682–1703 гг. Датировка сочинения – 1703 г. (завершение в месяце Реджеб 1115 г.). Копия хроники сохранилась в фондах Австрийской Национальной Библиотеки (Österreichische Nationalbibliothek) под шифром (инвентарным номером) № 1080, Cod. N.O.86 HAN MAG. Объем (фолио) – 125 листов шрифтом таалик, листы небольшие. На 125 листе имеются стихи. Рукопись не обозначена заглавием (титолом), но имеет приписку оценочного свойства: «Tarih-i Mehmed Geray Qara Mustafa Paşa cenklerin söyler üçüncü Sultan Mehmed Han vaqtlarından Sultan Ahmed Han biñ yüz on beş tarihınacak söyler bir maqbul tarihdır» / «Тарих-и Мехмед Герай, повествующий о войнах Кара Мустафа-паши, приемлемая история, повествующая со времен султана Мехмеда-хана III до периода султана Ахмеда-хана, до тысяча сто пятнадцатого года».

Перевод хроники на русский язык (автор перевода – *Р.Р. Абдужемилев*) выполнен из транслитерации текста рукописи на латиницу, представленной в турецком издании магистерской работы Угура Демира «Тарих-и Мехмед Гирай» (оценка – переложение текста)» (консультант: проф. док. Недждет Озтьюрк, Стамбул, 2006 г, 163 страниц).

Ключевые слова: Австрийская национальная библиотека (Österreichische Nationalbibliothek), Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи, Крымское хан-

* Продолжение. Начало см.: *Абдужемилев Р.Р.* Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая»). Часть 1 // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 189–214. DOI: 10.22378/kio.2022.1.189-214; Часть 2 // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 176–192. DOI: 10.22378/kio.2022.2.176-192

ство, крымскотатарская литература, нарративный источник, Тарих-и Мехмед Герай, Угур Демир, хроника

Для цитирования: *Абдужемилев Р.Р. Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая»).* Часть 3 // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 176–197. DOI: 10.22378/ki0.2023.1.176-197

Тарих-и Мехмед Герай (перевод на русский язык) **<С. 31> Завоевание Шехиркоя**

Немедленно, приготовив снаряжение для похода, с намерением войны за веру на пути Аллаха и искренним намерением в сердцах ради довольства Аллаха соизволили устремиться в путь. Да счастливый хазрет Селим Герай-хан же по приглашению пожаловали в город Эдирне. Однако из-за болезни (недуга) по состоянию здоровья, был выдан ферман отправляться в поход с паланкином (носилками)¹. По надобности, соизволили отбыть в сопровождении (в свите) достославного визиря. Старшего своего сына, Девлет Герай-султана, учинив (оставив) в стране Крым калгою, от сей же стороны его превосходительство, хан, сделал вышеупомянутого султана начальником войска (командиром войска), перепавился из страны Крым с войском численностью в более двадцати тысяч человек. Отправился (вышел в путь) с почетным (святым) намерением на пути Аллаха оказать помощь вере и государству, и, уповая на Аллаха.

<С. 32> Предприимчивый, будто Асаф², визирь же, переходя привал за привалом от сей стороны, сокращая путь, остановка за остановкой, однажды добрался до низкой (короткой) паланки³, известной по названию Шехрикой. Согласно сунне Посланника Аллаха, велел отправить посла, известили об условии: «Примите исламскую веру, или же соглашайтесь выдавать джизье⁴». Пророк (неби), мир ему, сказал: «Во время смуты в моей умме, для тех, кто крепко вцепится за мою сунну уготовлена награда в сто шехидов (мучеников)⁵, да поступили согласно благословенному

¹ Таht-и gevan – средство передвижения (транспортировки), при помощи четырех человек или мула.

² Асаф – министр Сулеймана (Соломона), прославившегося своей мудростью.

³ Паланка – род укрепления, место, обнесенное палисадом, башней.

⁴ Джизье (выкуп, искупление) – *юридич.* поголовная подать, которую при известных условиях иноверцы должны платить мусульманскому правительству.

⁵ “Men temesseke bi-sünnetî inde fesâdi ümmetî felehû ecrü mieti şehîd.”

смыслу сих слов. Однако находившиеся внутри крепости порочные (грешные) неверные, не видя предложений (рекомендаций) от предшествующих визирей, видя весьма отдаленным (маловероятным), робко (ничтожно) некоторым пустословием и вздором (чепухой) не приняли никого. А когда посланец добрался до хазрет великого визиря, тотчас же по осведомленности положением было велено выдать ферман. Да начали бить по крепости Шехиркой с нескольких сторон пушками балемез⁶ с дыханием (видом) дракона. В беспрестанно повторяемой речи (молитве) предприимчивого, будто Асаф, паши не сходил смысл прекрасного обращения в аяте *«О те, которые уверовали! Если вы поможете Аллаху, то и Он поможет вам и утвердит ваши стопы»*⁷. И согласно смыслу благородного аята *«Верующими являются только те, которые уверовали в Аллаха и Его посланника, а потом не испытывали сомнений и сражались на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Именно они являются правдивыми»*⁸, освободив свои чистые сердца от сомнений и лицемерия (двуличия), неуверенности и предположений, своими положениями и душами (сами), в степени усердий (джихада) на пути Аллаха и в приобретении (достижении) довольства Аллаха по стараниям (усилиям), попирая вялыми (бессильными) ликами на прошениях и мольбах, не были оторваны от молитвы. Так как Святый (Славный) и Всевышний Боже, действительно, повелевает: *«Взывайте ко Мне, и Я отвечу вам»*⁹. Так свершилась помощь Господняя и милость Божественная (Самодостаточного). В тот день крепость Шехиркойи была сокрушена, а на следующий день со сдачей вывесили (установили) флаг на башню крепости. А находившиеся внутри крепости грешные неверные вышли беспечно (с пощадой). После завоевания (покорения) вышеупомянутой крепости и починки (ремонта) разрушенных мест, назначили внутри

⁶ Балемез – дальнобойная средняя пушка, стрелявшая ядрами от 10 до 40 окка.

⁷ Сура 47 «Мухаммед», аят 7: «Ya eyuhellezine amenu in tensurullahe yensurkum ve yusebbit akdamekum» – «О те, которые уверовали! Если вы поможете Аллаху, то и Он поможет вам и утвердит ваши стопы».

⁸ Сура 49 «Аль-Худжурат» («Комнаты»), аят 15: «İnnemel mu'minunellezine amenu billahi ve resulihî summe lem yertabu ve cahedu bi emvalihim ve enfusihim fi sebilillah, ulaike humus sadikun» – «Верующими являются только те, которые уверовали в Аллаха и Его посланника, а потом не испытывали сомнений и сражались на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Именно они являются правдивыми».

⁹ Сура 40 «Му'мин» / «Гафир» («Прощающий»), аят 60: «Ve kale rabbukumud'uni estecib lekum, innellezine yestekbirune an ibadeti se yedhulune cehenneme dahirin» – «Ваш Господь сказал: «Взывайте ко Мне, и Я отвечу вам. Воистину, те, которые превозносятся над поклонением Мне, войдут в Геенну униженными».

нее стражников и коменданта¹⁰. Да, приставив к вышедшим неверным людей, велели доставить к крепости Ниш.

Завоевание (взятие) крепости Ниш

После этого, связав (выстроив) полки¹¹, отбивая барабаны (давулы) и при звучании зурн¹², с грохотом кусов¹³, с шумом давулов (барабанов) отбыли и вышли в путь с намерением добраться до крепости Ниш¹⁴.

<С. 33> По их прибытии к крепости Ниш, с молвой дабы призвать ее прежде упомянутую к исламской вере, или же принудить согласиться на джизье, был послан человек. Находившиеся внутри крепости грешные (порочные) неверные, никого же да не приняли. Тотчас же по выдаче фермана, взяв крепость Ниш в осаду, начали побивать. Да когда отселе (с сей стороны) же старший сын хазрет Селим Герай-хана, хазрет Девлет Герай-султан, с войском ветроногих татар, охотников на врага¹⁵, числом свыше двадцати тысяч человек, подобно ослепительной молнии¹⁶, быстро и поспешно (торопливо) явились и подоспели на помощь вере и государству¹⁷, хазрет великий визирь возрадовался и ободрился. Весьма довольствовались от того, как хазрет султан в сем тесном месте (в сей трудный час) добрался (до крепости) вместе со знаменующим храбрость войском татар, охотников за врагами, да настолько (в такой мере) обрели радость, что и не поддается описанию¹⁸. Предавшись веселью внутри всего исламского войска, будто бы флоту, с выстрелами пушек и ружей, купались в море довольства и радости¹⁹. Однако, в самом деле, ежели калга-султан не прибыл бы в тот час (к тому месту), тогда, несомненно, суждено было явиться немецкому се-

¹⁰ müstahfazan ve dizdar.

¹¹ alaylâr bağlayup.

¹² Зурна (перс. *сурна*, *сур* + *най* = *праздничная флейта*) – восточный деревянный духовой, язычковый музыкальный инструмент с двойной тростью, с резким звуком, напоминающий гобой (типа кларнета). Представляет собой короткую деревянную трубку с раструбом и несколькими (обычно 8–9) боковыми отверстиями.

¹³ Кус – древний персидский музыкальный инструмент, большой барабан, большая литавра.

¹⁴ В оригинале: «tabl ve surnalar çalınup, kösler güm-güm öterek, davullar feryâd iderek azm-i qal'â-i Niş deyüp, azimet ve müteveccih oldılar».

¹⁵ asker-i Tatar-ı bad-reftar adüvv-şikârlı.

¹⁶ berk-ı hatîf misal.

¹⁷ İmdad-ı dîn ü devlete acele ve sür'atile gelüp, yetişdükde.

¹⁸ sultan hazretlerinin bu zayık mahallde, böyle zayık mahallde, böyle asker-i cür'et-şi'ar-ı Tatar-ı düşmen-şikârlı irişdüğünden gayetde mahzuz ve bri mertebe ve sürür hasıl qıldılar ki, vasfa gelmez.

¹⁹ Cümle asakir-i İslâm içinde donanma gibi şenlik idüp, top ve tüfenk atılup, şad u hurrem oldılar.

раскери, проклятому злодею Фетарану, с немецкими и венгерскими нечестивцами числом в сорок-пятьдесят тысяч человек. Тогда прежде утрашенное войско никак бы не обрело покоя. Ка бы ни старались бить по крепости, все же глаза их были позади: «А когда же явятся немцы?», – на том молвя, даже сон был редкостью. Однако, как только увидели вышеупомянутого султана, точас же все вкуче обрадовались, словно возродившись (обретя жизнь)²⁰. Высококостепенный визирь, уготовив великое пиршество, велели призвать калга-султана²¹. Приведя того с благоговением и почетом, разместили в своем шатре²². А после предприятия (намерения) угощений (радушного приема), облачив в собольи меха, усадили на ветроногую лошадь (коня) со сбруей (упряжью), обложенной золотом²³. Опясав украшенными драгоценностями саблей и колчаном для стрел²⁴, милостиво облагодетельствовав (наделив) купно находившихся мурз, беков и аг (братьев) кафтанами славы²⁵, поручили идти на лагерь сборища свиней²⁶. Калга-султан же, смущенный совершенными почестями, тотчас оседлали лошадь и, подобно льву, соизволили отправиться на злодейский лагерь²⁷.

Словом, однажды опередили нечестивый лагерь. Да в ходе противостояния проклятые негодяи узрели страстное желание татар, охотников на врага, одолеть (разгромить) противника с первой атаки. Посему их сердар²⁸, проклятый злодей Фетаран, предпринял весьма безбожные меры. Да как только сообразил о неспособности его войска вынести (перетерпеть) все это, обернувся в бегство, напрямую пошел к крепости Белград. Да не останавливаясь, пошел с войною. Однако (он) превратился в цыганскую вьючную лошадь с растрепанным хвостом и взлохмаченной гривой²⁹. Ибо кровожадные и страстные к мехам татары³⁰, учинив вокруг осаду кольцом, одних схватили, а других подвергли гибели. В общем, злодейский лагерь едва ли (с трудом) добрался до Белграда по прибытии.

²⁰ Amma sultan-ı mezkürü gördükleri gibi heman bi'l-cümle hayât bulmuş gibi ferah-nak oldılar.

²¹ Vezir-i ali-cah, azim ziyâfet hazır eyleyüp, Qalğa Sultanı da'vet buyurdılar.

²² Tevkır ü ihtiramile getürüp, otağına nüzul eylediler.

²³ Azm-i ikramdan soñra bir semmur kürk giydürüp, zer rahtlı esb-i saba-reftara bindürdiler.

²⁴ Mücevher tığ ü terkeş quşadup.

²⁵ ma'an bulunan mırza ve beglerine ve uhuvvatına hil'ât-ı fahire ihsanıla behre-yâb buyurduqdan soñra.

²⁶ tabur-ı huk-i cumhuriñ üzerine havale qıldılar.

²⁷ Qalğa Sultan dahi kemal-i tevkırde mahcub olup, heman-dem atlanup tabur-ı bed-kâr üzerine şir-var azimet buyurdılar.

²⁸ Сердар – командир, военачальник.

²⁹ Amma quyruğı yelesi döğülmüş Kıbtı bargirine dönüp gitdi.

³⁰ zira etrafin Tatar-ı kürk-i hun-harlar ihata idüp.

<С. 34> А затем там же, не сумев остановиться, переправившись через реку Сава, вовсе развалился. Хазрет калга-султан с сей безупречностью (честностью) явились на встречу с великим визирем. Высококостепенный визирь, встретив того, оказал радушный прием, молвя: «Да будет благословенной твоя газа³¹, о мой султан!». Одарив в очередной раз (повторно) собольими мехами, саблей и колчаном, да, усадив на соизмеримую с миром (вращающуюся вокруг мироздания) лошадь с золотой упряжью (сбруей), да выдали акче и алтына³². Однако, поскольку нам не ведомо их число, да посему не прописано то же самое количество. С радостью и довольством (расположением) внимали сокрушению (ударам по) крепости Ниш. Однако же вместе со знаменующим победу войском³³, назначенным для похода на Эрдель³⁴, и кучкой татарского войска, были посланы один султан среди младших сыновей хазрет хана, да несколько паш. Да был назначен же Курс Кыралы Токалы Имре. По прибытии всех вкупе прохождениями через Эфляк (Валахию) в виляет Эрдель-Маджар (Трансильвании и Венгрии), из беспободных визирей немецкого канцлера³⁵, бывший сераскером, проклятый нечестивец и упрямец (тщеславец) по имени Хайзер (Кайзер), с мятежными (вносящими смуту) немецкими и хорватскими неверными³⁶ числом в более тридцати тысяч, явились (добрались), перерезав путь исламскому войску. Исламский сердар³⁷, черкес по происхождению³⁸ Ахмед-паша, да будет милосерден к нему Аллах (да упокоит его душу Аллах), будучи набожным (благочестивым), обладающим храбростью, пашой усердий и совести (скромности)³⁹, воодушевил и ободрил исламское воинство, молвя: «Стойте нерушимо, настал день мужества. Время для милости Преславного (Святого) и Всевышнего Бога, и час, когда отворяются райские врата⁴⁰. Не бойтесь меньшинства (малочисленности). Так уж сложилось, что меньшинство одолевает большинство. Так как, воистину, Аллах, пообещав в Великом Коране, сообщил своим рабам: «Сколько малочисленных отрядов победило многочисленные отряды по воле Аллаха!» Ведь Ал-

³¹ Газа – священная война против неверных, сражение, экспедиция, набег.

³² mükerrer semmur kürk, tiğ ü terkeş ve zerrin rahatlı bir esb-i cihan-peyma dahi bindürüp, aqçe ve altun dahi virilmişdür.

³³ asakir-i zafer-me'âsir.

³⁴ Эрдель – Трансильвания.

³⁵ Nemçe çasarınıñ lâ-teşbih vüzerasından.

³⁶ Nemçe ve Hırvad küffar-ı müfsid.

³⁷ Сердар – военачальник, командующий.

³⁸ Çerkesü'l-asl.

³⁹ Bir dindar, sahib-i şeca'at, ğayret ü ar paşa olmağın.

⁴⁰ Haqq Sübhanehu ve Te'alâ hazretinüñ rahmeti ve bab-ı cennet güşad olduğı vaqtdür.

лах – с терпеливыми»⁴¹. Снизошло знамение (указание). С разъяснением (изложением) сего смысла аята, побудили желание (вызвали желание) к войне за веру (к усердиям)⁴². В то мгновение, связав (выстроив) полки с обеих сторон, были наготове. Точас же явившиеся с проклятым Хайзером (Кайзером) вояки, нисколько не попадаясь на глаза исламского воинства, одним разом, будто бы свиньи, стали нападать⁴³. Исламские витязи (мужи)⁴⁴ в усердии ни на шаг не сдвинулись со своих мест. Да явившихся проклятых злодеев, согласно смыслу из аята «установили их для метания в дьяволов»⁴⁵, обожгли (ужалили) ружейным огнем⁴⁶. Так приступили к беспорядочной войне (военному хаосу), что обреченные обитать в преисподне (западне) неверные, в пылу догадками (сопоставлениями) поняли о предстоявшем бедствии (положении). Пять часов не прекращались вспышки (разлетающиеся искры) войны и противоборства⁴⁷. В конце концов, когда стала очевидным необходимость милости Преславного (Святого) и Всевышнего Бога ниспослать ветер победы на своих рабов, муминов (верующих) и единобожников⁴⁸, следуя словам «Помощь от Аллаха и близкая по-

⁴¹ Сура 2 «Аль-Бакара» («Корова»), аят 249: «Fe lemma fesale talutu bil cunudi, kale innallahe mubtelikum bi neher, fe men şeribe minhu fe leyse minni, ve men lem yat'amhu fe innehu minni illa menigterafe gurfeten bi yedih, fe şeribu minhu illa kalilen minhum fe lemma cavezehu huve vellezine amenу meahu, kalu la takate lenal yevme bi calute ve cunudih, kalellezine yezunnune ennehum mulakullahi, kem min fietin kaliletin galebeth fieten kesiraten bi iznillah, vallahu meas sabirin» – «Когда Талут [Саул] отправился в путь с войском, он сказал: «Аллах подвергнет вас испытанию рекой. Кто напьется из нее, тот не будет со мной. А кто не отведал ее, тот будет со мной. Но это не относится к тем, кто зачерпнет пригоршню воды». Напились из нее все, за исключением немногих из них. Когда же он и уверовавшие вместе с ним перешли через [реку], они сказали: «Сегодня мы не справимся с Джалутом [Голиафом] и его войском». Но те, которые были убеждены в том, что встретятся с Аллахом, сказали: «Сколько малочисленных отрядов победило многочисленные отряды по воле Аллаха!» Ведь Аллах – с терпеливыми».

⁴² terğib-i cihad iderler idi.

⁴³ bir uğurdan hınzır-var hücum eylediler.

⁴⁴ İslâm dilâverleri.

⁴⁵ Сура 67 «Аль-Мульк» («Власть»), аят 5: «Ve lekad zeyyennes semaed dunya bi mesabiha ve cealnahа rucumen liş şeyatini ve a'tedna lehum azabes sair» – «Воистину, Мы украсили ближайшее небо светильниками и установили их для метания в дьяволов. Мы приготовили для них мучения в Пламени».

⁴⁶ tüfenk ateşi ile haşladılar.

⁴⁷ Beş sa'at miqdar zaman şerare-i ceng ü cedel qat' olmayup.

⁴⁸ aqibetu'l-emr Haqq Sübhanehu ve Te'alâ bad-ı nusreti mü'minin ve muvahhidin qulları üzerinden ... muqtezası ayân olduqda.

беда. Сообщил же благую весть верующим!»⁴⁹, все вкупе злонравные неверные были сокрушены⁵⁰, а проклятый Хайзер (Кайзер) попал в плен. А из сокрушенных грешных (порочных) неверных только лишь немногим удалось спастись. А многих настигла гибель и участь пленников, связанных цепями. Хвала Аллаху за хвалой Аллаху⁵¹, с сией радостной вестью, написав листа хазрет великому визирю, известили о положении. По прибытии доброго вестника была учинена великая благосклонность (был оказан хороший прием). Да, выдав ферман флотилии исламского воинства,

<С. 35> от грохота пушек и ружей содрогнулись земля и небеса⁵². А находившиеся внутри крепости Ниш неверные, молвя: «Откуда это исходит? Али (или) подоспела помощь турков?», – взяли языка. Да, расспросив того, получили вести о том, что проклятый злодей Хайзер взят в плен, а его войско вовсе сокрушено. Да охватил их (напал) страх и ужас, однако несколько же дней воевали из-за своих невежественных (мракобесных) стараний. Словом, на двадцать пятый день, не имея сил и выдержки для принятия решений, вывесив (подняв) флаги на крепость, возвысили (вознесли) голоса о пощаде аж до высей небесных. Из благоволимых милостей, охватывающих весь мир, сообразно наполненному горестями и бессилием их положению, милосердно приняв сдачу, грешные (порочные) неверные были выведены из крепости. Обладатель благополучия, премного радуясь и довольствуясь, вознеся похвалу (благодарность) и молитвы совершенной милости и благосклонности Преславного (Святого) и Всевышнего Бога, назначив отдельных людей при выходявших из крепости Ниш неверных, благополучно (невредимо) отправили их к крепости Белград.

После сей великой победы вознамерились отбыть (отправиться) к крепости Белград. Однако прежде имевшие страх в глазах (напуганные) паши и аги, собравшись в одном месте, преподнесли милостыню (садака), молвя его превосходительству, обладателю благополучия: «О наш султан! Не пренебрегая сией великой победой, коль соизволите возвращаться с исламским воинством к благополучию (спасению), тогда не нужно других дел сверх этого. Крепость Белград, настолько починена (отремонтирована) и выстроена на прочной основе у обреченных на преисподню неверных, что с сим войском понадобится сил на три года для войны (сражения) и осады. Случись так, едва ли (с трудом) исламское воинство по некоей уловке потерпит поражение, тогда сим услужениям (делам) суждено рассеяться пы-

⁴⁹ Сура 61 «Ас-Сафф» («Ряды»), аят 13: «Ve uhra tuhubbuneha, nasrun minallahi ve fethun karib, ve beşşiril mu'minin» – «Будет еще то, что вы любите: помощь от Аллаха и близкая победа. Сообщил же благую весть верующим!».

⁵⁰ küffar-ı bed-girdar cümle bozulup.

⁵¹ Elhamdüli'llâh sümme elhamdüli'llâh.

⁵² top ve tüfenk sadasından zemin ü asuman iñledi.

лю (понапрасну). Да ваши братья-визирь из ваших предшественников не добились и десятой части сей победы. Может быть, в один год будет оборона. Хвала Аллаху, по крайней мере, в этом году не было войны (сражения)». И молвили: «Хвала Всевышнему Аллаху, милости и благоволения, что выпали на судьбу хазрет султана, никто иной да не удостоился. Да подобно тому привели много разных опасных (пагубных) примеров и высказали всяческие предположения. Однако предприимчивый, словно Асаф⁵³, визирь, уповая на Аллаха, вверил распоряжение делами Славному и Всемогущему Господу. Ответив, повелели, рассыпая словами из жемчужницы (шкатулки) драгоценностей⁵⁴: «Братья-паши и спутники-аги, ваши ответы кажутся верными (благостными) соображениями. Во что бы то ни стало, мы не оказались в сей пропасти (опасности) по своим раздумьям, а были уполномочены (для службы)». Люд путем сопостсалвения пришел к суждению, что избежит (отстранится) от падишаха. Будто бы (разве только) каждую ночь, видя въявь султана двух миров, хазрет Посланника к людям и джиннам⁵⁵, их знаками (символами) толковал о своем прибытии. Люди беспечны (опрометчивы) в том, в таком положении⁵⁶. Дело не в важных смыслах для людей от сих знаков (загадок) и сокровищ, Вам лучше знать, о мой султан».

<С. 36> Да, сказав на том, когда все пошли в свои шатры, перемолвились между собой (друг с другом). И наконец, сказали: «Сей одержимый (глупец) лишен ума, он станет причиной поражения исламского воинства».

Отступление⁵⁷: По предписанию (воле) Всевышнего Аллаха, когда однажды под крепостью Ниш совершалась починка крепости, в виде порхавших в воздухе горных ласточек появилось много черных птиц⁵⁸. Тотчас же все они вкуче приземлились на опоясывающий мироздание шатер⁵⁹ великого визиря, хазерт Мустафа-паши. Да стали, словно бы, совещаться и разговаривать промеж собой (друг с другом) на своем языке. И с широким (обильным) знаком (символом) блага явили знамение победы⁶⁰. Устроенный словно Юпитер, визирь, созерцая за сими счастливыми (благополуч-

⁵³ Асаф – визирь (министр) пророка Сулеймана (мир ему!), прославившегося своей мудростью.

⁵⁴ kelâm-ı cevahir-nisarıyla ... deyü buyurdılar.

⁵⁵ Meger her gice hazret-i sultan-ı kevineyn Resulü's-seqaleyn hazretlerin vaq'asında görüp.

⁵⁶ Ve'n-nas an-ha ğafilün.

⁵⁷ Ve Mine'n-nevadir.

⁵⁸ ber-heva mürğ-i eabil şeklinde vafır siyâh mürğan peyda olup.

⁵⁹ otaq-ı gerdun-nitaqı üzre bi'l-cümle gelüp qondılar.

⁶⁰ ve ferah-ı alâmet-i hayr ile nusret-nişanın gösterdiler.

ными) птицами⁶¹, предрекли (сулили удачу), говоря: «Хвала Всевышнему Аллаху! Такова помощь со стороны Славного (Святого) и Могущественного Господа, и таково знамение победы. Ежели так будет угодно Милостивому Аллаху!». В самом деле, никто еще не видел таких удивительных (необычных) начертаний в птичьем облике из горных ласточек⁶². Словом, всякий из исламского войска созерцал за сими птицами да, суля благо, молвили: «Коль на то воля Аллаха, это Божий знак о предстоящей великой победе». Да согласно истинности (достоверности) слов «Язык людской – Божьи перья (для письма)»⁶³, то и свершилось. Вслед за тем, переправившись изпод крепости Ниш, отправились (потекли) с намерением достичь прелестно благоустроенного Белграда⁶⁴. Вышеупомянутые черные птицы, летая вместе (в сопровождении) с исламским воинством⁶⁵, в месте остановки все разом (все вкупе) приземлились на опоясывующий мироздание шатер визиря с отметкой Асафа⁶⁶. Осели и утвердились. Добродетельный и сведущий (знающий) визирь соизволили выдать предупреждение (наставление) действующим служителям мехтера⁶⁷ и прочим лицам, молвя: «Стерегитесь (осторожно), настоятельно избегайте случая вспугнуть хотя бы одну из благословенных птиц, при их прибытии стаей».

Завоевание (взятие) Семендире

Оставляя позади стоянку за стоянкой, сокращая дальность между останковками⁶⁸, однажды совершили привал близ Семендире. Достославный (высококостепенный) визирь, в постоянном склонении муминов (верующих) к газе, воодушевил их полной благосклонностью и чрезмерностью⁶⁹. А паши и аги жаждали (обрели жажду) услужения на совершенной стойкости (прямоте). Так как, воистину, Преславный (Святой) и Всевышний Аллах повелевает в Великом Коране, обращаясь к Посланнику хазрет Мухаммеду

⁶¹ Vezir-i Müşteri-tedbir bu tayr-ı ferhundeyi müşahede qılup.

⁶² Haqıqatı'l-hal böyle acibü'l-eşkâl mürğ-i eabilile qıyâfet-i quş kimesne görmüş degil.

⁶³ Lisanü'l-halq aqlâmü'l- Naqq.

⁶⁴ azm-i Belgrad-ı behcet-abad deyü revan oldılar.

⁶⁵ asker-i İslâmıla ma'ıyyeten pervaz idüp.

⁶⁶ qonaq mahallinde bi'l-mecmu' vezir-i Asaf-nişanıñ otaq-ı gerdun-nıtaqı üzre qonup, mesken ü qarar iderler idi.

⁶⁷ Мехтер – военно-музыкальный янычарский оркестр; пристав, камергер, имеющий всегда доступ к шаху; музыкант, участвующий в военной музыке; слуга, расставляющий палатки; чиновник, раздающий жалованье войску, делающий ему наряд на службу и ведущий ему счет.

⁶⁸ Tayy-yi merahil ve qat'-ı menazil birle.

⁶⁹ ihsan-ı tam ve mübalâğa şevq virüp.

Мустафа, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха: «*Ya euuhen nebiyyu harridil mu'minine alel kital, in yekun minkum işrone sabirune yağlibu mieteyn, ve in yekun minkum mietun yağlibu elfen minellezine keferu bi ennehum kavmun la yefkahun*»⁷⁰. «*Vallâhü meas sabirin (sabirine)*»⁷¹.

<С. 37> То есть: «*О Пророк! Вдохновляй верующих на сражение. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они одолеют две сотни; если же их среди вас будет сотня, то они одолеют тысячу неверующих, потому что они – люди неразумные: не знают Всевышнего Аллаха и не веруют в День Страшного Суда (День Воскресения). Посему неверующие не смогут стоять с опорой так же, как и верующие. Ибо верующие уповают (надеются) на благо и степени возвышенности от Всевышнего Бога. Неверующие не ведают того. Сие положение не свойственно им*». «*Воистину, Аллах – с терпеливыми*». Исходя из смысла слов «Открывающий путь к добру (благу) равен творящему его (добро)»⁷², подобный Юпитеру и предприимчивому Асафу, визирь⁷³, несравненный министр (надзиратель) земли и небес⁷⁴, то есть Копрюли-заде Мустафа-паша, с чистым намерением, облегчив с помощью Преславного и Всевышнего Бога устремления (желания) веры и мирские дела, и, удостоившись благ сообразно с намерением сердца да, сохранив и защитив (обезопасив) себя от всяческих бед (печалей), в один из счастливых (благословенных) дней добрались до крепости Семендере. Да, отослав прежде упомянутого человека, известили словами: «Призываем вас к исламской вере, или же дадите джизье, да согласитесь стать подвластными (реая)». А когда же заблудшие по своему норову неверные⁷⁵ не приняли ни одно из условий, тотчас же был дан ферман, дабы взять в осаду все по кругу и обвести траншеей⁷⁶. Выставив сокрушающие крепости

⁷⁰ Сура 8 «Аль-Анфаль» («Трофеи»), аят 65: «*Ya euuhen nebiyyu harridil mu'minine alel kital, in yekun minkum işrone sabirune yağlibu mieteyn, ve in yekun minkum mietun yağlibu elfen minellezine keferu bi ennehum kavmun la yefkahun*» – «О Пророк! Вдохновляй верующих на сражение. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они одолеют две сотни; если же их среди вас будет сотня, то они одолеют тысячу неверующих, потому что они – люди неразумные».

⁷¹ Сура 8 «Аль-Анфаль» («Трофеи»), аят 66: «*El ane haffefellâhü anküm ve alime enne fiküm da'fa fe iy yeküm minküm mietün sabiratüy yağlibu mieteyn ve iy yeküm minküm elfüy yağlibu elfeyni bi iznillah vallâhü meas sabirin*» – «Теперь Аллах облегчил ваше бремя, ибо Ему известно, что вы слабы. Если среди вас будет сто терпеливых, то они одолеют две сотни; если же их среди вас будет тысяча, то с позволения Аллаха они одолеют две тысячи. Воистину, Аллах – с терпеливыми».

⁷² Хадис: *دال الخير كفا عله*

⁷³ *vezir-i müşteri tedbir-i Asaf.*

⁷⁴ *nazir-i ferid arz ve sema.*

⁷⁵ *kefere-i dalâlet-ayin.*

⁷⁶ *heman ferman olunup, etrafindan muhasara olundu ve metrisler alunup.*

и низвергающие горы, большие пушки балемез⁷⁷, превратили крепость Семендире в летающую саламандру (в стаю саламандр) внутри искрения (вспышек) обжигающего (воспламенившегося) огня⁷⁸. Так, сражаясь два дня, на третий день явилась милость султана мира, властелина людей и джиннов, и души, да свершилась победа Милостивого⁷⁹. Обреченные обитать в преисподне неверные⁸⁰, вывесив (подняв) свои флаги на башню крепости, со сдачей возвысили свои голоса аж до небес, выкрикивая: «Просим пощады, ради Бога!»⁸¹. Высокоусердный визирь⁸², велел принять сдачу. Так что крепость Семендире была завоевана (покорена). Вслед за тем, согласно старому обычаю, назначив людей при выводимых из крепости неверных, да по пути вплоть до Белграда никому не причинили обид (огорчений). А визирь с душою (величиною) в море, созерцая за сией великой победой, денно и ночью восхвалял и молился Преславному и Всевышнему Богу, да возносил сто тысяч бесконечных благодарностей (шюкр)⁸³. Да настолько (в такой мере) одаривал милостями корпус (род) слуг (кул таифеси), что по сравнению с этим ничтожной вещью (ничем) могла показаться даже готовность мусульманских газиев из своей любви отдать душу ни один раз, а может быть, и многократно, да покласть голову (пожертвовать головой) на алтарь его благополучия (счастья)⁸⁴. Да простит Преславный и Всевышний Аллах его недостатки (грехи)!⁸⁵

<С. 38> Завоевание (покорение) Белграда

Заключение (сущность) речи из намерения⁸⁶ таково, что после починки (ремонта) разрушенной крепости Семендире, изнутри ее вдвои набили продовольствием и снаряжением (необходимостями), да заполнили всякими войсками. Однажды, выстроив полки на рассвете (спозаранку), большие барабаны и накарре (литавры, барабанчики) в мехтере, да удары в большие

⁷⁷ Kebir qal'â-şiken ve kuh-efgen balyemez toplar çekülüp. Балемез – дальноточная средняя пушка, стрелявшая ядрами от 10 до 40 окка.

⁷⁸ qal'â-i Semendire'yi şerare-i ateş-süzan içre tayr-ı semendire dönderdiler.

⁷⁹ üçüncü gün inayet-i sultan-ı cihan ve malik-i ins ü cinn ve can ve nusret-i Rahman zuhura gelüp.

⁸⁰ kefare-i düzah-mekin.

⁸¹ vire bayraqların burc-ı hisara diküp: “Aman, el-aman!” avazın asümane peyveste eylediler.

⁸² vezir-i ali-himem.

⁸³ Bu feth-i ekberi vezir-i deryâ-dil müşahede qıldıuçça Haqq Sübhanehu ve Te'al â hazretlerine leyl ü nehar hamd ü senalar ve sad hezar şükr-i bi-nihaye eyler edi.

⁸⁴ Ve qul ta'ifesine ol mertebe ihsan ider idi ki, ğuzat-ı müslimin muhabbetlerinden uğrına bir kerre degil, belki bir niçe kerre can virmek ve kelle feda eylemek lâ-şey olmuşdı.

⁸⁵ Haqq Sübhanehu ve Te'alâ taqşiratın afv eyleye!

⁸⁶ Netayic-i kelâm ani'l-meram.

литавры (большие барабаны), да шум Искандеров покрыли грохотом лик (поверхность) мира⁸⁷. С воодушевлением и суматохой, радостно и счастливо (в довольстве) предпринялись идти походом к крепости Белград. Добравшись до места напротив крепости, соизволили остановиться привалом из своего опоясывающего мироздание шатра⁸⁸. По прежней же манере, написав письмо, послали человека. Рассыпающие перлы слова в содержании письма таковы⁸⁹: «Или принимаете веру исламскую, или же, согласившись на джизье, как и прочие подвластные зимми⁹⁰, обретете покой (безмятежность) под хумаюновым покровительством достославного падишаха». Молвя на том, проклятые злодеи внутри крепости Белград, не приняв ни одного из условий, подверглись искушениям шайтана, да отделились от достойных милости Милостивого деяний⁹¹, да стали пустословить (нести вздор) и говорить бессмыслицу⁹². А когда молвили: «Крепость не сдадим, да не принимаем не одно из условий», – посланный человек явился с сим ответом. Точас же выдал ферман ознаменованному победами войску для взятия крепости Белград⁹³, янычары и сипахии, да с одной стороны албанцы (Agnabud), боснийцы (Воџнаџ), татары, турки, туркмены, сарыджа⁹⁴ и секбаны⁹⁵ спохватились за осаду и окружение. Да со многих сторон были проложены траншеи (окопы)⁹⁶ да, приладив низвергающие горы пушки⁹⁷, занялись нанесением ударов по крепости Белград. Поджигая со всех сторон столько сокрушающих башни пушки⁹⁸, да с выстрелами из главной пушки⁹⁹, после того, как в глазах заблудших по своему норову неверных, оса-

⁸⁷ bir gün ale's-seher alaylar bağlanup, tabl-ı naqqare mehteri ve darb-ı kös ve velvele-i İskenderi arsa-i aleme velvele düşürüp.

⁸⁸ otaq-ı gerdun-nitaqlarından nüzul buyurdılar.

⁸⁹ Derun-ı namede münderic elfaz-ı kehribarları.

⁹⁰ Зимми (ehlü'z-zimmi – букв. «люди договора») – собирательное название немусульманского населения на территории государств, созданных или завоеванных мусульманами, где правовая система основывалась на законах шариата.

⁹¹ tabi'-i nefis-i şeytan ve ba'id-i lâıyiq-i Rahman oldılar.

⁹² herze vü halt eylediler.

⁹³ Heman qal'â-i Belgrad'ı, asker-i zafer-me'asire ferman idüp.

⁹⁴ Сарыджа – нерегулярное войско, корпус нерегулярных стрелков.

⁹⁵ Секбан – пограничные войска, наемники крестьянского происхождения в Османской империи. Термин *секбан* первоначально относился к нерегулярным военным подразделениям, особенно к тем, у которых нет оружия, но в конечном итоге он стал относиться к любой армии за пределами регулярных вооруженных сил.

⁹⁶ bir niçe mahallden metrisler quruldı.

⁹⁷ ve kuh-efgen toplar uydurup.

⁹⁸ Her taraftan bunca qulle-şiken toplara ateş urulup.

⁹⁹ ve ana top.

жденных в крепости Белград, обширный мир показался тесным и ничтожным¹⁰⁰, на следующий день спозаранку (на рассвете) снова принялись за дело. Да, приладив огромные ударные бомбы¹⁰¹, полностью осыпали огнем внутри крепости. В особенности, подрывники изрешетили землю наподобие земли вечности¹⁰². С умышленным сносом (пробиванием) крепостных стен, да при разрушении внутренности крепости пушками и бомбами, учинили такую великую войну, что знаменовала собой День Светопреставления¹⁰³. Однако, когда неверные отбирали крепость Белград из рук исламского люда, она (крепость) подверглась разрушению. Несшие убытки (ущерб) проклятые злодеи да молвили: «Конечно же, однажды явится исламский люд, да не оставят нам сию крепость, приложив усилия для ее взятия». Сообразно необходимости смысла хадиса «Предатель тот, что трус»¹⁰⁴, настолько (в такой мере) благоустроено и прочно починили ее (крепость), что лицезревшие на нее люди свидетельствовали о ее укреплённости больше, нежели от крепости Кандие. Да всякий видевший молвил:

<С. 39> «Сей крепости, ежели в таком порядке безостановочно (последовательно) сокрушать ее в продолжении годичной войны, вовсе невозможно причинить ущерб. Просто-напросто напрасный (бесполезный) труд, дабы обременять (утруждать) себя¹⁰⁵. Однако второй Асаф, простодушный визирь, денно и ночью, а может быть, и в каждый благословенный час, силой (помощью) мольбы просил у Вечного Господа о завоевании (покорении) Белграда¹⁰⁶. Вышеупомянутым образом, после шестидневной войны на седьмой день, по предписанию Всевышнего Аллаха, зажгли ударные бомбы¹⁰⁷. Да когда снаряды снизошли с небесных высей подобно черному орлу (наказанию), то попали в охраняемый (защищенный) пороховой склад (арсенал)¹⁰⁸. Да бесконечный черный порох, содержащийся внутри него (склада), безмерный черный порох превратился в жгучее пламя. С од-

¹⁰⁰ qal'â-i Belgrad içinde mahsur olan kefere-i dalâlet-ayin gözlerine, vasi' cihan teng u tar olduqdan soñra.

¹⁰¹ azim havan humparaları uydurılıp.

¹⁰² Ba-husus lağımcılar huldü'l-arz misali zemini delik-delik deldiler.

¹⁰³ Qal'â divarına qasdile qazmaqda ve top, humpara derun-ı qal'âyı bozmaqda böyle bir ceng-i azim ki, yevm-i rüsthizden nişan virür.

¹⁰⁴ el-ha'inü hayifün.

¹⁰⁵ Heman abes yere bir zahmetdür ki, çekilür.

¹⁰⁶ Amma vezir-i Asaf-ı sani, saf-dil, şeb-ruz, belki her sa'at firuz dest-i tazarru' ve niyâzile Huda-yı lem-yezelden feth-i Belğrad'ı reca eyler idi.

¹⁰⁷ yedinci gün bi-emri'llâhi Te'alâ bir hevan humparasına ateş idilüp.

¹⁰⁸ uçab misal evc-i semadan nüzul eyledükde qal'â- Belğrad'ın mahfuz barud cebehanesine isabet.

ного раза крепость Белград с башнями и вышками вокруг реки Сава¹⁰⁹, с несущими убытки проклятыми стражниками числом в более тысячи человек, у туго (до краев) набитых складов оружия и военного снаряжения внутри нее (крепости), оторвавшись со своих мест и глыбей (дна) земли, взлетели до наивысших небесных вершин¹¹⁰. Тысячи молний, да громоподобные яростные (гневные) и возбуждавшие страх (сомнение) шумы и грохотания, сотрясали лик земли и небесные своды, да привели все в движение¹¹¹. Да наполнили до краев поверхность земли и вершину небес необычным (странным) и разноцветным (всяческих цветов) дымом¹¹². Да камня земля, долетевшие в сём мраке до вершины небосвода, подобно дождю бедствия, полились на крепость Белград¹¹³. Всякое, что попадалось, будь то в виде строения, будь то скальные глыбы (очень твердые камни), мелкие и разрушенные, пронизывало глыбы (дно) земли¹¹⁴. Да некоторые осколки (кусочки) посыпались на албанских слуг¹¹⁵, находившихся в окопах, посему много людей погибло. Однако невиданные беды обрушились на напрасные (бесполезные) головы грешных (порочных) неверных. Услышавшие сей наводивший страх (ужас) голос, согласно смыслу аята *«Они же в смертельном страхе затыкают уши пальцами от [грохота] молний»*¹¹⁶, охваченные совершенным ужасом и крайним испугом, стояли с пальцами во рту (ошеломленными).

Словом, три дня и три ночи огонь накрывал всю крепость Белград. Имевшиеся в крепости пушки и ружья, накаленные до предела, выстреливали с грохотом, оповещая час наступления Дня Соборания (Дня Светопре-

¹⁰⁹ Сава – река в юго-восточной Европе, правый приток Дуная (Черноморский бассейн).

¹¹⁰ yerinden ve qa'r-ı zemininden qoparup, evc-i felek valâsına çıkarup.

¹¹¹ hezar sa'ıqa ve ra'd-var hışm-nak ve vehme-nak gürüldi ve günbürdi, ru-yi zemini ve saqf-ı asüman yerin lerze-nak ve harekete getürüp.

¹¹² ve arsa-i ğabr ve evc-i semayı, guna-gun elvan-ı acibe duhanıla malâ-mâl doldırup.

¹¹³ ve bu zulümat içinde evc-i asümane uruc iden seng-i turab qal'â-i Belğrad üzerine manend-i baran belâ yağup.

¹¹⁴ bina' şekl ve seng-giran rast geldügi her ne ise hurd u helâk qa'r-ı zemine geçürdi.

¹¹⁵ Arnabud qulı üzereie serpülüp.

¹¹⁶ Сура 2 «Аль-Бакара» («Корова»), аят 19: «Ev ke sayyibin mines semai fihi zulumatun ve ra'dun ve berk, yec'alune esabiahum fi azanihim mines savaiki hazaral mevt, vallahu muhitun bil kafirin» – «Или же они подобны тем, кто оказался под ливнем с неба. Он несет мрак, гром и молнию. Они же в смертельном страхе затыкают уши пальцами от [грохота] молний. Воистину, Аллах объемлет неверующих».

ставления)¹¹⁷. А грешные (порочные) неверные старательно служили (исполняли приказания), спускаясь с неба на землю по пятеро, по десятеро, подобно черным воронам¹¹⁸. Ибо исламские газии воочию созерцали сие руководство к прямому Пути (хидает) от Преславного Бога и человеческое чудо (людскую щедрость)¹¹⁹. Произнося такбир¹²⁰ со всех сторон возгласами Аллах-Аллах, со штурмом крепости Белград из открывшихся прощелин, находившиеся внутри крепости презренные (смешанные с землей) неверные¹²¹, сорок тысяч злонравных проклятых чертей¹²², ошеломленные увиденным, взяв в руки шапки, молвили: «Сдаемся, сдаемся»¹²³. То есть говорили: «Сей путь таков: вы – победители. Пощадите!». Однако вошедшие строевым ходом левенды-львы¹²⁴ (моряки-львы)¹²⁵, всех вкупе несших убытки неверных казнили проливавшими кровь саблями, да пленили¹²⁶. Однако при взрывах да трескотне пушек и бесчисленных бомб на поле брани¹²⁷, многие из мусульманских газиев испили шербет мученической смерти от подносивших (подававших) питье смерти¹²⁸. Да удостоились благоденствия (жили в достатке) на нивах (житницах) рая¹²⁹, да смилостивится над ними всеми Всевышний Аллах¹³⁰.

<С. 40> Крепость Белград со стороны Аллаха, милостью Властелина, того, к Кому прибегают за помощью, была завоевана¹³¹. Хвала Господу миров, в году тысяча сто первом (1101). Тот рассудительный, ученый (знаю-

¹¹⁷ qal'âda olan top u tüfenk qızup gürül-gürül atılıp, yevm-i Maşherden bir vaqt olmuşdur.

¹¹⁸ Kefere-i fecere qara quzğunlar misali semadan zemine beşer-onar dökülmege mülâzim olduqda.

¹¹⁹ çünkü ğaziyân-ı İslâm bu hidayet-i Sübhani ve keramet-i insani re'yü'l-ayn müşahede qıldılar.

¹²⁰ Такбир (*араб.* «возвеличивание») – в исламе – возвеличивание Аллаха словами «Аллаху Акбар» («Аллах – Велик!») или «Аллах – Величайший!»). Произносят во время азана, намаза, в течение Курбан Байрама, во время зикра.

¹²¹ derun-ı qal'âda bulunan küffar-ı hakisar.

¹²² kırq biñ miqdar lâ'in-i bed-ayin.

¹²³ Zance Zance.

¹²⁴ Левенд – моряк, вольный, поступающий самовольно; бродяга.

¹²⁵ Amma yürüyüşile dühul iden levendan-ı şir-nerler.

¹²⁶ kefere-i hasirini tığ-ı hun-feşanile bi'l-cümle qatl ve esir iderler.

¹²⁷ Lâkin mahall-i ma'rekede ateş düşen toplar ve bi-hisab humparalar patlayup çatlayup.

¹²⁸ ğuzat-ı müsliminden çoq kimesne şerbet-i şehadeti saqi-i ecelden nüş.

¹²⁹ hireman-ı Firdevs na'im olmuşdur.

¹³⁰ rahmetu'llâhi Te'alâ aleyhüm ecma'in.

¹³¹ Qal'â-i Belğrad min qıbeli'r-Rahman bi-inayeti'l-melikü'l-müste'an feth olundu.

щий в делах) и добродетельный (благонравный) визирь¹³², исполнив и соблюдая, как подобает (как должно), шариат (пророка) Мухаммеда, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует, полностью избавил своих подвластных неимущих от угнетения и провинностей. Да, получив от всех молитвы в свое благо, направился на газу. Благословенный и Всевышний Аллах так облегчил всякие его дела, что завоевав и покорив в течение трех месяцев владения скверных (дурной жизни) неверных¹³³, захваченных за семь лет, рассудил да присоединил к богохранимым царским владениям (стране)¹³⁴. Так как, воистину передано от Ибн Омара (Ибн Умара)¹³⁵, да будет доволен им Аллах: «Неби (пророк), мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, сказал: «Жестокость станет кромешной тьмой для угнетателя в Судный День»¹³⁶.

Верши справедливость, ибо в День Светопреставления твой столб справедливости (правосудия)

Станет Божественным лучом, что до смерти будет положен по праву тебе.

Однако же угнетатель не видит пути, пусть же (он) не пройдет через Сырат¹³⁷,

Ибо в День Суда его несправедливость (жестокость) окажется мраком¹³⁸.

Согласно сему смыслу, сам мир, что будет таким в вечности, яснее солнца¹³⁹. Одни из предшественников покойного Копрюли-заде, в каком бы виде ни шли в поход, да в какой бы ни были форме, были казнены (убиты) с появлением, а другие – погибли в пути. Слова аята «Воистину, Аллах

¹³² Ol vezir-i aqıl ü alim ü fazıl.

¹³³ kefere-i bed-ma'aş.

¹³⁴ memalik-i mahrusa-i hüsrevaneye fehm ve ilhaq eyledi.

¹³⁵ Абдуллах ибн Умар / Абу Абдурахман Абдуллах ибн Умар ибн аль-Хаттаб аль-Кураши (610–693) – исламский ученый-богослов, хадисовед и правовед. Один из молодых сподвижников пророка Мухаммеда (с.а.с.) и сын второго праведного халифа Умара ибн аль-Хаттаба.

¹³⁶ Buhari, 2315; Müslim, 2579; Tirmizi, 2030: الظلم ظلمات يوم القيامة

¹³⁷ Сырат (*араб.* дорога, прямая стезя) – мост, проведенный над адом, тонкий как волос, острый как сабля; через него праведные пройдут в рай с быстротою молнии и ветра, а грешники поскользнутся и низвергнутся в огонь вечный.

¹³⁸ Adl qıl kim ruz-ı mahşerde adalet direğın // Nur-ı Haqq'dur kim ölünce hari bizzat olur // Lik zalım yolunu görmez Sıratı geçmesin // Kim Qıyâmetde aña zulm işleri zulûmat olur.

¹³⁹ mefhumunca ahiretde böyle oluncaq dünyâda hod azher-i mine'ş-şemsdür.

не любит изменников»¹⁴⁰ проходят (передуют) в суре «Анфаль» («Трофеи»). Да снизошедший (с неба) аят же *«Те, которые уверовали, совершили переселение и сражались на пути Аллаха своим имуществом и своими душами, выше пред Ним. Они являются преуспевшими»*¹⁴¹ неизбежен в исполнении.

Сущность речи (заключение), то есть из намерения¹⁴² такова: назначенное на Эрдель (Трансильванию) знаменное победами войско¹⁴³, разбив злодейский лагерь¹⁴⁴, да после пленения проклятого Хайзера (Кайзера), завладело и управляло тридцатью тремя крепостями виляетов Эрдель-Маджар (Трансильвания и Венгрия). А потом получившие поручение идти на реку Туна (Дунай) ущербные неверные¹⁴⁵, да находившиеся в крепости Видин и в крепости Фетх'юль-ислам¹⁴⁶ проклятые черти, пойдя походом на них, обрекли себя на погибель. Да когда их крепости были завоеваны, полностью взяты и покорены,

<С. 41> а исламские владения (страны) очистились от нечестивых (запачканных) неверных¹⁴⁷, тогда прозвучали благословенные азаны в благословенных (священных) мечетях¹⁴⁸. Да после произнесения тасбиха¹⁴⁹ и возведения святости (такдис) на имя Бога¹⁵⁰, когда сия доставлявшая удовольствие приятная (добрая) весть была поспешной передачей сообщена предводителю, высокостепенному хазрет визирю¹⁵¹, вознеся многократно хвалу и молитвы, да безмерные (несравненные) благодарности (шоукр)

¹⁴⁰ Сура 8 «Аль-Анфаль» («Трофеи»), аят 58: «Ve imma tehafenne min kavmin hiyaneten fenbiz ileyhim ala sevain, innallahe la yuhıbbul hainin» – «А если ты опасешься измены со стороны людей, то отбрось договорные обязательства, чтобы все оказались равны. Воистину, Аллах не любит изменников».

¹⁴¹ Сура 9 «Ат-Тауба» («Покаяние»), аят 20: «Ellezine amenu ve haceru ve cahedu fi sebilillahi bi emvalihim ve enfusihim a'zamu dereceten indallah ve ulaike humul faizun» – «Те, которые уверовали, совершили переселение и сражались на пути Аллаха своим имуществом и своими душами, выше пред Ним. Они являются преуспевшими».

¹⁴² Netayic-i kelâm, ani'l-meram.

¹⁴³ asakir-i zafer-me'asir.

¹⁴⁴ tabur-i bed-kârı dahi qırup.

¹⁴⁵ kefer-e-i hasirin.

¹⁴⁶ Фетх'юль-ислам – завоевание ислама.

¹⁴⁷ memleket-i İslâm, mülevves-i murdar kâfirlerden pak olup.

¹⁴⁸ cevami'-i şeriflerde ezan-ı şerifler oqundı.

¹⁴⁹ Тасбих – произнесение хвалы Богу, многократное повторение слов и фраз поминаний Аллаха, а именно «СубханаЛлах» – «Пречист Аллах».

¹⁵⁰ tesbih ü taqdis olunduqdan soñra.

¹⁵¹ bu müjde-i safa-bahş, server-i vezir-i ali-cah hazretlerine sür'at-i mürurıla i'lâm olunduqda.

Преславному и Всевышнему Богу¹⁵², великая радость появилась внутри исламского воинства¹⁵³.

После этого разрушенные и попусту утерянные (растраченные) места крепости Белград, как и прежде (по прежнему образу), были починены. Да после полного приготовления всего необходимого снаряжения и размещения воинственных газиев внутри крепости Белград, визирь с характером (природными качествами) Асафа велел возвращаться благополучно (невредимо) и в достатке (с трофеями)¹⁵⁴. Добравшись до большого охраняемого города Эдирне (Адрианополя)¹⁵⁵ за месяц до ноябрьских дней, после радушного приема с совершенными почестями от его превосходительства падишаха, прибежища мира, в сопровождении (в свите) одаренного величием (сановного) падишаха отбыли в Богохранимый Константинополь¹⁵⁶. Весь вкуче люд Исламбола¹⁵⁷, выйдя навстречу, да молвил: «Да будет благословенной ваша газа! Пусть всегда твои враги будут побежденными (разбитыми) и униженными!». Да на той благодостной молитве остановились в хумаюновом дворце, да каждый прибыл к своему привалу. «Воистину, Аллах способен на всякую вещь»¹⁵⁸.

Бейт (двустиише) сочинителя¹⁵⁹:

Добродетельный (благородный) визирь и знаток а науках,
Что был обладателем благочестия (богобязненности) среди людей порядков.

Сын от предков, что был владетелем благополучия,

¹⁵² Haqq Sübhanehu ve Te'alâ hazretlerine tekrar be-tekrar hamd ü sipas ve şükr-i bi-qiyâs eyleyüp.

¹⁵³ asakir-i İslâm içinde şürur-ı azim hasıl oldu.

¹⁵⁴ salim ü ğanim vezir-i Asaf-şiyem avdet buyurup.

¹⁵⁵ ruz-ı Qasım'dan bir ay muqaddem mahmiyye-i Edrene'ye vusul bulup.

¹⁵⁶ padişah-ı alem-penah hazretlerinden kemal i'zaz u ikramile tevqır olunduqdan soñra padişah-ı zi-cah hazretleriyle ma'ıyyeten Qostantaniyyetü'l-mahrusayâ azimet olundi.

¹⁵⁷ Исламбол («обилие ислама») – фигуральное название Стамбула.

¹⁵⁸ Сура 2 «Аль-Бакара» («Корова»), аят 20: «Yekadul berku yahtafu ebsarehum kullema edae lehum meşev fihi, ve iza azleme aleyhim kamu ve lev şaellahu le zehebe bi sem'ihim ve ebsarihim innallahe ala kulli şey'in kadır» – «Молния готова отнять у них зрение. Когда она вспыхивает, они отправляются в путь, когда же опускается мрак, они останавливаются. Если бы Аллах пожелал, Он лишил бы их слуха и зрения. Воистину, Аллах способен на всякую вещь».

¹⁵⁹ Beytü'l-Münşi: Bir vezir-i fazıl u kâmil ulüm // Sahib-i taqva idi ehl-i nüzum // İbn an-cedd sahib-i devlet idi // Pür-hüner şer'i qavi yârar idi // Adle ma'il oldı halq içinde ol // Anıñçün nusret-i Haqq buldı yol.

Одаренный искусствами (талантами), твердо соблюдавший шариат, да тем и годился.

Он склонялся к справедливости среди люду,
Посему Божественная победа нашла свой путь.

В самом деле, к своему времени он был высокостепенным визирем, достойным называться справедливым, да смилостивится Аллах над ним.

Ибо сия величайшая победа была достигнута (заполучена) с легкостью¹⁶⁰. Его превосходительство, Селим Герай-хан, под этим предлогом обратился с просьбой к великому визирю, хазрет Мустафа-паше: «Я изнемогал (захворал) да состарился¹⁶¹. Не годен уже я (нет сил у меня) для исполнения своей службы (для служения). С государственного разрешения весьма сильно желаю посетить Дом Аллаха (Бейтуллах)¹⁶². Убедительно прошу же от их счастливого превосходительства (могущества)¹⁶³,

<С. 42> велеть наделить сего спасителя (избавителя) возможностью удостоиться сего высокого сана и сих высших степеней¹⁶⁴». Молвя на том, настойчиво умоляли¹⁶⁵. Достославный визирь же принял их просьбу и мольбу. Да с государственного позволения после облагодетельствования и одаривания со стороны Высочайшего Государства семьюдесятью юками¹⁶⁶ акче, отреклись от Крымского ханства по своему согласию. А на их (хана) место, в виде престолонаследника было сочтено благоразумным и подобающим учинить ханом двоюродного брата Саадет Герай-султана. Его превосходительство, Селим Герай-хан, сев на корабль из города Константинополь, по египетской дороге отбыли и направились в благословенный хадж. Да отправились, произнося благословенные возгласы «Вот я перед тобой, о Аллах!»¹⁶⁷. О Аллах, облегчи стремления (желания) предков и всей уммы Мухаммеда, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха!¹⁶⁸

¹⁶⁰ Çünkü bu feth-i ekber asanü'l-vech müyesser oldı.

¹⁶¹ Alilü'l-vücut ve ihtiyâr oldım.

¹⁶² İzn-i şehriyârile ziyâret-i Beytu'llâh itmek ğayet ile müştâqım.

¹⁶³ Cenab-ı sa'adetlerinden dahî reca ve iltimasım budur ki.

¹⁶⁴ bu rütbe-i valâyâ ve bu meratib-i a'lâyâ bu muhallislerini na'il buyurmalarıyla behremend buyurıla.

¹⁶⁵ niyâz-mend oldılar.

¹⁶⁶ Юк – вьюк, груз, бремя, воз; денежная мера, заключающая 100,000 пиастров.

¹⁶⁷ ve Allahümme lebbeykve sa'dıñ sadası güyân-ı revan oldılar.

¹⁶⁸ Min taleb cedd ü cedd Allahümme yesirli ve cemi' ümmet-i Muhammed salâ'llâhü Te'alâ aleyhi ve sellem.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Demir U. Tarih-i Mehmed Giray (Değerlendirme-çeviri metin): Yüksek Lisans Tezi / Uğur Demir. Danışman: Prof. Dr. Necdet Öztürk. İstanbul, 2006. 163 s.
2. Tarih-i Mehmed Giray. Mehmed Giray [VerfasserIn]; Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774–1856 [Vorbisitzer] // Österreichische Nationalbibliothek [Электронный ресурс]. URL: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_8000142&order=1&view=SINGLE

Сведения об авторе и переводчике: Абдуземилев Рефат Рустем огълы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымско-татарской филологии, истории и культур этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (“Mehmed Geray’s History”). Part 3*

Refat Abduzhemilev

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (1682–1703) by the Crimean Tatar historiographer Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi is the narrative source reflecting the history of the Crimean Khanate and the Ottoman state in 1682–1703. The date of the work is 1703 (completed in the month of Rejeb 1115). A copy of the chronicle has been preserved in the funds of the Austrian National Library (Österreichische Nationalbibliothek) under the cipher (inventory number) No. 1080, Cod. H.O.86 HAN MAG. Volume (folio) – 125 sheets in taalik script, sheets are small. There are verses on 125 sheets. The manuscript is not marked with the title, but has an appraisal prescript: “Tarih-i Mehmed Geray Qara Mustafa Paşa cenklerin söyler üçüncü Sultan

* Continuation. See the beginning in: Abduzhemilev R.R. Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (“Mehmed Giray’s History”). Part 1. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 189–214. DOI: 10.22378/kio.2022.1.189-214; Part 2. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 176–192. DOI: 10.22378/kio.2022.2.176-192

Mehmed Han vaqtlarından Sultan Ahmed Han biñ yüz on beş tarihinacek söyler bir maqbul tarihdır” / “Mehmed Tarikh-i Mehmed Giray narrating about the wars of Kara Mustafa Pasha, the acceptable story telling from the time of Sultan Mehmed Khan III to the period of Sultan Ahmed Khan, up to the year one thousand one hundred and fifteen”.

The Chronicle’s translation into Russian (the author of the translation is R.R. Abduzhemilev) was made from the text’s transliteration of the manuscript into Latin, presented in the Turkish edition of Ugur Demir’s master thesis “Tarikh-i Mehmed Giray” (assessment – text’s transcription)” (consultant: Prof. Dr. Nejdət Öztürk, Istanbul, 2006, 163 pages).

Keywords: Austrian National Library (Österreichische Nationalbibliothek), Derwish Mehmed bin Mubarek Geray Jengizi, Crimean Khanate, Crimean Tatar literature, narrative source, Tarikh-i Mehmed Geray, Ugur Demir, chronicle

For citation: Abduzhemilev R.R. Derwish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (“Mehmed Giray’s History”). Part 3. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 176–197. DOI: 10.22378/kio.2023.1.176-197 (In Russian)

REFERENCES

1. Demir U. *Tarih-i Mehmed Giray (Değerlendirme-çeviri metin): Yüksek Lisans Tezi* [Tarikh-i Mehmed Giray (Evaluation-transliteration text): Master Thesis] Uğur Demir. Danışman: Prof. Dr. Necdet Öztürk [Ughur Demir. Advisor: Prof. Dr. Nejdət Öztürk]. Istanbul, 2006. 163 p. (In Turkish)

2. *Tarih-i Mehmed Giray. Mehmed Giray [VerfasserIn] ; Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774–1856 [Vorbisitzer]* [Tarikh-i Mehmed Giray. Mehmed Giray [authors]; Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774–1856 [previous owner]] Österreichische Nationalbibliothek [Austrian National Library] [Electronic resource]. URL: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_8000142&order=1&view=SIGNLE (In Ottoman Turkish & Arabic Script)

About the author and translator: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); refatimus@gmail.com

«История крымских ханов» анонимного автора. Часть 2 (окончание)*

Рефат Абдужемилев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический

университет имени Февзи Якубова

Аннотация. Среди редких материалов отдела рукописей Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Supplement turc 515) представлена небольшая хроника анонимного автора, относящаяся к эпохе Крымского ханства. Рукопись снабжена описанием: «История крымских ханов с 880 по 1191 год от хиджры (1475–1777), без названия и без имени автора. Эпиграф, читаемый на лицевой стороне первого листа, не является заглавием, а кратким изложением содержанием этого произведения, не представляющим особого значения. Датировка: 1786–1800 гг.». Хотя указанная хроника известна благодаря исследованиям ряда востоковедов, все же для полного ее внедрения в научный оборот крайне необходим и перевод на русский язык. Обработка текста послужит основой для литературно-художественного анализа «Истории крымских ханов».

Ключевые слова: анонимный автор, Герай, Крымское ханство, хан, хроника

Для цитирования: *Абдужемилев Р.Р.* «История крымских ханов» анонимного автора. Часть 2 (окончание) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 198–219. DOI: 10.22378/kio.2023.1.198-219.

История крымских ханов

(транслитерация и перевод на русский язык)

<12b> idüb ol seferde münhezim olub İslâm Geray Sultan esna-yı kârzarda esir düşmüş biñ qırq dört senesi azl olunub Rodosa nefi olunmuş müddet-ü salisede hükümeti yedi sene

* Начало см.: *Абдужемилев Р.Р.* «История крымских ханов» анонимного автора. Часть 1 // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 193–225. DOI: 10.22378/kio.2022.2.193-225.

İnayet Geray Han bin Ğazi Geray Han

Biñ qırq dört senesi Han olub Hüsam Gerayı Qalğa ve Saadet Gerayı Nureddin eyleyüb Qırıma vusulunda Acem seferine me'mur olunmağle İrana teveccühü esnasında sabıqa zıkr olunan Qantemur Mirza dahi askeriyle Hannıñ yânında olub Sütud nam mahalle vardıqlarında mezkür Qantemur Mirza Handan yüz çevirüb etba' ve müte'allıqatıyle avdet idüb Aqkermana ubur eylemiş Han-ı merqumıñ haqqından gelmek için İran seferinden rücu' mezburlarıñ i'damina azimet iderek nehr-i Ten sevahilinde sakin olan Orağ oğlu qabilesini cemi' emvalıyle Qırıma naql idüb askeri çoq olmağın Kefe ehali ile ba'z-ı husus için niza'ları olmağle muhafız-ı qal'â olan beklerbegi Bıcaqçı-zade İbrahim Paşayı ve qazı-yı belde Hamid efendiye qatl idüb Aqkermana azimet idüb vasıl olduğunda Qantemur Mirza ve sair ebna-yı Mansur Astaneye firar idüb askerden avdet eyledüklerini ve cümle qabahatlarını Hana bıraqup Han-ı mezkür dahi mezburlarıñ mallarını ğaret eyledügi esnasında azl olunacaq haberi mesmu'ı olmağle Qantemura müte'allıq Mansur qabileleriniñ nisa ve rical ve eşyâ-i emvallerini Qırıma idhal için Qalğa ve Nureddin sultanları ta'yin idüb gendüsi muhafaza-yı memleket ve Han-ı cedid ile qıtale mübaşeret için Qırıma azimet eylemiş Hüsam Geray ve Saadet Geray me'mur oldukları üzere mezkür qabileniñ ehali ve eşyâlarını iki gün göçürdükden soñra Mansur beklerinden Devletşah ve Suleymanşah ve Orağ nam mirzalar ittifağ idüb iki sultanı ve sair etba'ıyle biñ qırq altınıñ Zilhiccesinde öldürmüşler biñ qırq

// В том походе, потерпев поражение, Ислам Герай-султан во время боя попал в плен. Да отстраненный от чина в тысяча сорок четвертом году был сослан на Родос. Срок третьего правления – семь лет.

Инает Герай-хан, сын Гази Герай-хана

Став ханом в тысяча сорок четвертом году, Хюсам Герая учинил калгою, а Саадет Герая – нуреддином. По прибытии в Крым был уполномочен для похода на Аджем¹. А во время направления на пути к Ирану, ранее упомянутый Кантемур-мурза же вместе со своим войском находился при хане. А на подступе к местности по названию Сютуд вышеупомянутый Кантемур-мурза, отвернувшись от хана, вернувшись с повинными (слугами), родней и близкими, перешел к Аккерману. Да дабы наказать вышеказанного хана, по возвращении из похода на Иран, отбив на казнь вышеказанных, перевез в Крым обитавшее на бегерах Дона племя Орак-оглу (сына Орака), со всем его богатством (имуществом). Да, имея множество войска и находясь в спорах (разногласиях) с жителями Кефе по некоторым вопро-

¹ Аджем – Персия, Иран.

сам, казнил (убил) стражника (коменданта) крепости, бейлербея² Бычакчы-заде Ибрахим-пашу, и кадия³ города, Хамид-эфенди. Да отбыл в Аккерман. А по его прибытии, Кантемур-мурза и прочие Мансуровы сыновья бежали к Порогу⁴. А возвращение от войска и прочую вину возложили на хана. А в то время, как вышеупомянутый хан же занялся разграблением пожитков вышеназванных, весть дошла до его слуха о предстоявшем отстранении. Дабы впустить в Крым женщин и мужей, да добро (вещи) и пожитки (имущество) племен Мансур, причастных к Кантемуру, назначив калгу и нуреддин-султанов, сам же стал на оборону страны. А после того, как отбывшие вместе с новым ханом для приступления к сражению Хюсам Герай и Саадет Герай, сообразно своим полномочиям, перевезли население и добро (вещи) вышеупомянутого племени за два дня, тогда из числа беков Мансур мурзы по именам Девлетшах, Сулейманшах и Орак, единогласно сговорившись, в зильхиджде тысяча сорок шестого убили двух султанов, да с прочими повинными (слугами). //

<13a> qırq yedi senesi Han dahi azl olunub Astaneye revan olub lede'l-vusul Qantemur-ı mezbur ile padişah huzurunda bir-biriyle qabahatlarını beyân idicek Hannîñ ö'zrü maqbul olmayüb padişah öldürtmüş müddet-ü hükümeti iki sene müddet-ü hayâtı qırq dört sene

Bahadır Geray Han bin Selâmet Geray Han

Biñ qırq yedide Han olub İslâm Gerayı Qalğa ve Safa Gerayı Nureddin eyleyüb Qırıma geldiginden soñra sultanları Devlet-i Rusiyye tarafına çapula ta'yin idüb ğaret ve hasaret eyledüğinden işbu husus için ve sabıq sefere davet olunub varmadığından biñ yetmiş altı senesi azl olunub Astaneye gitmeye havf idüb Qumuq canibine firar idüb biñ seksen beş senesi anda merhum olmuş Bağçasarayında Buyük Hamamı bina itdirmiş Bağçasaray qurbunda Töle nam mahallde saraylâr bina' itdirmiş def'a-yı saniyede müddet-ü hükümeti on iki sene dört ay müddet-ü hayâtı altmış altı sene

Adil Geray Han bin Devlet Geray Sultan

Biñ yetmiş altı senesinde Han olub a'qlında qusuru olmağle beş sene hükümetinde azl olunub Rum İlinde vefat eyledi

² Бейлербей – генерал-губернатор, которому подчинены несколько губерний, высшее военное звание – главнокомандующий.

³ Кадий (казы/кады) – мусульманский судья-чиновник, назначаемый правителем и вершащий правосудие на основе шариата.

⁴ Astane-i Saadet – Порог счастья, резиденция султана, Стамбул.

Selim Geray Han bin Bahadır Geray Han

Biñ seksen bir senesi Han olub Selâmet Gerayı Qalğa ve Safa Gerayı Nuredđin eyleyüb Qırıtıma vasıl olduqda Çerkes memleketi nizamı için ol canibe azimet idüb Qabartay qışlağında Sultan Mehmedin Qamaniçe qal'âsını feth için yârdımı emr olunmağle Çerkesden avdet idüb biñ seksen üç senesi asker-i Tatar ile Qırımdan huruc idüb Osmanlı ordusına giderken Qamaniçe mahalline qarib Hanı qarşulayân Leh askeriyle cenk idüb bozub qal'â-yı mezbure vasıl olub fethine sebab olmuş Tatar askeriniñ zahireden

// В тысяча сорок седьмом году хан же был смещен от сана. Отправившись к Порогу, по прибытии стал излагать перед падишахом о взаимной вине с вышесказанным Кантемуrom. Оправдание хана не было принято, после чего падишах да велел убить его. Срок его власти – два года. А длительность жизни – сорок четыре года.

Бахадыр Герай-хан, сын Селямет Герай-хана

Став ханом в тысяча сорок седьмом, Ислам Герая учинил калгою, а Сафа Герая – нуреддином. Прибыв в Крым, назначил султанов для чапула⁵ на Государство Русское. Из-за разграбления и причинения ущерба, именно за сии дела, да из-за нехождения в прежний поход по призыву, в тысяча семьдесят шестом году был отстранен от сана. Да, опасаясь (страшась) идти к Порогу, бежал в сторону Кумыкии. А в тысяча восемьдесят пятом там и спочил. В Бахчисарае постороил Большую Баню (Буюк Хамам). А близ Бахчисарая, в местечке Тёле выстроил дворцы. Срок второго его правления составил двенадцать лет и четыре месяца. А длительность его жизни – шестьдесят шесть лет.

Адиль Герай-хан, сын Девлет Герай-султана

Став ханом в тысяча семьдесят шестом году, из-за умственного недостатка после пятилетнего правления был отстранен от сана. Умер в Рум-Или (Румелии).

Селим Герай-хан, сын Бахадыр Герай-хана

Став ханом в тысяча восемьдесят первом году, Селямет Герая учинил калгою, а Сафа Герая – нуреддином. Прибыв в Крым, для наведения порядка в Черкессии да отбыл в тамошние края. Находясь в кабардинском (Кабартай) зимовнике, с выдачей приказа от султана Мехмеда на оказание

⁵ Чапул – набег.

помощи для завоевания крепости Каманиче⁶, немедленно вернулся из Черкессии. Выйдя из Крыма вместе с татарским войском в тысяча восемьдесят третьем году, шел (двигался) к османской орде. Да, вступив в военное противоборство с польским войском, вышедшим навстечу хану близ местности Каманиче, разбил его (войско). Добравшись до вышеназванной крепости, стал причиной ее завоевания. Когда татарское войско испытывало трудности в продовольствии (терпело продовольственную нужду), //

<13b> müzayaqası olmağle Boğdan memleketinden mürur itmek üzere ruhsat olub Aqkerman havalisinde Noğay taifesiniñ Osmanluyâ isyânları zuhur itmekle mezburları Qırıma sürmek Osmanlu padişahınıñ muradı olub Hana emr itmegin bi'l-cümle emvalleriyle Özüyi ubur itdirüb iskân itdirmiş taife-i mezkürin da'ima hırfeti ve qutta'-ı tariqlığı zuhur itmekle mezburlardan vatan arzusuyle firar idenlere müsamaha olunmağın tekrar mahallerinde ke'l-evvel sakin olmuşlar Han gendü azline rağıb olub arz ve i'lâm eyledüğünde ricası maqbul olunmayüb Çehrin qal'âsı tahlisine ta'yin olunan serasker ma'iyetine me'mur olub qal'â feth olunmadığını Sadr-ı a'zam Qara Mustafa Paşa gendüniñ seraskerlik nuqsanını Hana isnad itmekle biñ seksen sekiziñ Zilhicesinde azl olunub Kefede qışlayub seksen doquzda sefine ile Astaneye vasil olduqda Han-ı cedidiñ recasıyle Rodosa nefi olunmuş müddet-ü hükümeti yedi sene

Murad Geray Han bin Mübarek Geray Sultan

Biñ seksen sekizde Han olub Toqtamiş Gerayı Qalğa Saadet Gerayı Nureddin eylemiş Qırıma vusulünda Nemçe seferine me'mur olub fethi müyesser olmamağle mezkür Qara Mustafa Paşa qabahatı Hana isnad idüb arz itmesiyle biñ doqsan dört senesinde azl olunub ba-ferman-ı Osmaniye Yânboli civarında vaqı' Sarıcalı çiftliğinde iqamete me'mur olmağle biñ yüz yedide anda ölmüşdür müddet-ü hükümeti beş sene on ay ve müddet-ü hayâtı altmış doquz sene

Hacı Geray Han bin Qırım Geray Sultan

Biñ doqsan dört senesi Han olub Devlet Gerayı Qalğa ve Azamat Gerayı Nureddin eylemiş Nemçe seferine me'mur olmağle asker-i Tatar ile varıb Beç seferinde Osmanlı askerine inhizam vaqı' olub sancağı qalduğında Hacı Geray gendü askeriyle

// испытывало трудности в продовольствии (терпело продовольственную нужду), получил позволение для прохождения через страну Богдан⁷. С

⁶ Каменец-Подольская крепость – средневековый замок города Каменец-Подольский, один из исторических памятников Украины (Хмельницкая область).

⁷ Богдан – Молдавия.

тех пор, как в окрестностях Аккермана⁸ возник бунт (мятеж) ногайского племени против османов, вознамерился тогда османский падишах выслать вышеназванных в Крым. Да, выдав приказ хану, заставил переправиться через Озю⁹ со всеми их богатствами (нажитым добром) и велел заселиться в местах. Да когда у вышеупомянутого племени постоянно появлялись ремесла и разбойники (грабители) по большим дорогам, то, пренебрегая (показав равнодушие) бежавшими по желанию (достижения) родины среди вышеназванных, они снова стали жить в своих местах, как и прежде. Покуда хан, желая своего отстранения от чина, изложил и известил о том, его просьба не была принята. Да был уполномочен сопровождать (состоять в свите) сераскера, назначенного для освобождения крепости Чехрин¹⁰ (Чигирин). А садразам (главный визирь) Кара Мустафа-паша приписал (вменил) хану свой военачальнический (сераскерский) недостаток в деле завоевания крепости. Посему в зильхиджде тысяча восемьдесят восьмого, будучи смещенным, перезимовал в походе. А в восемьдесят девятом по прибытии к Порогу на корабле, по просьбе нового хана был сослан на Родос. Срок его власти – семь лет.

Мурад Герай-хан, сын Мубарек Герай-хана

Став ханом в тысяча восемьдесят восьмом, Токтамыш Герая учинил калгою, а Саадет Герая – нуреддином. По прибытии в Крым был уполномочен (назначен) для немецкого похода. Не добившись легкого завоевания (не сумев с легкостью завоевать), вышеупомянутый Кара Мустафа-паша приписал вину хану и доложил о том. Посему в тысяча девяносто четвертом году, будучи отстраненным от чина, османским ферманом¹¹ был определен (назначен) для проживания (пребывания) в чифтлик¹² Сарыджалы в окрестностях Янболы¹³. Да в тысяча сто седьмом там и умер. Срок его правления составил пять лет и десять месяцев. А длительность жизни – шестьдесят девять лет.

⁸ Аккерман (*осман.-тат.* «Белая крепость») – Белгород-Днестровский, город на берегу Днестровского лимана в Одесской области на юге Украины, османское фортификационное сооружение.

⁹ Озю – река Днепр.

¹⁰ Чигирин – город в Черкасской области Украины, раскинувшийся на Приднепровской возвышенности, на берегу реки Тясмин. Селение известно с XVI в. как укрепленное казацкое зимовье.

¹¹ Ферман – указ, повеление.

¹² Чифтлик – ферма, земельный удел.

¹³ Ямбол – город в юго-восточной Болгарии, на реке Тунджа.

Хаджи Герай-хан, сын Кырым Герай-сулана

Став ханом в тысяча девяносто четвертом году, Девлет Герая учинил калгою, а Азамат Герая – нуреддином. Будучи уполномоченным для немецкого похода, пошел (в него) с татарским войском. Когда в походе на Печ¹⁴ османское войско потерпело поражение, оставив санджак¹⁵, Хаджи Герай вместе со своим войском //

<14a> cenk idüb Osmanlunıñ sancağını qurtarub almiş Leh askeri Bucaq memleketini istilâ qasdıyle hareketine müsedefet idüb İsmail Geçidi qurbunda muqabele ve muqatele idüb ğalib olub girü döndürmüş ba'dehu bir miqdar askeriyle Nureddin Sultanı Budin seferine ta'yin idüb Qırıma gelmiş biñ doqsan beşde azl olunmuş müddet-ü hükemeti bir sene ve müddet-ü hayâtı qırq bir sene

Def'a-yı saniye Selim Geray Han

Biñ doqsan beşde Han olub Devlet [Gerayı] Qalğa ve Azamat Gerayı Nureddin eylemiş mezbur ta Qırıma gelen şöhetlü Ğalitsin hazretleriyle Qara Yılğa nam mahallde muharebe idüb ikinci günü avdet itdirmiş biñ yüz senesi Aqkermandan Osmanlu askerine varub ol eyyâmda Uskübe qışlayân Nemçe askerine irsal olunub Qırçaq nam mahallde külliyetli cemi'yyetine müsedefet idüb bozub Hersek nam qaptanı esir eylemiş müşarun-ileyh Hannıñ hizmeti muqabiline Edirneye davet olunub padişah ile görüşdükdän soñra rica eylemiş ki hanan yânında bulunmaq şartıyle sekban nam asker icad eyleye ki qırq bayraq olmaq üzere ve her bayraqında ellişer adem olub qırq biñ ğuruş beher sene hazine-i Osmaniden nefsi (lütfi?) virilmek üzere icad eylemişdir Han-ı müşarun-ileyh biñ yüz bir senesi Köprülü-zade Mustafa Paşa ile sefere me'mur olunub Belğarada varınca Nemçe devleti askeri Belğrada varınca zabt itdügü memleketleriñ tahlisi babında sebab olub hizmeti muqabiline Osmanlu padişahından ricaları budur evvelen ricası budur kim benim neslimden ğayrı Qırıma Han olmasın ve saniyen Mekkeye varmayâ gendü için ruhsat taleb eylemiş maqbul olmağle gendü iradetiyle hanlığı Saadet Gerayâ ferağat idüb Mısır yolundan Mekkeye rahı olub esna-yı rahda Arab beklerine kerem itmekle adet olub

// в военном противоборстве спас османский санджак. Встретив полки польского войска с намерением завоевать страну Буджак, вступил в противостояние и сражался близ Переправы Исмаил. Одержав победу, вернулся обратно. После того, назначив нуреддин-султана с некоторой ча-

¹⁴ Печ – город на юго-западе Венгрии, у южного подножия гор Мечек.

¹⁵ Санджак – знамя, штандарт, флаг.

стью войска на поход на Будин¹⁶, прибыл в Крым. В тысяча девяносто пятом смещен с трона. Срок его власти составил один год, а длительность жизни – сорок один год.

Второй приход к власти Селим Герая-хана

Став ханом в тысяча девяносто пятом, Девлет [Герая] учинил калгою, а Азамат Герая – нуреддином. Вышеупомянутый, вступив в сражение с добравшимся аж до Крыма почтенным и славным Голицыным¹⁷ в местности по названию Кара Йылга, на второй день же велел возвращаться. В тысяча сотом году, прибыв из Аккермана к османскому войску, был послан к немецкому войску, зимовавшему в те дни в Ускюпе¹⁸. Да, встретившись с их всеобщим объединением (со всеми ними) в местности Кыпчак, разбил (их) и взял в плен капитана по имени Герсек¹⁹. Вышеупомянутый хан в ответ (взамен) за свое служение был приглашен в Эдирне²⁰. Да после встречи с падишахом просил создать войско секбанов²¹ с условием его (войска) нахождения при хане. Посему и создал, решив на том, дабы было сорок байраков²², по пятьдесят человек на каждом байраке, при ежегодной выдаче сорока тысяч курушей²³ из османской казны. Да когда вышеуказанный хан в тысяча сто первом году, будучи уполномоченным на поход вместе с Копрюлю-заде Мустафа-пашой, добирался до Белграда, да когда войско Немецкого Государства шло на Белград, тогда стал причиной по части осовождения завоеванных стран (земель). А за свою службу обратился с

¹⁶ Будин – средневековый главный город Мадярского (Венгерского) королевства, а с 1873 г. – западная часть города Будапешт, расположен на правом берегу Дуная.

¹⁷ Князь Голицын Василий Васильевич (1643–1714) – русский боярин, дипломат, государственный деятель и фаворит царевны Софьи Алексеевны.

¹⁸ Ускюп – Скопье, город, столица Северной Македонии.

¹⁹ Герцог – военный предводитель, избираемый родоплеменной знатью; титул высшего дворянства или владетельных князей в Западной Европе, а также лицо, носящее этот титул.

²⁰ Эдирне – Адрианополь, город и район в северо-западной европейской части Турции.

²¹ Секбан («псарь», «ловчий») – наемники крестьянского происхождения в Османской империи, составляли отдельный элитный отряд янычарского корпуса. Термин первоначально относился к нерегулярным военным подразделениям, особенно к тем, у которых нет оружия, но в конечном итоге он стал относиться к любой армии за пределами регулярных вооруженных сил.

²² Байрак – знамя, штандарт, флаг; группа солдат, служившая под одним знаменем.

²³ Куруш / гуруш – денежная единица, название серебряных европейских монет в Османской империи, пиастр турецкий, риял.

просьбами к османскому падишаху. Во-первых, просьба его такова: «Да не будет крымским ханом никто иной, кроме как из моего рода (потомства)». А во-вторых, просил позволения для себя пойти в Мекку. Получив одобрение, по своей же воле отрекся от ханства в пользу Саадет Герая. Держа путь к Мекке по дороге через Египет, в пути (среди дороги) обыкновением стало оказание милости (благоволение) арабским беям. //

<14b> olub mezkür Handan berü bu ane gelince ta'yin olunan mahallere Osmani gendü hazinesinden her sene surre namıylâ virgü virür avdetinden soñra Silivri qurbunda Qadıköyü nam çiftliginde iskân eylemiş müddet-ü hükümeti yedi sene

Saadet Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz iki senesi Han olub Devlet Gerayı Qalğa ve Feth Gerayı Nureddin eylemiş Qalğası ile uzlaşmayub Babadağı nam mahallde azl idüb biraderi Cihan Gerayı Qalğa eyleyüb gendüsi Nemçe seferine me'mur olmağle sene-i mezkürede Qırımdan asker ihrac itdirüb Eflâq memleketinden mürurunde askeriniñ re'ayâ emvaline haşeratı degmekle askerini zabtına qadir olmayub ve hem Qırım askeriyle uzlaşmayub ehali-i Qırım arz eylemesiyle ve hem vaqtında Osmanlı askerine yerişmemesiyle biñ yüz üç senesinde azl olunub Rodosa nefi olunmuş müddet-ü hükümeti on ay ve müddet-ü hayâtı elli bir sene

Safa Geray Han bin Safa Geray Sultan

Biñ yüz üçde Han olub Qara Devlet Gerayı Qalğa ve Şahin Gerayı Nureddin eylemiş Qırımdan asker cem' idüb Yergögü nam mahalle varduğunda Tatar bozulub firar eyledüğünde zabtına qadir olmadığı için azl olunub Rodosa nefi olunmuş müddet-ü hükümeti on ay

Def'a-yı salise el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz dörtde Han olub Devlet Gerayı Qalğa ve Şahin Gerayı Nureddin eylemiş Baqçasarayına gelüb biñ yüz beş senesinde qapucıbaşı name ile gelüb Erdel seferine davet itmekle asker-i Qırım ile Aqkermana vusulunda Belğradı Nemçe askeri muhasara itdügi haberi gelüb Saadet Geray ve Baht

// Со времен вышеупомянутого хана аж до сего мгновения, в назначенных местах из собственной османской казны ежегодно выдавал подать (налог) под названием сурре²⁴ (мешок для звонкой монеты). После возвра-

²⁴ Surre – мешок для денег; деньги и прочие вещи, которые ежегодно отправлялись в Мекку и Медину во время хаджа, для раздачи беднякам и малоимущим от падишаха исламского государства.

щения, оселился в чифтликке Кадыкёй²⁵ близ Силиври²⁶. Срок его власти – семь лет.

Саадет Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто втором году, Девлет Герая учинил калгою, а Фетх Герая – нуреддином. Не прийдя к взаимопониманию (соглашению) со своим калгой, отстранив того с чина в местности Бабадагы, своего брата Джихан Герая же назначил калгой. Будучи уполномоченным для немецкого похода, в вышеупомянутом году вывел из Крыма войско. Да по прохождению через страну Эфляк²⁷ по нанесении вреда его войском богатству (имуществу) повинных, не сумел управлять войском. Да по просьбе жителей Крыма из-за несогласия (разногласия) с крымским войском, да по несвоевременному достижению османского войска, в тысяча сто третьем году был отстранен от чина и сослан на Родос. Срок его власти составил десять месяцев, а длительность жизни – пятьдесят один год.

Сафа Герай-хан, сын Сафа Герай-султана

Став ханом в тысяча сто третьем, Кара Девлет Герая учинил калгою, а Шахин Герая – нуреддином. Собрав войско из Крыма, добирался до местности по названию Ергогу. Да был отстранен от чина и сослан на Родос из-за неспособности совладать татарами, пустившимися тогда в бегство после разгрома. Срок его правления составил десять месяцев.

Третье правление эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто четвертом, Девлет Герая учинил калгою, а Шахин Герая – нуреддином. Добравшись до Бахчисарая, в тысяча сто пятом году явился капуджыбашы²⁸ с письмом, призвав (хана) к походу на Эрдель²⁹. По прибытии в Аккерман вместе с крымским войском, получили вести об осаде Белграда немецким войском. Отправив в авангарде султанов по именам Саадет Герай и Бахт Герай, //

<15a> ve Baht Geray naman sultanları ilerü irsal eyleyüb a'qabında gendüsi ve gerüsünde Osmanlu askeri azimet eyleyüb muqaddema Han irsal eyledügi askeri muqateleye şüru' eyledüginde sadr-ı a'zam ile Han dahi yerişüb Hanniñ

²⁵ Кадыкёй – старейший район на азиатском побережье Стамбула, расположенный в азиатской части города на северном берегу Мраморного моря.

²⁶ Силиври – город и район в провинции Стамбул, расположенный на побережье Мраморного моря в европейской части Турции.

²⁷ Эфляк – Валахия.

²⁸ Капуджыбашы – главный привратник (главный швейцар), титул, соответствующий званию камергера.

²⁹ Эрдель – Трансильвания.

ğayretiyle Nemçe askeri münhezim olub nehr-i Savayı ubur eyledüğünde Han gendü askeriyle ubur idüb tekrar Nemçe askeri Hannıñ üzerine hücum eyledüğünde Han mezkürleri inhizam eyledüğünden soñra sultanları gönderüb etrafını çapulı itdirmiş Han-ı mezkür biñ yüz altıda biñ yüz yedide senelerinde dahi Nemçe seferine ba-ferman-ı padişahı me'mur olub Loğoş ve Niş ve Pehlü qal'âlarınıñ fethine sebep olmuş biñ yüz doquzuncu senesi Edirneye padişah davet eyledüğünde görüşdükden soñra ricasıyle veliahdı olan Qalğayı Devlet Gerayı Han itdirüb Silivri qasabası qurbunda vaqı' Qadıköyü çiftliğinde rahat-nişin olmuş müddet-ü hükümeti altı sene

Devlet Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz onda Han olub Şehbaz Gerayı Qalğa ve Ğazı Gerayı Nureddin eylemiş beş sene mürurunde azl olunmuş müddet-ü hükümeti beş sene

Def'a-i rabi'a el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz on beş senesi Han olub oğullarından Ğazı Gerayı Qalğa ve Qaplan Gerayı Nureddin eylemiş gendüsi bir sene mürurunde Baqçesarayında merhum olmuş müddet-ü hükümeti def'a-i rabi'de bir sene

Ğazı Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz on altıda Han olub Qaplan Gerayı Qalğa ve Maqsud Gerayı Nureddin eylemiş merasim-i sulha muğayir Leh memalikine (memleketine?) aqın idüb Tatar taife

// Отправив в авангарде султанов по именам Саадет Герай и Бахт Герай, вслед (по пятам) отбыл сам, а позади – османское войско. Когда прежде отправленное ханом войско приступило к сражению, хан же вместе с садразамом (визирем) подоспели к месту. Усилиями хана немецкое войско потерпело поражение. И во время его переправы через реку Сава³⁰, хан же со своим войском совершили переправу. Да когда немецкое войско снова напало на хана, тот (хан), разгромив вышеупомянутых и отправив султанов, велел вокруг (по сторонам) совершить чапул³¹. Вышеупомянутый хан, будучи уполномоченным падишахским ферманом в тысяча сто шестом и тысяча сто седьмом годах для совершения немецкого похода, стал причиной завоевания крепостей Логош, Ниш и Пехлю. В тысяча сто девятом году после встречи с падишахом в ответ на его прилашение в Эдирне, по своей просьбе учинил ханом своего престолонаследника, калгу Девлет Герая. А затем спокойно жил в чифтликке Кадыкёй близ местечка (городка) Силливири. Срок его правления составил шесть лет.

³⁰ Сава – река в юго-восточной Европе, правый приток Дуная (Черноморский бассейн).

³¹ Чапул – набег.

Девлет Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто десятом, Шехбаз Герая учинил калгою, а Гази Герая – нуреддином. По истечении (прохождении) пяти лет был отстранен от чина. Срок его власти составил пять лет.

Четвертое правление эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто пятнадцатом году, из своих сыновей Гази Герая учинил калгою, а Каплан Герая – нуреддином. Сам он по истечении одного года упокоился в Бахчисарае. Срок его четвертого правления составил один год.

Гази Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто шестнадцатом, Каплан Герая учинил калгою, а Максуд Герая – нуреддином. Вопреки принятым обычаям (правилам) перемирия, совершив акын³² на Польшу, с властью над татарским племенем и попустительством (снисходительностью), //

<15b> taifesini zabt ve iğmaz itmesiyle musalâha şurutuna ri'ayetinden i'raz ider deyü padişah-ı Osmani azl itmiş müddet-ü hükümeti iki sene

Qaplan Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz on doquz senesi Han olub Beñli Gerayı Qalğa ve Maqsud Gerayı Nureddin eylemiş Devlet-i Osmaniden ruhsat alub Qabartay taifesiniñ isyânını def' için Kefe beklerbegisi Murtaza Paşayâ dahi gendü askeriyle Han-ı mezküriniñ ma'iyetine me'mur olub Han dahi Qırım askerini ve Ada askerini ve Noğay askerini dahi alub Sincan (Necan?) nam mahalle varduğunda gendüni Çerkes askerine basdırub askerini münhezim ve perişan itdüğinden ba'is-i kesri şan oldu deyü azl eylemiş müddet-ü hükümeti iki sene

Def'a-yı saniye Devlet Geray Han

Biñ yüz yigirmi birde Han olub Baht Gerayı Qalğa ve Safa Gerayı Nureddin eylemiş biñ yüz yigirmi üç tarihinde şehinşah-ı mu'azzam Petra Perviye hazretleri Devlet-i Osmaniye ile cenk için azimet eyledüğünde kırq biñ Tatar askeriyle Boğdan vilâyetinde qarşulayub zahire yollarını kesüb Osmanluyâ yârdımı çoq olmuş ba'dehu Boğdan vilâyetniñ isyânını def' eyledüğinden soñra Qırırma avdet idüb biñ yüz yigirmi dört senesi oğlu Mehmed Geray Sultanı Quban seraskeri idüb ve bir miqdar Qırım askeri dahi çoşub Buzuqdan ubur idüb Lingu nam şehriñ çapulı itdirüb avdet eylemiş müddet-ü hükümeti beş sene

³² Акын – набег, штурм, рейд.

Def'a-yı saniye Qaplan Geray Han

Biñ yüz yigirmi beş senesi Han olub Beñli Gerayı Qalğa idüb ve Safa Gerayı Nureddin eylemiş Qırıma dahil olduqda Varadine yârdım için varmayâ Hana emr olunub gendü varmayub asker-i Tatar ile

// с властью над татарским племенем и попустительством (снисходительностью), османский падишах сместил его с престола, молвя: «Он отвернется (уклонится) от соблюдения условий перемирия». Срок его власти составил два года.

Каплан Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто девятнадцатом году, Бенгли Герая учинил калгою, а Максуд Герая – нуреддином. Получив позволение от Османского Государства, для подавления мятежа кабардинского (Кабартай) племени, уполномочили бейлербея³³ Кефе Муртаза-пашу со своим войском к сопровождению (свите) вышеупомянутого хана. Хан же, взяв крымское, островное и ногайское войска, шел к местности Синджан (Неджан?). Тогда падишах сместил его (хана) от престола со словами: «Поскольку он привел свое войско к поражению и расстройству, допустив наступление черкесского войска на себя, посему и стал причиной прерывания (разбития) славы». Срок его правления составил два года.

Второе правление Девлет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто двадцать первом, Бахт Герая учинил калгою, а Сафа Герая – нуреддином. В тысяча сто двадцать третьем году, когда великий шехиншах³⁴, его величество Петр Первый³⁵, отбыл для войны с Османским Государством, (хан) вышел к нему навстречу с сорокаоднотысячным татарским войском в виляете Богдан³⁶. Да, перекрыв продовольственные пути, много помощи оказал османам. Вслед за тем, после подавления мятежа в виляете Богдан вернулся в Крым. В тысяча сто двадцать четвертом году учинил своего сына Мехмед Герай-султана сераскером³⁷ Кубани. И, присовокупив же часть (кучку) крымского войска, переправившись через Бозук, совершив чапул на город Лингу, стал возвращаться. Срок его правления составил пять лет.

³³ Бейлербей («бек всех беков») – чиновник высокого ранга, наместник, главнокомандующий, генерал-губернатор.

³⁴ Шехиншах – шах над шахами, царь царей, великий монарх.

³⁵ Пётр I Алексеевич (Пётр Великий) (1672–1725 гг.) – последний царь всея Руси (с 1682 г.) и первый Император Всероссийский (с 1721 г.).

³⁶ Богдан – Молдавия.

³⁷ Сераскер – главнокомандующий войсками, генерал-аншеф.

Второе правление Каплан Герай-хана

Став ханом в тысяча сто двадцать пятом году, Бенгли Герая учинил калгою, а Сафа Герая – нуреддином. При вхождении в Крым, получив приказ отправляться на помощь к Варадину³⁸, не пошел сам, да отправил вместе с татарским войском своего брата Селямет Герая. //

<16а> Tatar ile biraderi Selâmet Gerayı irsal eyleyüb Osmanlu askerine vasıl olduqda Varadin üzerine vardıqda Osmanlu askeriyle beraber bozulduğundan Han-ı mezkürüñ imdada gelmediği için biñ yüz yigirmi sekiz senesi tamamında azl olunmuş mu'ahhar müddet-ü hükümeti üç sene

Qara Devlet Geray Han bin Adil Geray Sultan

Biñ yüz elli ikide Han olub Azamat Gerayı Qalğa ve Toqtamış Gerayı Nureddin eylemiş Qırıma gelüb Baqçesarayında ihraq olan saraylârı ve Büyük Cami'i müceddeden bina itdirüb biñ yüz elli ikide tamam olmuş biñ yüz elli altıda azl olunmuş müddet-ü hükümeti beş sene

Selim Gerya Han bin Qaplan Geray Han

Biñ yüz elli altıda Han olub Şahin Gerayı Qalğa ve Bahadır Gerayı Nureddin eylemiş ve biñ yüz altmış senesi azl olunmuş müddet-ü hükümeti beş sene

Arslan Geray Han bin Devlet Geray Han

Biñ yüz altmış birde Han olub Selim Gerayı Qalğa Qırım Kerim Gerayı Nureddin eylemiş Or ve Rabat qal'âlarını ta'mir idüb Üçoba ve Çoңar ve Çuvaş nam mahallerde tabyâlar ve hendeqler yâpdırmış Baqçesarayında bir medrese bina itdirmiş Gözlevede ve Aqmescitde çeşmeler bina itdirmiş ve Baqçesarayında olan Hansarayına muttasıl canib-i ğarbde bir saray bina itdirmiş müddet-ü hükümeti sekiz sene

Halim Geray Han bin Saadet Geray Han

Biñ yüz altmış doquзда Han olub biraderi Devlet Gerayı Qalğa ve Mehmed Gerayı Nureddin eylemiş üç sene mürurunde azl olunmuş

Qırım Geray Han bin Devlet Geray Han

Biñ yüz yetmiş iki senesi Han olub Hacı Gerayı Qalğa ve Ahmed Gerayı Nureddin eylemiş biñ yüz yetmiş üç senesi Baqçesarayında Salaçıq nam mahallde mahdud saraylâr bina itdirmiş altı sene

³⁸ Петроварадинское сражение – сражение, состоявшееся 5 августа 1716 г. в ходе австро-турецкой войны 1716–1718 гг. у Петроварадинской крепости между австрийской армией под командованием Евгения Савойского и армией Османской империи. Закончилось решительной победой австрийцев.

// да отправил вместе с татарским войском своего брата Селямет Герая. Добравшись до османского войска, пойдя на Варадин, после разгрома вместе с османским войском, из-за неприбытия вышеупомянутого хана на помощь, в завершение тысяча сто двадцать восьмого года был смещен с престола. Последний (позднейший) срок его правления составил три года.

Кара Девлет Герай-хан, сын Адиль Герай-султана

Став ханом в тысяча сто пятьдесят втором, Азамат Герая учинил калгою, а Токтамыш Герая – нуреддином. Прибыв в Крым, заново отстроил в Бахчисарае сожженные дворцы и Большую Мечеть (Буюк Джами), да завершил в тысяча сто пятьдесят втором. В тысяча сто пятьдесят шестом смещен с престола. Срок его власти составил пять лет.

Селим Герай-хан, сын Каплан Герай-хана

Став ханом в тысяча сто пятьдесят шестом, Шахин Герая учинил калгою, а Бахадыр Герая – нуреддином. А в тысяча сто шестидесятом году смещен с престола. Срок его правления составил пять лет.

Арслан Герай-хан, сын Девлет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто шестьдесят первом, Селим Герая учинил калгою, а Кырым Керим-Герая нуреддином. Починив (отремонтировав) крепости Ор и Рабат, в местностях Учьоба, Чонгар и Чуваш возвел укрепления (крепостные батареи), да выкопал рвы. В Бахчисарае построил медресе, а в Гёзлеве и Акмесджиде соорудил фонтаны. Да пристроил с западной стороны дворец к Хансараю (Ханскому дворцу) в Бахчисарае. Срок его правления составил восемь лет.

Халим Герай-хан, сын Саадет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто шестьдесят девятом, своего брата Девлет Герая учинил калгою, а Мехмед Герая – нуреддином. По истечении трех лет был смещен с престола.

Кырым Герай-хан, сын Девлет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто семьдесят втором году, Хаджи Герая учинил калгою, а Ахмед Герая – нуреддином. В тысяча сто семьдесят третьем году, выстроил ограниченные дворцы в местности Салачык в Бахчисарае. По истечении шести лет был смещен с престола.

<16b> mürurunde azl olunmuş

Selim Geray Han bin Feth Geray Han

Biñ yüz yetmiş sekizde Han olub Mehmed Gerayı Qalğa Qırım Gerayı Nureddin eylemiş iki sene mürurunde azl olunmuş

Def'a-yı salise Arslan Geray Han

Biñ yüz seksân senesi Han olub oğlu Devlet Gerayı Qalğa eyleyüb seksân iki gün mürurunde merhum olmuş

Maqsud Geray Han bin Selâmet Han

Biñ yüz seksân bir senesi Han olub İslâm Gerayı Qalğa eyleyüb bir buçuq senede azl olunmuş

Def'aten Qırım Geray Han

Biñ yüz seksân ikide Han olub Mes'ud Gerayı Qalğa ve Qaplan Gerayı Nureddin eylemiş Yelisavet qurbuna degin çapul idüb altı ay mürurunde merhum olmuş

Devlet Geray Han bin Arslan Geray Han

Biñ yüz seksân iki senesinde Han olub Şehbaz Gerayı Qalğa Mübarek Gerayı Nureddin eylemiş biñ yigirmi doquzda Han olub Qırım ehalisiniñ el-Hac Selim Geray Han evlâdından ğayrı bizlere Han olmaması hususunda Devlet-i Osmaniyeñiñ va'dı olduĝıñ arz itmeleriyle dört ay mürurunde azl olunmuş ilâ hazihi

Muqaddem-ı Saadet Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz yigirmi doquzda Han olub Safa Gerayı Qalğa ve İslâm Gerayı Nureddin eylemiş biñ yüz otuz üç senesinde Çerkes tarafına varub esir olub avdet itmiş biñ yüz otuz birde azl olunub Rum İline rahı olmuş müddet-ü hükumeti doquz sene

Beñli Geray Han bin el-Hac Selim Han

Biñ yüz otuz yedide Han

// По истечении шести лет был смещен с престола.

Селим Герай-хан, сын Фетх Герай-хана

Став ханом в тысяча сто семьдесят восьмом, Мехмед Герая учинил калгою, а Крым Герая – нуреддином. По истечении двух лет был смещен с престола.

Третье правление Арслан Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восьмидесятом году, своего сына Девлет Герая учинил калгою. По истечении восьмидесяти двух дней упокоился с миром.

Максуд Герай-хан, сын Селямет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят первом году, Ислам Герая учинил калгою. За полтора года был смещен с престола.

Разовое правление Кырым Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят втором, Месуд Герая учинил калгою, а Каплан Герая – нуредином. Совершив чапул аж до близостей Елисавета, по истечении шести лет упокоился с миром.

Девлет Герай-хан, сын Арслан Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят втором году, Шехбаз Герая учинил калгою, а Мубарек Герая – нуредином. Заняв ханство в тысяча двадцать девятом, с прошением жителей Крыма клятвы (обета) от Османского Государства по вопросу утверждения в ханстве никого иного, кроме как из числа детей (потомков) эль-Хадж Селим Герай-хана, по истечении четырех месяцев был смещен с престола.

Начальное правление (Вступление на трон)

Саадет Герай-хана, сына эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто двадцать девятом, Сафа Герая учинил калгою, а Ислам Герая – нуредином. В тысяча сто тридцать третьем году, отправившись в Черкессию, попал в плен и вернулся обратно. В тысяча сто тридцать первом, будучи смещенным с трона, держал путь в Рум-Или (Румелию). Срок его правления составил девять лет.

Бенгли Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто тридцать седьмом, //

<17a> yedide Han Selâmet Gerayı Qalğa ve Salih Gerayı Nureddin eylemiş Baqçesarayında Salaçıqbaşı nam mahallde saraylâr bina itdirmiş biñ yüz qırq üçde azl olunmuş müddet-ü hükumeti altı sene

Def'aten Qaplan Geray Han

Biñ yüz qırq üçde Han olub Adil Gerayı Qalğa ve Hacı Gerayı Nureddin eylemiş biñ yüz qırq sekiz senesi Qırıma Devlet-i Rusiyye askeri geldüğinde Qara Yılğada qarşu varub muqatele olunduqda iqtidarı olmayub Han bozulub Ora gelüb Ordan dahi bozulub firar idüb ardlarından asker düşüb Gözleveyi ve Baqçesarayı ve Aqmescidi yâqub doqsan dört gün Qırım içinde durub avdetinde Or qal'âsını yıqub gitmiş sene-i mezkürde Han dahi azl olunmuş müddet-ü hükumeti altı sene

Feth Geray Han bin Devlet Geray Han

Biñ yüz qırq doquzda Han olub Arslan Gerayı Qalğa ve Mahmud Gerayı Nureddin eylemiş Qarasuda iskân eyleyüb qışın Paşpol nam mahallden geçüb çapul idüb muğtenim olmuş biñ yüz elli tarihinde şöhrätli Ğalitsın hazretleri askeriyle gelüb Üçoba nam mahallden mürur idüb Qarasuyâ degin ğaret idüb avdet eylemiş müddet-ü hükümeti bir sene

Beñli Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

Biñ yüz ellide Han olub biraderi Selâmet Gerayı Qalğa ve Salih Gerayı Nureddin eylemiş sene-i mezkürde Devlet-i Rusiyye askeri gelüb Han askerini bozub Or qal'âsını zabt idüb avdet eylemiş biñ yüz elli iki

// седьмом, Селямет Герая учинил калгою, а Салих Герая – нуреддином. В Бахчисарае в квартале (местности) Салачыкбаши выстроил дворцы. В тысяча сто сорок третьем был смещен с престола. Срок его правления составил шесть лет.

Разовое правление Каплан Герай-хана

Став ханом в тысяча сто сорок третьем, Адиль Герая учинил калгою, а Хаджи Герая – нуреддином. В тысяча сто сорок восьмом году, когда в Крыму явилось войско Русского Государства, он вышел навстречу в Кара Ыылга. Вступив в сражение, а затем обессилив, хан потрепел разгром. Добравшись до Ора да, сокрушенный (подверженный разгрому) в Оре, стал бежать. Войско, погнавшись вслед за ними, предав огню (сжигая) Гёзлеве, Бахчисарай и Акмесджид, находясь в Крыму девяносто четыре дня, по возвращении разрушило крепость Ор. В вышеупомянутом году хан же был смещен с трона. Срок его правления составил шесть лет.

Фетх Герай-хан, сын Девлет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто сорок девятом, Арслан Герая учинил калгою, а Махмуд Герая – нуреддином. Разместившись в Карасу, переправившись зимой через местность Паршпол, совершив чапул, обогатился добычей. В тысяча сто пятьдесятom году, славный и почтенный Голицын, прибыв со своим войском, переправившись через местность Учьоба да, опустошив все вокруг (разграбив) аж до Карасу, стал возвращаться. Срок его правления составил один год.

Бенгли Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто пятьдесятom, своего брата Селямет Герая учинил калгою, а Салих Герая – нуреддином. В вышеупомянутом году войско Русского Государства, прибыв и разгромив ханское войско, завладев Крепостью Ор, стало возвращаться. В тысяча сто пятьдесят втором //

<17b> ikide Han ölmüş müddet-ü hükümeti iki sene

Selâmet Geray Han bin el-Hac Selim Geray Han

...Qalğa Nureddin eyleyüb bir sene mürurunde azl olunmuş ilâ hazihî

Qaplan Geray Han bin Selim Geray Han

Biñ yüz seksen üç senesi Han olub Qalğası İslâm Gerayı ve Nureddin Baht Gerayı eyleyüb on ay mürurunde azl olunmuş

Def'a-yı saniye Selim Geray Han

Biñ yüz seksen dört senesi Han olub Mehmed Gerayı Qalğa Qırım Gerayı Nureddin eyleyüb on ay mürurunde Devlet-i Rusiyye askeri Qırımı alduğunda Rum İline rahî olmuş

Sahib Geray Han bin Ahmed Geray Sultan

Biñ yüz seksân beş senesi Han olub Şahin Gerayı Qalğa Bahadır Gerayı Nureddin eyleyüb biñ yüz seksân doquz senesi azl olunmuş

Def'a-yı saniye Devlet Geray Han

Biñ yüz seksân doquz senesi Han olub Şehbaz Gerayı Qalğa Mübarek Gerayı Nureddin eylemiş biñ yüz doqsan bir senesi azl olunub Rum İline rahî olmuş

Şahin Geray Han bin Ahmed Geray Sultan

Biñ yüz doqsan bir senesi Han olub yedi sene mürurunde u'zlet-i nefis deyiü Taman tarafına rahî olmuş

// втором хан умер. Срок его правления составил два года.

Селямет Герай-хан, сын эль-Хадж Селим Герай-хана

... учинив калгою и нуреддином, по истечении года был смещен с трона.

Каплан Герай-хан, сын Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят третьем году, своим калгою учинил Ислам Герая, а нуреддином – Бахт Герая. Через десять месяцев был смещен с трона.

Второе правление Селим Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят четвертом году, Мехмед Герая учинил калгою, а Крым Герая – нуреддином. Через десять месяцев, по взятии Крыма войском Русского Государства держал путь в Рум Или.

Сахиб Герай-хан, сын Ахмед Герай-султана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят пятом году, Шахин Герая учинил калгою, а Бахадыр Герая – нуреддином. В тысяча сто восемьдесят девятом году был смещен с трона.

Второе правление Девлет Герай-хана

Став ханом в тысяча сто восемьдесят девятом году, Шехбаз Герая учинил калгою, а Мубарек Герая – нуреддином. В тысяча сто девяносто первом году, будучи смещенным с трона, держал путь в Рум Или.

Шахин Герай-хан, сын Ахмед Герай-султана

Став ханом в тысяча сто девяносто первом году, через семь лет с намерением собственного уединения держал путь в сторону Тамани.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Başer A., Gurulkan K. Anonim bir Kırım hanlığı tarihi (1475–1778) // MUTAD, 2021, VIII (2). С. 402–462. DOI: 10.16985/mtad.1029219
2. *Precis de l'histoire des Khans de Crimée. Depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hegire.* Traduit du turc par M. Kazimirski et revu par M. A. Jaubert. Paris: Imprimerie Royale, 1833. 64 p.
3. *Histoire des khans de Crimée, depuis l'annee 880 jusqu'en 1191 de l'hegire (1475–1777)* // *Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Supplement turc 515* [Электронный ресурс]. URL: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10091358k/f5.item.r=Histoire des khans de Crimée](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10091358k/f5.item.r=Histoire%20des%20khans%20de%20Crim%C3%A9e)

Сведения об авторе и переводчике: Абдужемилев Рефат Рустем огълы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымско-татарской филологии, истории и культур этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

“The History of the Crimean Khans” by the anonymous author. Part 2 (end)*

Refat Abduzhemilev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
Feozi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University*

Abstract. Among the rare materials of the Department of Manuscripts of the National Library of France (Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Supplement turc 515) there is a small chronicle of the anonymous author dating back to the era of the Crimean Khanate. The manuscript is provided with a description: “The history of the Crimean khans from 880 to 1191 from the Hegira (1475–1777), without a title and without the name of the author. The epigraph read on the front side of the first page is not a title, but a summary of the content of this work, which is not of particular importance. Dating: 1786–1800”. Although this chronicle is known thanks to the researches of a number of orientalists, nevertheless, for its full introduction into scientific circulation, its translation into Russian is of the uttermost necessity. The text processing will serve as the basis for the literary and artistic analysis of “The History of the Crimean Khans”.

Keywords: anonymous author, Geray, Crimean Khanate, khan, Chronicle

For citation: Abduzhemilev R.R. “The History of the Crimean Khans” by the anonymous author. Part 2 (end). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 198–219. DOI: 10.22378/kio.2023.1.198-219 (In Russian)

REFERENCES

1. Başer A., Gurulkan K. *Anonim bir Kırım hanlığı tarihi (1475–1778)* [An anonymous Chronicle of the Crimean khanate (1475–1778)]. *MUTAD*. 2021, VIII (2), pp. 402–462. DOI: 10.16985/mtad.1029219 (In Turkish)
2. *Precis de l’histoire des Khans de Crimée. Depuis l’an 880 jusqu’a l’an 1198 de l’hégire* [The Summary of the History of the Crimean khans. From the year 880 until the year 1198 of the Hegira]. *Traduit du turc par M. Kazimirski et revu par M.A. Jaubert* [Translated from the Turkish by M. Kazimirski and revised by M.A. Jaubert]. Paris: Imprimerie Royale [Royal printing], 1833. 64 p. (In French)

* See the beginning in: Abduzhemilev R.R. “The History of the Crimean Khans” by the anonymous author. Part 1. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no.2, pp. 193–225. DOI: 10.22378/kio.2022.2.193-225.

3. Histoire des khans de Crimée, depuis l'année 880 jusqu'en 1191 de l'hégire (1475–1777) [The History of the Crimean khans, from the year 880 until 1191 of the Hegira (1475–1777)] *Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Supplement turc 515* [National Library of France. Department of Manuscripts. Turkish Supplement 515] [Electronic resource]. Access mode: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10091358k/f5.item.r=Histoire des khans de Crimée \(In Ottoman Turkish & Arabic Script\)](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10091358k/f5.item.r=Histoire%20des%20khans%20de%20Crim%C3%A9e%20(In%20Ottoman%20Turkish%20&%20Arabic%20Script))

About the author and translator: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); refatimus@gmail.com

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

УДК 801.731

DOI: 10.22378/kio.2023.1.220-232

Реабилитация историками Крымского ханства в 5-томнике о крымских татарах

Владимир Бобровников

Институт востоковедения РАН;

Санкт-Петербургский государственный университет;

НИУ «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рецензия анализирует опубликованный в 2021 г. в Казани 3-й том «Истории крымских татар», посвященный Крымскому ханству XV–XVIII вв. Это энциклопедическое издание, охватывающее всю историю данного государства. С ним связывается формирование крымских татар как народа. В книге представлены самые разные стороны жизни ханства: завоевания и рейды против иноверных соседей, внешняя и внутренняя политика, повседневная жизнь, экономика, работоторговля, духовная и материальная культура, военное дело, демография, этноконфессиональные меньшинства и диаспора, образы крымских татар у современников ханства в Западной Европе и России. Каждой из этих тем посвящено от одной до нескольких глав, которых в книге 17. Перед нами итог 2-летнего международного проекта историков Крыма, России и Украины, пытающихся реабилитировать Крымское ханство, в котором привыкли видеть паразитическое политическое образование, существовавшее за счет «набеговой экономики». Эта задача им удалась. Работа закрывает существенный пробел в крымоведении на стыке востоковедения, русистики, полонистики, украинистики и глобальной сравнительной истории. Она подводит итоги ревизии антикрымской в сущности политизированной позднесоветской историографии за последнюю треть столетия, с «Перестройки» до наших дней. Важно, что первый опубликованный том из серии «История крымских татар» не отмечает категорически наследия предшественников, но пытается творчески переосмыслить их всех, начиная с дореволюционного классика изучения Крымского ханства В.Д. Смирнова. Кроме того, он предлагает возможные альтернативные прочтения истории этого государства и его общества.

Ключевые слова: историки-ревизионисты, Крымское ханство, Россия, крымские татары, ислам, востоковедение

Для цитирования: Бобровников В.О. Реабилитация историками Крымского ханства в 5-томнике о крымских татарах // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 220–232. DOI: 10.22378/kio.2023.1.220-232

Созданный 9 лет тому назад в Бахчисарае филиал казанского академического Института истории им. Шигабутдина Марджани – Крымский научный центр, – уже зарекомендовал себя как активно публикующийся научный коллектив. За это время его сотрудники совместно с коллегами из университетских и академических центров России, ближнего и дальнего зарубежья выпустили несколько десятков книг, среди которых особенно значимы публикации переводов источников [1; 5; 2 и др.]. В декабре 2021 г. в Казани вышел из печати колоссальный том в 1088 страниц – «Крымское ханство (XV–XVIII вв.)» [6]. Им начинается издание 5-томной серии академической «Истории крымских татар». Построенная по хронологическому порядку новая серия открылась 3-м томом. На его подготовку ушло более двух лет. Первые два тома по древней и средневековой (золотоордынской) истории народов полуострова еще не выпущены, но анонсированы в 2022 г. на ближайшее время. За последние полтора года появляются первые отклики на книгу в России [9].

Одной фразой научную ценность работы можно выразить так: Это первое международное энциклопедическое издание, охватывающее всю, чуть ли не четырехвековую, историю ханства, от его складывания в первой половине XV в. до захвата Российской империей в царствование Екатерины Великой, упразднившей ханство в 1783 г. В нем представлены самые разные стороны жизни ханства: завоевания и рейды против иноверных соседей, внешняя и внутренняя политика, повседневная жизнь, экономика, включая работоторговлю, духовная и материальная культура, религия, военное дело, демография, этноконфессиональные меньшинства и диаспора, образы крымских татар у современников ханства в Западной Европе и России. Каждой из этих тем посвящено от одной до нескольких глав, которых в книге 17. У издания все характерные признаки энциклопедии: большой авторский коллектив, крайне объемный научный аппарат с указателями имен и географических названий [6, с. 964–963], специально составленные для нее карты, десятки планов раскопок, архитектурных сооружений, черно-белых и цветных иллюстраций памятников, надмогильных стел, рукописей и документов. Один лишь список источников и литературы XV–XXI вв. на русском, украинском, польском, татарском, турецком, француз-

ском, немецком, английском и других восточных и западных языках занимает более 100 страниц [6, с. 845–963].

Книга разделяет достоинства и неизбежные недостатки энциклопедических изданий. У нее целых 48 авторов, один список которых с аффилиациями занимает 4 страницы. О едином авторском подходе и стиле говорить не приходится. Большинство текстов написано дотошно, но сухо, правда, без неуместных для научного издания эмоций и споров о том, какой народ пролил в Крыму больше крови, чем нередко грешат многие известные постсоветские работы об этом регионе, начиная с книг В.Е. Возгриня [4; 11]. Хорошо, что в томе удалось объединить историков, литературоведов, археологов, искусствоведов и востоковедов, даже философов разных школ и взглядов, по-разному смотрящих на крайне политизированную проблему прошлого крымских татар. Они представляют 21 академический и научный центр разных уровней из 6 стран, включая Россию и Украину. Жаль, что не удалось привлечь к созданию тома тюркологов из сильной польской востоковедной школы, в первую очередь авторитетного Д. Колодзейчика, но проект серии не предусматривает публикации переводов зарубежных исследований. Удачей было участие в нем крымских историков – В.Е. Науменко и Э.И. Сейдалиева, специалиста по казачеству Д.В. Сеня, москвичей – искусствоведа Э.Д. Зиливинской, тюркологов В.В. Трепавлова и редактора тома И.В. Зайцева. Носящий международный характер проект, к счастью, удалось осуществить до начала военных действий в 2022 г.

У книги и более крупного проекта «Истории крымских татар», которой она представляет, конечно, есть своя концепция. Иначе она распалась бы на множество не связанных друг с другом главок. Этого при чтении ее не заметно, что признал даже раскритиковавший книгу В.В. Михайлов [9, с. 154–155]. Но почему-то руководитель проекта и редактор тома не включили в книгу характеристики всей серии. Ни Введения к серии, ни названий готовящихся томов «Истории крымских татар» не сообщено. Можно предположить, что предметом исследования в этом и других томах серии является история крымских татар как древней культурной нации, имевшей в прошлом сильную государственность. О ключевом понятии этой концепции Зайцев обмолвился на презентации книги в Казани в феврале 2022 г., упомянув про государственность, которую крымские татары обрели в ханстве и лишились в Российской империи и СССР [8]. Во Введении и Заключении к тому Зайцев ставит целью книги развенчание устойчивых стереотипов, рисующих ханство паразитировавшим на соседях разбойничьим гнездом и вместе с тем реабилитацию памяти предков крымских татар [6, с. 4–5, 842]. Цель эта успешно достигнута, но отчетливо выраженной концепции изданию все же не хватает.

Признание позитивной ценности истории Крымского ханства профессиональными историками затянулось из-за того, что советские политики более 50 лет до конца не реабилитировали крымских татар. Лишь в 1989 г. в СССР были осуждены депортации, но сами крымские татары были реабилитированы в России после присоединения Крыма в 2014 г. и чуть позже в Украине. Но историография по инерции сохранила некоторые позднесталинские стереотипы времен депортаций народов. В начале 1950-х гг. советские академические власти причислили Крымское ханство к иноземным агрессорам, уничтожение которого в Российской империи они оправдывали характерным ориенталистским клише о необходимости борьбы с восточными «хищниками» [10; 12] и, что хуже, не поощряли его специальное изучение историками. «Архивная революция», послужившая толчком к международной ревизии колониальных исторических нарративов времен «холодной войны» об окраинах Российской империи и национальных республиках СССР, к которым относится и историография второй половины XX в. про Крымское ханство, почти не затронула архивы и историков Крыма эпохи Средневековья и Нового времени. До сих пор открыты украинские архивы даже советской политической полиции ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, но для изучения истории крымских татар к ним еще не обращались. Есть отдельные работы на основе специального изучения украинских и польских архивов по Крыму в составе Российской империи и СССР [например, 14], но архивные дела из собраний Симферополя, Киева, Варшавы и Кракова по Крымскому ханству в литературе еще плохо представлены.

Для задач этого тома историографическое наследие и источниковая база крымоведения крайне важны. Им посвящены две его первых вводных главы. К сожалению, короткая историографическая глава 2 не удалась. Информативен раздел 2.1. об изучении Крымского ханства от современников до ученых XXI в., почему-то названный «российской историографией» [6, с. 113], хотя в него включены также советские издания, причем как литература, так и источники самых разных эпох. Неплохо, но формально представлены польские и турецкие авторы. Совершенно неудовлетворительно пересказана западная литература [6, с. 119–124], ошибочно разделенная по национальностям историков, без характеристики научных школ и проблематики исследований. Узость кругозора авторов главы не позволила показать место Крымского ханства в международной историографии. Раздел 2.6. об украинской историографии транслирует вместо литературы тезисы современной исторической политики без каких-либо комментариев и критики [ср.: 7, с. 217–221]. Отчасти эту главу неплохо дополняют и корректируют дублирующие ее сведения разделы из других глав основной части, в частности главы 6, 10, 12. Но в целом, изложение истории Крымско-

го ханства как-то выпадает из проблематики современной международной историографии с реабилитацией «империи» как аналитической категории и особенным вниманием к погранично-фронтиру как контактными зонам, имперским посредникам и межрегиональным трансферам [например, 15; 16].

Неудачи историографической главы во многом компенсирует огромная библиография и детальная характеристика источников в 1-й и ряде других глав. Здесь представлен целый комплекс исторических свидетельств о Крымском ханстве, реконструируемый как по памятникам, сохранившимся на территории Крыма, так и по зарубежным собраниям, в первую очередь в Турции и на арабском Ближнем Востоке. Это – османские и ханские документы и нарративные источники, родословные, европейские травелоги и карты ханства, тюркская микропонимика Крыма, эпиграфика, нумизматика и археология османского периода. Они реабилитируют Крымское ханство среди историков, на фактах показывая, что его правители и подданные жили не за счет «набеговой экономики», как утверждали европейские и российско-советские историки XIX–XX вв., но благодаря производящему хозяйству, подобно соседям, с которыми ханство не только воевало, но и торговало. Преобладание среди источников информации тюркоязычных говорит о понятном желании авторов книги опереться на местные источники, не игнорируя вторичных российских (1.2.) и западноевропейских (1.4., 1.7.), которым чрезмерно доверяли их предшественники. Первая глава – одна из лучших в книге. Следовало бы только упорядочить перечень источников по каким-то критериям и избегать многочисленных повторов их изложения разными авторами тома, например, в разделах 1.1. и 1.5, 13.2 и 13.3. и других.

Почти половина глав книги (гл. 3–10, т.е. 8 из 17) посвящена перипетиям военно-политической истории Крымского ханства. Я не специалист в этой области, и потому не буду разбирать их, так же как и обобщающие главы по военной истории и экономике, уже детально проанализированные Михайловым, который увидел в книге идеализацию крымско-татарской истории и тенденциозный подбор источников [9, с. 155–158, 160, 161]. Я не разделяю этой оценки, хотя и согласен с более частными упреками рецензента о недостаточном внимании авторов тома к генуэзским колониям¹, неудачном обзоре литературы, анахронизмах в наименовании допетровской Руси и проч. [9, с. 155, 156]. Михайлов упустил из виду наличие в томе альтернативных точек зрения на разные события истории ханства, в частности в разделах специалиста по казачеству Д.В. Сеня, не поддерживающего выводы критикуемого Михайловым А.А. Шейхумерова [см.,

¹ Из обширной библиографии книги выпала недавняя интересная монография Д.В. Валькова по латинской генуэзской эпиграфике [3].

например, 6, с. 388]. Не вполне основательными мне показались его упреки авторов книги в отходе от исторической объективности [6, с. 156]. Намеренного искажения сведений источников в книге нет. А человеческая история, в принципе, всегда субъективна. Если же понимать под объективностью верификацию, то это лишь первая половина работы историка.

Среди авторов тома мало исламоведов, но общую историю ислама в Крымском ханстве и его исламские трансрегиональные связи с османским пограничьем в ней все же удалось показать. Это – один из успехов издания. Ведь, формирование и развитие Крымского ханства происходило как пограничного мусульманского государства и актора-исламизатора Северного Причерноморья и Западного Кавказа. В работе отчасти показано значение ислама в легитимизации власти династии Гиреев, их внешней и внутренней политике, экономике и правовой системе ханства (собственность и налогообложение по шариату), духовной культуре крымских татар и их единоверцев в регионе (исламское образование). Ислам и его составляющие не вынесены в названия ни одной из 17 глав, они присутствуют только в подзаголовках и содержании книги. Про ислам в книге немало повторов и при этом обидных лакун. Не показана динамика развития ислама в ханстве. Нет связного изложения истории суфийских братств в Крыму и миссионерской деятельности Гиреев вместе с османами как гази на Северо-Западном Кавказе. Сбивчиво написаны разделы о шариатском правосудии и правовом обычае (адат, 11.4.–5.), благотворительных вакфных имуществах (12.3.). Методологически ошибочно было объяснять крымские материалы из более поздних источников XIX в. по другим регионам [6, с. 477 и др.].

Не всегда убедительно звучат выводы книги. Так, А.А. Шейхумеров, резюмируя вклад в изучение Крымского ханства постсоветской украинской историографии, отмечает, что она «в последние три десятилетия добилась значительных успехов» [6, с. 134]. Однако из его обзора никаких успехов не видно. То же сомнение возникает при чтении разделов М.М. Якубовича. Он относит выходцев из Крымского ханства в Константинополе и других центрах Османской империи к крымской исламской культуре [6, с. 28–34], но не приводит тому веских доказательств. Он не сумел доказать, что эти османские, по сути, авторы продолжали, начиная с середины XV в., именно крымскотатарскую интеллектуальную традицию. Выводы Якубовича подрывает сообщение из другой главы книги о том, что сведений о литературной и научной жизни в Крыму за это время нет [6, с. 561]. В 13-й главе Якубович утверждает, что выходцы из Крымского ханства внесли вклад в развитие арабоязычного исламского богословия (калам), философского и правового знания, суфизма. Доказательством того, что их труды высоко ценились в исламском мире, могли бы быть, скажем, ссылки на справочник К. Броккельмана «История арабской литературы», в котором сведены

наиболее выдающиеся произведения средневековой мусульманской книжности [13]. Но кроме названий сочинений ссылок на авторитетные источники и литературу автор не приводит. Показательно, что сочинения Брокельмана не включены и в библиографию к книге. Значит, они были полностью проигнорированы.

В заключение отмечу достоинства и недостатки научных подходов, языка и справочного аппарата книги. Несложно заметить отсутствие в ней советской марксистской риторики. Крымское ханство, как его соседи и сюзерен – Османская империя, устойчиво называется феодальным владением (государством), с феодальной элитой во главе и угнетенными классами с правовым статусом несвободных райятов [6, с. 288, 295–296, 349, 450, 593, 798, 804]. Но определять тип османского или крымского феодализма никто из авторов и не пробует. Марксистской формационной модели они не следуют. Крымскотатарское общество некоторые из них относят к «золотоордынской цивилизации» [6, с. 82, 265, 832], под которой понимают развитый имперский тип домодерного общества. Это конструктивный фактор. Отсутствие глобальных социально-политических дефиниций не мешает обобщению и восприятию материала. Жаль, конечно, только, что от позитивистской установки советского марксизма, ограничивающего работу историка поиском объективной истины [6, с. 3, 12, 109, 168, 177 и далее *rassim*], и страноведения авторы тома не ушли. Язык и тематика современной постколониальной теории им чужд, что обедняет тематический репертуар и содержание тома. К тому же, ее отдельные понятия, прежде всего дискурс, определяются и применяются не вполне верно [6, с. 19, 378, 396, 812]. Российская аннексия Крымского ханства не осмысливается в рамках колониализма.

Больше нареканий вызывает отсутствие единообразия в понятиях, а равным образом разноречивость в транслитерации восточных, преимущественно арабских и тюркских арабографических имен и терминов. Есть устоявшиеся в русском языке переводные понятия, однако авторы тома им не следуют. Так, уже упомянутый философ Якубович переводит вахдат ал-вуджуд, арабское название учения Ибн ‘Араби, как «всеединство» вместо принятого и более точного «единство и единственность бытия» [6, с. 32]. Учебную дисциплину *ас-сарф ва-н-нахв* он ошибочно определяет как «грамматику и морфологию» вместо устоявшегося «морфология и синтаксис», а для каляма придумывает уже совсем нелепое словосочетание «дискурсивная теология» вместо «спекулятивное богословие» [6, с. 28]. Безосновательной выглядит аллюзия на западноевропейское рыцарство в определении С.Х. Хотко адыгской конницы как «черкесского рыцарского войска» [6, с. 292]. На с. 437 не понятно отношение друг к другу шариата и фикха. Неточные формулировки приводят к нелепым ошибкам. Например, Р.Ю. По-

чекаев назвал кадиаскерские судебные тетради «основным источником исламского права», имея, конечно, в виду, не фикх-доктрину и не шариат вообще, а шариатскую юстицию ханства [6, с. 431]. А Н.Р. Абдульвапов и Н.М. Акчурина-Муфтиева по образцу современной образовательной школы приписали медресе XVII–XVIII вв. «учебную программу», впервые введенную в отдельные из них реформаторами-джадидами в конце XIX в. [6, с. 529, 532, 545–550, 743]. Путаницу с терминами мог бы, наверное, снять единый глоссарий к тому, которого, к сожалению, нет.

Пониманию местных реалий и отношения интеллектуальной культуры ханства к османской и общеисламской ученой традиции мешает также искаженная передача арабских имен и названий сочинений в кириллице. Ошибки возникают от трансляции турецкой латинской транслитерации, следующей нормам произношения в диалектах, тогда как в академической традиции, как русской, так и английской, принято передавать их в строгой арабистической транскрипции, отталкивающейся от написания в литературном арабском языке (ал-фусха). Причем, английская и русские транскрипции отличаются, а авторы, если и следуют, то английским правилам, но перенося их в кириллицу. Никакого единообразия нет и в помине. Артикль передается то как ал-, то как аль-. Отсутствующие в русском языке буквы «айн» и «хамза» то пишутся, то опускаются, последняя нередко ошибочно заменяет первую. Авторы, даже арабисты, как Якубович, не знают правописания арабской идафы. В сочинении Ибрахима ал-Халаби сделано сразу две ошибки: в названии и нисбе автора. «Слияние морей» на арабском не «Мултакату ль-Абхар», а «Мултака ал-абхар», а нисбы ал-Халабби нет [6, с. 34, 845]. Особенно фантастическим способом Якубович пишет нисбы, производные от слов, кончающихся на «алиф максура», как «-уви» вместо общепринятого -ви/уи (وى) (аль-Кафауви – выходец из Кафы/Кефе, т.е. ал-Кафави) [6, с. 29–32, 34, 35 и далее], несмотря на то, что удвоения лабиализованного полугласного здесь быть никак не может. Украинизация русской лексики и увлечение многоступенчатыми генетивными конструкциями приводит к смешным опискам. Так, судебные записи кади-аскеров превратились у Якубовича в «судовые решения» [6, с. 34], а пророк Мухаммад по нормам русского синтаксиса получил вместо автора касыды «Плаща» фамилию аль-Бусири [6, с. 32].

Имеются следы спешки и отсутствия у тома квалифицированного корректора с опытом работы над изданиями по востоковедению. Довольно много опечаток. Не выверены цитаты в арабской графике. В результате этого не всегда верно набран арабографичный текст, буквы в котором при верстке либо переставлены в обратном порядке, слева направо, либо напечатаны отдельно и не составляют слов [6, с. 70, 423, 622, 632 и др.]. Имеются досадные ошибки в библиографии. Первые три описания на с. 845

дефектные. Пользоваться ими не возможно. В них, возможно по небрежности, пропущены названия мест хранения. В третьей к тому же, как уже указывалось, с ошибкой передан арабский текст. Фонд Военно-ученого архива из московского архива РГВИА ВУА изменил свое название на номер 846. Сноска на него на с. 846 не верна. В категорию рукописей по небрежности авторов попала часть старопечатных книг, в частности, издание супракомментария (хашийа) Мухаммада ал-Кафави в Константинополе середины XIX в. на с. 846. Нет единообразия сносок и библиографии у разных авторов. Например, сноски на рукописи в фондах Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin) даны то на немецком языке, то в кириллице с искажением названия [6, с. 847]. В списке сокращений на с. 1015 по ошибке дважды помещена аббревиатура для Полного собрания законов Российской империи, а Институт восточных рукописей (ИВР РАН) в Санкт-Петербурге фигурирует еще как филиал московского Института востоковедения, из которого он выделился еще в 2007 г.

Не будем, однако, слишком сурово судить попытку историков Крыма, России и Украины реабилитировать историю Крымского ханства. Вполне можно сказать, что книга как проект удалась. Пусть ее подход чрезмерно позитивистский, что для XXI в. несколько анахронично. Не столь принципиально и то, что тематический репертуар книги следует российско-советской академической традиции вчерашнего дня, игнорируя некоторые новые направления исследований ревизионистской постколониальной теории. Отмеченные выше ошибки и недочеты неизбежны в любом, особенно в столь масштабном издании. Главное, что работа закрывает существенный пробел в этой области на стыке востоковедения, русистики, полонистики, украинистики и глобальной сравнительной истории, подводя итоги ревизии международным коллективом историков антикрымской в сущности позднесоветской историографии за последнюю треть столетия, с Перестройки до наших дней. Важно, что первый опубликованный том из серии «История крымских татар» не отмечает категорически наследия своих предшественников, но пытается творчески переосмыслить их всех, начиная с дореволюционного классика изучения Крымского ханства В.Д. Смирнова. Кроме того, он предлагает возможные альтернативные прочтения истории этого государства и его общества, представленные в 17 главах коллектива из российских и зарубежных историков. Остается пожелать авторам книги позитивных откликов читателей. Будем с нетерпением ждать выхода новых томов серии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы Осман Нури. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Сост.: А.А. Непомнящий, Г.Н. Кондратюк, Э.Х. Сейдаметов. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. 216 с.: илл.
2. Боданинский У. Собрание сочинений. Т. I–III. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018–2020. 272 с.; 264 с.; 544 с.
3. Вальков Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма. М: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 368 с., ил.
4. Возгрин В.Е. История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма. Т. I–IV. 4-е изд. Симферополь: ООО «Кара дениз продакшн», 2015. 870 с., ил.; 988 с., ил.; 879 с., ил.; 619 с., ил.
5. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. I–III. / Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитметова. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019, 2017, 2019. 384 с.; 384 с., 24 с. ил.; 560 с., 16 с. ил.
6. История крымских татар. Т. III. Крымское ханство (XV–XVIII вв.) / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с., 64 с. ил.
7. Касьянов Г. «Национализация» истории на Украине // Историческая политика в 21 веке / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2002. С. 217–255.
8. Каюмов Р. В Казани представили первое академическое издание по истории крымских татар [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-kazani-predstavili-pervoe-akademiceskoe-izdanie-po-istorii-krymskix-tatar-5854284>
9. Михайлов В.В. Рецензия на III том пятитомного издания История крымских татар. Крымское ханство (XV–XVIII вв.) // Кlio. 2022. № 10 (190). С. 154–161.
10. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1–4. Симферополь: Крымиздат, 1951–1967. 229 с., ил.; 302 с., ил.; 221 с., ил.; 318 с., ил.
11. Петрухинцев Н.Н., Вишняков Я.В. Путь к Тавриде: Борьба России за выход к Черному морю и присоединение Крыма к России (1786–1783) // История Крыма / Российское военно-историческое общество; Е.Е. Бойцова и др. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 113–165.
12. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М.: Наука, 1973. 174 с.
13. Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur / Vorwort von J.J. Witkam. Bd. I–II. SBd. I–III. Leiden–Boston: E.J. Brill, 2012. 676 S.; 686 S.; 973 S.; 1045 S.; 499 + 1326 S.
14. Kirmse S.B. The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late tsarist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 341 p.
15. Burbank J., Cooper F. Empires in world history: power and the politics of difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 511 p.
16. Kumar K. Visions of empire: how five imperial regimes shaped the world. Princeton: Princeton University Press, 2017. 600 p.

Сведения об авторе: Бобровников Владимир Олегович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); научный сотрудник Научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Российская Федерация); профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (105066, ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Российская Федерация); vladimir_bobrovn@mail.ru

Rehabilitation of the Crimean Khanate by Historians in a five-volumes book about the Crimean Tatars

Vladimir Bobrovnikov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

St. Petersburg University;

National Research University – Higher School of Economics

Abstract. Author of the article analyzes the 3rd volume of the *History of the Crimean Tatars*, dedicated to the Crimean Khanate of the 15th–18th centuries, published in Kazan in 2021, and resulted from the 2-year international research project aiming to produce the first academic *History of the Crimean Tatars* in a five volumes. This is a pioneering and valuable research covering the whole period of the Khanate history, from its formation in the first half of the 15th century to its annexation to the Russian Empire under the reign of Catherine the Great, who abolished the Khanate in 1783. The book discusses different aspects of the Khanate's everyday life: its conquests and frequent raids against non-Muslim neighbors, foreign and domestic politics, Crimean Tatars' economy, slave trade, spiritual and material culture, religion, military affairs, demography, their relationship with ethnic and confessional minorities of the Khanate and their Diaspora abroad, images of the Crimean Tatars as the Other constructed and later Orientalized by foreign travelers and observers from Western Europe, Ukraine and Russia. In fact, this book rehabilitates the Crimean Khanate, showing that it was not just a robber's nest, living off raids on neighbors and the international slave trade, as the late Soviet literature argued. The study fills in a significant gap in contemporary historiography on the subject in the field of Oriental, Russian, Polish, and Ukrainian studies. It also contributes to comparative history of the northern Black sea area at the turn of the early modern times. It is noteworthy that the new series on *History of the Crimean Tatars* does not dismiss the legacy of the anti-Crimean Soviet literature categorically, but attempts to rethink it all creatively, starting with the pre-revolutionary classic study written by V.D. Smirnov. It resumes revisionist historiography of the Crimean Khanate from Pere-stroika to the present day proposing possible alternative readings of its history.

Keywords: revisionist historians, Crimean Khanate, Russia, Crimean Tatars, Islam, Oriental studies

For citation: Bobrovnikov V.O. Rehabilitation of the Crimean Khanate by Historians in a five-volumes book about the Crimean Tatars. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2023, vol. 10, no. 1, pp. 220–232. DOI: 10.22378/kio.2023.1.220-232 (In Russian)

REFERENCES

1. Akchokrakly Osman Nuri, *Izbrannye sochineniya po istorii, arkhologii, etnografii* [Selected works on history, archeology, and ethnography]. / Sost.: A.A. Nepomnyashchiy, G.N. Kondratyuk, E.Kh. Seydakhmetov, komment. E.I. Seydaliyev i dr.. Simferopol: OOO FORMA, 2016. 216 p.: ill. (In Russian)
2. Bodaninsky, Usein, *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Kazan; Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018–2020. Vol. I–III. 272 p.; 264 p.; 544 p. (In Russian)
3. Val'kov D.V. *Genuezskaya epigrafika Kryma* [Genoese epigraphics in the Crimea]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2015. 368 p., ill. (In Russian)
4. Vozgrin V.E. *Istoriya krymskikh tatar: Ocherki po etnicheskoy istorii korenogo naroda Kryma* [History of the Crimean Tatars: Essays on Ethnic History of the Native people of the Crimea]. Vol. I–IV. 4th ed. Simferopol: OOO “Kara deniz production”, 2015. 870 p., ill.; 988 p., ill.; 879 p., ill.; 619 p., ill. (In Russian)
5. Gasprinskiy I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. I–III. / Ed. in chief R.S. Khakimov; ed. S.A. Seitmametova. Kazan; Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, 2017, 2019. 384 p.; 384 p., 24 p., ill.; 560 p., 16 p. ill. (In Russian)
6. *Istoriya krymskikh tatar* [History of the Crimean Tatars]. Vol. III. *Krymskoe khanstvo (XV–XVIII vv.)* [The Crimean Khanate (in the 15th – 18th centuries)] / Ed. by I.V. Zaytsev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 1024 p., 64 p. ill. (In Russian)
7. Kas'yanov G. “Natsionalizatsiya” istorii na Ukraine [“Nativization of history in Ukraine]. In: *Istoricheskaya politika v 21 veke* [Historical Politics in the 21st century] / Ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: NLO, 2002, pp. 217–255. (In Russian)
8. Kayumov R. V Kazani predstavili pervoe akademicheskoe izdanie po istorii krimskikh tatar [The first academic volume on the *History of the Crimean Tatars* was presented in Kazan [Electronic resource]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-kazani-predstavili-pervoe-akademicheskoe-izdanie-po-istorii-krymskix-tatar-5854284> (In Russian)
9. Mikhaylov V.V. Recenziya na III tom pyatitomnogo izdaniya Istorii krymskikh tatar [review on the 3rd volume of the *History of the Crimean Tatars* in 5 volumes. The Crimean Khanate (in the 15th – 18th centuries)]. *Klio*. 2022. No. 10 (190), pp. 154–161. (In Russian)

10. Nadinskiy P.N. *Ocherki po istorii Kryma* [Essays on the History of the Crimea]. Pt. 1–4. Simferopol: Krymizdat, 1951–1967. 229 p., ill.; 302 p., ill.; 221 p., ill.; 318 p., ill. (In Russian)
11. Petrukhintsev N.N., Vishnyakov Ya.V. *Put' k Tavride: Bor'ba Rossii za vykhod k Chernomu moryu i prisoedinenie Kryma k Rossii* [On the way to Tavrida: Russia's struggle for access to the Black sea and annexation of the Crimea to Russia 1786–1783]. In: *Istoriya Kryma / Rossiyskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo*; E.E. Boytsova et al. Moscow: OLMA Media Grupp, 2015, pp. 113–165. (In Russian)
12. Yakobson A.L. *Krym v srednie veka* [The Crimea in the middle ages]. Moscow: Nauka, 1973. 174 p. (In Russian)
13. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Litteratur* [History of the Arabic literature] / Introd. by J.J. Witkam. Vol. I–II. Supplement vol. I–III. Leiden – Boston: E.J. Brill, 2012. (In German)
14. Kirmse S.B. *The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 341 p.
15. Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010. 511 p.
16. Kumar K. *Visions of empire: how five imperial regimes shaped the world*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 600 p.

About the author: Vladimir O. Bobrovnikov – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow, Chair of the Center for Studies of Central Asia, Caucasus and the Volga-Ural region, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (107031, Rozhdestvenka Str., 12, Moscow, Russian Federation); Research Fellow of the Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint Petersburg State University (199034, University embankment, 11, Saint Petersburg, Russian Federation); Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University – Higher School of Economics (105066, Staraya Basmannaya Str., 21/4, Moscow, Russian Federation); vladimir_bobrovn@mail.ru

ХРОНИКА

Итоговая научная конференция Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, секция Крымского научного центра (г. Симферополь, 26 февраля 2022 г.)

25 февраля 2023 г. состоялось ежегодное заседание секции внутренней конференции Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, организованное его отделом – Крымским научным центром.

Программа конференции включала доклады различных тематик, связанных с историей и культурой крымских татар.

Доклад заведующего КНЦ Сейдаметова Э.Х. был посвящен образованию и функционированию крымскотатарской диаспоре в Эскишехире.

С темой о взаимовлиянии крымскотатарской и крымско-армянской культур в контексте музыкальных, лексических и антропонимических параллелей выступил к.искусств.н., ведущий научный сотрудник КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Заатов И.А.

В ходе своего выступления д.и.н., ведущий научный сотрудник КНЦ Кондратюк Г.Н. сообщил о мечетях северо-западного Крыма на основе архивных документов ГА РК.

Теме внедрения историко-повествовательных источников Крымского ханства в современный научный оборот был посвящен доклад старшего научного сотрудника КНЦ Абдужемилева Р.Р.

Мусаевой У.К., д.и.н., старшим научным сотрудником КНЦ был представлен доклад «Илья Николаевич Бороздин (1883–1959): основоположник этнографических экспедиций, проводимых ВНАВ».

Сейдалиев Э.И., д.и.н., старший научный сотрудник КНЦ рассказал об археологических исследованиях на городище Солхат в 2022 году.

Не менее интересными были выступления старшего научного сотрудника КНЦ Сейтумерова Ш.С. «Вакуф, как одно из проявлений таква, на примере бейяната Мусаллаф-эфенди», младшего научного сотрудника КНЦ Абибуллаевой Э.Э «О некоторых аспектах повседневной жизни в Крымском ханстве», младшего научного сотрудника КНЦ Сеитмететовой С.А. «Голод 1891–1892 гг. на страницах газеты “Переводчик-Терджиман”».

Лаборантами-исследователями КНЦ Усеиновым М.А., Сейтхалиловой Л. С. были озвучены доклады о новых находках мусульманских эпиграфических памятников в г. Старый Крым, об актуальности и научной новизне труда Алана Фишера «Крымские татары».

Внештатным научным сотрудником КНЦ Шейхумеровым А.А. был зачитан доклад о военном походе Девлета Герая на Москву в 1571 году.

Часть из представленных докладов будет опубликована в журнале «Крымское историческое обозрение».

Круглый стол **«Крымские татары: судьба этнонима»** (г. Симферополь, 4 марта 2023 г.)

В субботу 4 марта прошел круглый стол в онлайн формате на тему «Крымские татары: судьба этнонима». На круглом столе были подняты вопросы об этнониме крымские татары, его отображении в исторических источниках; термине «кырымлы» и наметившейся в конце 20 века тенденции по искусственному превращению его в этноним вместо самоназвания «крымские татары». Также были рассмотрены риски и опасности раскола народа и его диаспоры при внедрении термина «кырымлы», размывания исторически сложившейся этнической идентичности, дальнейшей ассимиляции и исчезновения народа. В работе круглого стола приняли участия крымскотатарские ученые-специалисты в области истории, филологии, политологии, социологии, фольклора из Крыма, Турции, Румынии и Польши, а также представители общественности. С докладами выступили Хакан Кырымлы, Рефат Абдужемилев, Филиз Тутку Айдын, Рустем Комурджи, Эльдар Сейдаметов, Эльвира Кемал, Уфук Айкол, Зеври Комурджи, Эдиге Бурак Атмаджа, Нарие Сейдаметова, Метин Омер, Фетхи. В качестве резо-

люции участники круглого стола договорились о проведении конференции и подготовке сборника статей по проблематике этнонима.

Десятые Крымско-Московские архивно-краеведческие чтения (пгт Форос, 29 мая – 1 июня 2023 г.)

С 29 мая – 1 июня 2023 г. в пгт Форос состоялись юбилейные Десятые Крымско-Московские архивно-краеведческие чтения, организованные Государственным комитетом по делам архивов Республики Крым, Крымским республиканским отделением «Российского общества историков-архивистов» при поддержке Совета министров Республики Крым, Администрацией города Ялта, Российским государственным гуманитарным университетом.

Гостями Чтений стали работники архивных и музейных учреждений, преподаватели, краеведы, студенты учебных заведений, представители средств массовой информации. Чтения 2023 г. приобрели всероссийский характер и объединили ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Московской, Иркутской, Свердловской и Херсонской областей, Республик Башкортостан и Татарстан, ЛНР и ДНР.

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан был представлен сотрудниками Крымского научного центра. Андрей Непомнящий, д.и.н. выступил с докладом «Неизвестная страница крымоведения: съезды по изучению производительных сил Крыма». Григорий Кондратюк, д.и.н. рассказал о документах Государственного архива Республики Крым о народном образовании в Крыму в 1920–1930-х гг. Исмет Заатов, доктор философии в арткритицизме, представил доклад о крымскотатароведческой архивной базе и мусульманских храмах Крыма 1786–1944 гг. в контексте архивных исследований. Младший научный сотрудник Эльмира Абибуллаева выступила с докладом «Кадияскерские тетради и Метрические книги в истории изучения повседневной жизни мусульман Крыма». Младший научный сотрудник Сельвина Сеитмететова рассказала о роли Бахчисарайского музея-заповедника, а также Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в истории изучения интеллектуального наследия Исмаила Гаспринского.

В рамках работы Чтений состоялось открытие музейного пространства «История поселка Форос» и презентация бюста мецената, владельца имения Форос, основателя Форосского парка А.Г. Кузнецова, а также работал круглый стол «О роли архивов и музеев в научном краеведении».

Крымско-Московские архивно-краеведческие чтения традиционно объединили усилия историков, архивистов и краеведов Крыма, Москвы, Московской области и других регионов Российской Федерации в вопросах объективного и всестороннего изучения нашего культурного и документального наследия, популяризации Крымского полуострова как особого региона, где проходили важные и значимые исторические события минувших лет.

*Информацию подготовила
младший научный сотрудник КНЦ Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ Сеитметова С.А.*

СТЕНОГРАММА
круглого стола «Крымские татары: судьба этнонима»
(4 марта 2023 г.), посвящённого вопросам
идентификации и этнонима крымскотатарского
народа на современном этапе

Участники:

1. **Хакан Кырымлы**, проф., д-р. ист. наук, факультет международных отношений, Билкентский университет (Анкара, Турция);
2. **Ф. Тутку Айдын Безикоглу**, д-р. полит. наук, кафедра политологии и государственного управления, Университет социальных наук (Анкара, Турция);
3. **Эльвира Кемал**, историк, краевед (Штутгарт, Германия);
4. **Рефат Абдужемилев**, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма КИПУ им. Февзи Якубова, ст. науч. сотр. Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Крым);
5. **Эдиге Бурак**, д-р философии, Варшавский университет (Варшава, Польша);
6. **Зеври Комурджи**, член Крымской молодежной ассоциации фольклористов (Эскишехир, Турция);
7. **Нарие Сейдаметова**, канд. филол. наук (Стамбул, Турция);
8. **Метин Омер**, д-р ист. наук, Университет Овидия (Констанца, Румыния);
9. **Рустем Комурджи**, канд. пед. наук, дирижер, исследователь (Бахчисарай, Крым);
10. **Уфук Айкол**, докторант Университета Хаджеттепе (Анкара, Турция);
11. **Эльдар Сейдаметов**, канд. ист. наук, заведующий Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Крым)

4 марта 2023 г. прошел круглый стол в онлайн-формате на тему «Крымские татары: судьба этнонима», организованный кафедрой политологии и государственного управления Университета социальных наук (Анкара, Турция) и Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

На мероприятии были подняты вопросы об этнониме «крымские татары», его отображении в исторических источниках; о термине «кырымлы»

и наметившейся в конце XX века тенденции по его искусственному превращению в этноним вместо самоназвания «крымские татары». Собравшиеся учёные отметили возможные риски и отрицательные последствия, которые могут привести к расколу народа и его диаспоры, если произойдёт смена названия народа на «кырымлы». Наряду с этим, будет неминуемо размыта исторически сложившаяся этническая идентичность, что грозит последующей ассимиляцией и исчезновением народа.

В работе круглого стола приняли участие крымскотатарские ученые – специалисты в области истории, филологии, политологии, социологии, фольклора из Крыма, Турции, Румынии и Польши, а также представители общественности. С докладами выступили Хакан Кырымлы, Рефат Абдужемилев, Филиз Тутку Айдын, Рустем Комурджи, Эльдар Сейдаметов, Эльвира Кемал, Уфук Айкол, Зеври Комурджи, Эдиге Бурак Атмаджа, Нарие Сейдаметова, Метин Омер, Фетхи.

В качестве резолюции участники круглого стола договорились о проведении конференции и подготовке сборника статей по проблематике этнонима.

Ф. Тутку Айдын Безикоглу:

Как вы знаете, с определённого времени началось активное обсуждение идентификации нашего народа как «кырымлы». Рядом деятелей культуры и представителей общественно-политических кругов использование этого термина выводится в медийное пространство.

Недавно в одном из прошедших эфиров данную проблему освещал Бекир Мамутов. Вместе с этим Эльвира Кемал на эту же тему опубликовала научную статью. В Крыму не так давно различные коммерческие предприятия и торговые точки обслуживали клиентов, владеющих картой «Qıymlı», по которой можно было приобрести товары со скидкой. Также мы слышим, что разговоры об идентификации «кырымлы» коснулись и нашего старшего поколения. Но можно ли менять название народа «кырымтатар»? Так ли значимо это сегодня? Не кроется ли под этим какая-либо угроза? Должны ли мы что-то делать? Или наши действия, попытки остановить распространение подобной позиции могут ещё больше усугубить ситуацию?

Это вопросы, которые собрали нас сегодня. И здесь мы должны определиться с аргументами, которые мы можем предоставить против названия «кырымлы». Как мы должны действовать с точки зрения стратегии и разума? Почему наша молодёжь подвергается влиянию распространяющейся идеи «кырымлы»? Может в этом есть и наша вина, в частности, недостаточно ведётся просветительская работа по популяризации знаний в области языка, истории и культуры? Может быть нам, учёным, на академическом

уровне следует немедленно, целенаправленно предпринять какие-либо шаги, проявить своё отношение к этому.

Уважаемые участники круглого стола, что нам необходимо делать в этом направлении? Пусть каждый из вас выступит и ознакомит нас со своим анализом сложившейся ситуации вокруг названия «къырымлы». Первое слово предоставим уважаемому профессору Хакану Къырымлы.

Хакан Къырымлы:

Проблема с названием с давних времён возникала у разных народов. И в истории бывали случаи, когда оно от одного народа переходило к другому. Подобное происходило и с нами. Иногда название племени закреплялось за каким-либо этносом в качестве этнонима. История знает множество примеров, поэтому выносить такие вопросы на уровень академического обсуждения нет ни времени, ни возможности. По-моему и делать этого не нужно.

Мы знаем, что русские являются потомками варягов, т.е. скандинавских викингов. Сегодняшние французы или «франки» носят название германского племени франков. За современным болгарским народом закрепился этноним древнетюркских булгар. Подобных примеров можно привести множество.

Конечно, мы тоже не исключение. По различным историческим причинам, которые нужно глубже изучить, этноним «татар» достался нам от монголов, может от других более древних народов. Сегодня поменять этноним не более чем фантазия.

Допустим, если среди русских найдутся самые ярые националисты, которые предложат назваться скандинавами или славянами, их сочтут невменяемыми. Такую же реакцию можно будет ожидать, если кто-либо вдруг выступит с инициативой переименования французов. В таком случае даже по разным причинам прикрепившиеся названия теряют древние смыслы. Говоря о русских, сегодня никому в голову не приходят мысли о викингах. Когда произносят этноним «болгары», никто не вспоминает о древнетюркских племенах.

Вам, наверное, хорошо известна ситуация, подобная нашей, с которой столкнулись близкие нам казанские татары. В 90-е годы, среднее поколение хорошо помнит, оживилась дискуссия по этнониму «булгары», и со стороны некоторых людей выдвигался тезис: «Мы не татары. Татары – это варвары. Татары связаны с монголами. Мы не имеем отношения к монголам. Мы – булгары». Среди этих инициаторов были мои знакомые и друзья. Даже при переписи населения многие из них позиционировали себя булгарами. Какой результат? Около тысячи человек записались булгарами, остальные же сохранили этноним «казанские татары». Тем не менее, в Та-

тарстане до сих пор можно встретить приверженцев этнонима «булгары», которые долго будут вам объяснять и рассказывать о своей правоте.

Историческая связь с монголо-татарами и у казанских татар, и у нас, крымских татар, заметно вызывает психологический комплекс. Эти мифологемы порождают определенные социальные стереотипы и негативную реакцию. Если начнём именовать себя «кырымлы», станет ли это способствовать возрождению и процветанию народа? Сегодня нужно быть слепым, чтобы не видеть очевидную истину: какое название мы бы не придумали и не взяли – да хоть именем пророка Исы назовёмся – любое переименование народа не решает его основополагающих проблем.

Я говорю как историк, как крымский татарин. Даже если я на 100% поверю, что наше название исторически ошибочно, даже если приму «кырымлы» как новое имя народа, доказать этого я не смогу, ни у кого нет такой возможности. Допустим, среди нас найдётся 500 человек – адептов названия «кырымлы», 1000 человек будут ратовать за «кыпчак», 250 человек ещё что-то предложат, всё это останется на уровне плода их фантазий. Потому что в истории, во всех исторических документах, везде – наше нынешнее название. В связи с этим, в данный момент мой народ проходит через мост испытаний – «Сырат». Находимся в состоянии гамлетовского выбора «быть или не быть» – сохранимся или исчезнем. Специалисты могут хорошо помнить один исторический факт. В 1453 году, придя в Стамбул, турки зашли в церковь, где священники очень громко дискутировали. Задав священникам вопрос о предмете дискуссии, в ответ услышали: «Мы спорим об ангелах и принадлежности их к женскому или мужскому роду». Поэтому сегодня тратить время на этот спор – непозволительная роскошь. Мы на грани исчезновения, и неважно – как крымские татары или как монголы.

Давайте не будем путать! Человек обладает личностными свойствами, связанными с его мировоззрением, увлечением, образованием, работой, вкусами и так далее, одним словом – обусловленными социально. Вместе с этим они независимы от его имени, данного при рождении. Так же и с названием народа.

– Мы крымские мусульмане? – Конечно же, мы мусульмане Крыма.

– Мы крымские турки? – Конечно же, мы турки Крыма.

– Мы крымчане (кырымлы)? – Конечно же, мы крымчане или крымцы.

– Кто крымский больше, чем мы? Кыпчаки? – как исторический факт, мы и кыпчаки, т. е. мы кыпчакского (половецкого) происхождения.

– Ногъаи? – Да. В каждом из нас течёт ногъайская кровь. Каждый из нас – история Крыма.

Это всё в нас есть. Однако, всё это не наши имена, не названия нашего народа, а свойства, присущие ему, характеризующие и составляющие его сущность. Нельзя забывать, что название «крымские татары» связывает нас не только с Крымом, т.е. с нашей Родиной, но и с нашим прошлым и со всем тюркским миром.

Сегодня мы должны объяснять нашим оппонентам, друзьям, вошедшим в заблуждение, среди которых очень добрые, патриотично настроенные люди, любящие свою родину Крым. Донести, что сейчас не время поднимать вопрос о переименовании народа. Существуют наиболее острые проблемы – сохранится ли язык, сохранится ли народ. И что бы мы не говорили, где бы мы ни говорили, мы – крымские татары. Нам нужно гордиться тем, что мы тюрки, нашей верой – исламом, и, конечно же, нашим происхождением – Крымом. Кто ещё кроме нас считается более крымским? Разве что ещё караимы и крымчаки, которые исчезают и пересчитать их можно на пальцах руки. Тавров и скифов уже давно нет, но есть мы – старожилы, крымские татары.

Ведь даже если мы в исторических дискуссиях будем во много крат убедительнее, говоря о нашем происхождении от тавров и скифов, или если мы свяжем своё происхождение в Крыму от Адама и Евы, разве наши оппоненты будут действовать иначе? Конечно же, нет. Не нужно себя обманывать.

В связи с этим, хочу сказать, что нет необходимости сейчас утрировать обозначенную тему. Сегодня не это наша проблема. Однако, вместе с этим, деятели науки должны вести углублённые исследования, которые обозначат место в истории, раскроют суть и этимологию терминов «татар», «крымские татары» и «кырымлы». Результаты изысканий необходимо публиковать в различных научных изданиях и монографиях, что расширит круг учёных, вовлечённых в данную дискуссию. Именно таким путём идти к истине в данном вопросе. Нельзя допускать манипуляций сознанием простого народа, не разобравшегося до конца в предмете поднятой дискуссии. Сегодня нет и не должно быть места в крымскотатарской коммуникативной среде подобного рода высказываниям: «я не крымский татарин, я татарин», «я не татарин, я крымский татарин», «я не крымский татарин, я кырымлы», «я не кырымлы, я крымский мусульманин» и др.

«Кырым» не может быть этнонимом по той простой причине, что это географическое название. Есть название этнонима, а есть название географической точки. Кырым – название полуострова, название страны. Человек не может носить такое название.

Пока не следует выносить данную проблему на общенациональный уровень, но необходимо начать обсуждения широким кругом учёных. При этом в аргументах и рассуждениях должна быть соблюдена корректность

по отношению к тем, кто озвучил идею переименования. Тем более что они известны, как порядочные, хорошие и глубоко патриотичные люди. О них вряд ли можно сказать что-либо плохое. Наряду с этим не нужно придавать значения и использованию этнонима «кырымлы» отдельными политиками. Потому что название «кырымтатар» известно всему миру и на этом точка!

В обсуждении поднятой проблемы должны принимать участие и крымские татары, проживающие в Турции и Румынии. Уважаемый Метин Омер тоже должен принять во внимание тот факт, что в Румынии румынских татар нет, но есть крымские татары, проживающие там. Ведь абсурдным будет, если мы скажем, что предки Филиз Тутку Айдын, проживая в Румынии, были румынскими татарами, но переехав в Турцию стали крымскими татарами. Также неприемлемым будет считаться название турецкие татары или крымские турки. В Турции есть проживающие здесь крымские татары. Соответственно не подлежит обсуждению и факт проживания в Крыму крымских татар. Я убеждён, что название и свойства путать недопустимо. Эти два понятия нельзя смешивать. Спасибо за внимание!

Эльвира Кемал:

Уважаемые участники круглого стола! Я – Эльвира Кемал, историк. Недавно вышла в свет моя статья, по содержанию и названию всецело связанная с темой сегодняшнего нашего мероприятия. В своём выступлении я постараюсь в тезисной форме представить вашему вниманию некоторые выдержки из статьи и дать пояснения, касающиеся самоназвания нашего народа.

При рассмотрении этой проблемы, резонно возникает вопрос «Когда и как возникла политика идентичности «кырымлы» или кем это название было введено?».

Думаю, что вопрос определения, кто мы – «крымские татары» или «крымцы» – связан с процессом национального самоосознания. В начале прошлого века среди поволжских татар, азербайджанцев и других поднимается вопрос о названии своего народа. У крымских татар этот процесс был «оборван» в связи с репрессиями, гонениями и депортацией 1944-го года. Но я сомневаюсь, что крымскотатарская элита начала XX-го века могла даже предполагать использование термина «крымцы».

После депортации крымских татар наш народ пытались отделить от Крыма, называя «татарами», «монголами». Это посеяло внутри народа комплекс, который перерос в тему изменения «самоназвания». Впервые на официальном уровне вопрос о самоназвании в 2000 году вынес на собрании Курултая крымскотатарского народа Бекир Мамутов. Но Курултай проголосовал против рассмотрения данного вопроса.

Слово «Къырым» имеет также монгольское происхождение. Сторонники термина «крымцы» (къырымлы) не избавятся от ненавистного комплекса. В Крыму на данный момент славянского населения в разы больше, чем крымских татар. Поэтому изменение названия для нашего народа опасно. Наш народ просто растворится. Сейчас крымских татар в Крыму проживает около 15% от общей численности населения, у нас большие проблемы с языком. И если мы еще название поменяем, наш народ может перестать быть тюркским.

Какие идеи отстаивают те, кто продвигает идентичность «къырымлы»?

Сторонники идентификации народа как «къырымлы» пытаются доказать историчность использования этого названия. Но в документах период Крымского ханства, в «Терджимане» и так далее название «къырымлы» применяется минимально, лишь как географический маркер. Как этнический маркер используется термин «татар» и «къырымтатарлары».

Сторонники названия «къырымлы» подстраивают сейчас под себя историю и исторические факты, да и сам этот термин. Данный этноним, конечно, вредит исторической преемственности. Обрывает связь с нашими предками, даже с нашими родителями, потому что они не понимают, кто такие крымцы. Наши дедушки и бабушки себя так не называли никогда. Крымскотатарская диаспора в Турции, Румынии, США и других странах не называет себя так. Мы оборвем связи со всеми, если переименуем себя.

Разумно ли со стратегической точки зрения использовать имя «къырымлы» вместо «къырымтатар»? Какая польза от этого в решении наших проблем сегодня?

Я вижу в этом только вред. Сторонники названия «къырымлы» думают, что можно изменить мнения. И поэтому ведут активную пропаганду. Особенно в СМИ. Но это в будущем только разделит наш народ. Похожие примеры уже имеют место.

Рефат Абдужемилев:

Рассматриваемая проблема сегодня приобрела особую глубину и актуальность для нашего народа. Поиск причин её возникновения привёл к пониманию того, почему сторонники названия «къырымлы» так горячо стараются отстоять свою позицию. По их утверждению, переименование нашего народа в «къырымлы» приведёт к определённой независимости и упразднит представление о том, что крымские татары являются частью казанских татар. С одной стороны, это верно. Но если на эту позицию посмотреть с другой стороны, то кто бы там ни был – казанские татары, башкиры, казахи, узбеки или любой другой тюркский народ – это наши братья. Поэтому обособливаться от них было бы совершенно неверно и неприемлемо. Все они известны как тюркские народы, исповедующие ислам. Вме-

сте с этим, если говорить о тысячах исторических документов, где название нашего народа значится как «татар», то этот важный факт тоже нельзя не принимать во внимание.

Сторонники названия «кырым» или «кырымлы» при отстаивании своей позиции в качестве аргумента приводят такой российский исторический документ, как «Посольские книги», где мы значимся как «крымцы». То есть за пределами Крымского ханства это название использовали иностранцы, в данном случае российские государственные чиновники. Наряду с этим сторонники точки зрения о правильности названия «кырымлы», настаивают, что слово «татар» русские закрепили за нами как прозвище. Однако отсутствие основательных документальных подтверждений даёт возможность легко опровергать подобные утверждения. Напротив, как было сказано выше, имеются очень много исторических документов ханского периода: ярлыки, произведения дворцовой литературы (таварихи). В них встречаются такие выражения, как «татар аскери» (татарские воины), «татар ордусы» (татарское войско), «татар ханы» (татарский хан) и так далее. Кроме этого представители западноевропейских стран, обращаясь к крымским ханам, использовали выражение «императорум татарорум» (татарский император).

Почему название «татар» сегодня стало поводом для активных дискуссий? Потому что это слово было применимо по отношению и к другим тюркским народам, как обобщающее. Однако мы сегодня должны понимать, что слово «татар» относится к нашему народу в силу того, что Крымское ханство являлось правопреемником Золотой Орды, то есть татарского государства. Поэтому и народ, населявший Крымское ханство, назывался татарами.

Если обратиться к периоду истории времён И. Гаспринского и Н. Челебиджихана, то всем известен факт существования крымскотатарского парламента и различных крымскотатарских учреждений, неопровержимость которых не вызывает сомнения. Даже если сторонники «кырымлы» попытаются что-то противопоставить этому, в их доводах не будет никакой основы.

Сегодня абсолютно неуместными являются попытки изменить название народа. Ведь эту идею ни за какой исторический аспект «зацепить» невозможно. Напротив, название народа словом «татар» прослеживается во всех исторических документах и рукописях.

Даже если предположить, что название народа поменяли на «кырым», мы столкнёмся со сложными юридическими и политическими последствиями. Ведь весь мир, зная нас как крымских татар, резонно задаст вопросы «в таком случае, кто такие крымские татары?», «это совершенно другой народ?».

Здесь нужно согласиться с логическим утверждением уважаемого профессора Хакана Къырымлы, когда он говорит что «Къырым – это название географической местности, а все народы, проживающие там (караимы, крымчаки, русские и другие), могут считаться «къырымлы» (крымцы), т. е. проживающие в Крыму, жители Крыма».

На наш взгляд, ещё одной причиной появления дискуссии вокруг названия «къырымлы» можно назвать события, связанные с выселением крымских татар и последующим их проживанием на чужбине. Местному населению Узбекистана, Казахстана и других регионов, куда был переселён народ, о новых поселенцах говорили «олар къырымлылар» («они крымцы»). Так же крымские татары говорили о себе «биз къырымлымыз» («мы крымцы»). То есть подчёркивалось название географической местности, жителями которой они являлись до выезда.

Здесь ещё несколько слов нужно сказать о документах и ярлыках ханского периода, в которых встречается фраза «Сансыз коп татарларнынъ ханы» («Хан бесчисленных татар»). Она означает, что хан считал себя правителем татар. Наряду с этим, на некоторых географических картах османского периода полуостров Крым и прилегающие к нему южные земли современной Украины, а также часть территории Северного Кавказа обозначены как «Виляети Татарстан».

Я разделяю мнение Эльвиры Кемал о сложившемся стереотипе и наличии комплекса, выражающихся в том, что название «къырымтатар» якобы принижает достоинство нашего народа. Однако нельзя допускать подобных суждений. Следует помнить историю великого государства татар, владевших внушительными территориями евразийского континента. Этому есть подтверждения в исторических и литературных источниках.

В качестве примера хочу представить вашему вниманию стихотворение Усеина Тохтаргази «О кимдир?» («Он кто?»):

*Дагъда яшар, якъмагъа бир одуны ёкъ,
Сув башында сувдан янмагъан куню ёкъ,
Ашлыкъ сачар, ашамагъа ич уны ёкъ.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Илим керек, парасы ёкъ огренмеге,
Дили багълы, чареси ёкъ сёйленмеге,
Бир авасы вар, гъайры ёкъ бесленмеге.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Бир заман тёрде укюм этер эди кейфле,
Этрафы кьоркьутуп сустырырды сейфле,
Шимди эшикде сюрюнир буюк хейфле.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*О заманки кениш топракълари кетти,
Кечиниш ёлундаки акълари битти,
Бугуньки ачлыгъы о зевкълари ютты.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Бир бучукъ миллион къадар варды о заман,
Шимди нек аздыр: олса эки юз бинъ джан,
Йине чокъусы буламаз сыгъаджакъ мекян.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Тевеккюль этти озюндже, аджеб будыр!..
Мал ве мулкьонден кьуртулды, себеп одыр?..
Бинъ йыл фикри не исе, эп шудыр!
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Бакъарсынъ, эскиликден узакъ доланур,
Енъи бир шей корюрсе, къальби буланур,
Эки арада даим янар-къаврулур.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Тут эллин, чек неджата, богъулур-кельмез!
Анъламазсынъ, озь алын билир, я бильмез,
Бойле миллет, кьоркъарым, бер-хурдар олмаз.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Уйкъудадыр козю, корьмез догъру ёлу,
Санки къулагъы сагъырдыр, сагъ ве солу,
Уятмагъа изин вирмез къарагъулу.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъуллари.*

*Къолум-къонишу, эр кес бир иш пешиндедир,
О эп юкълар, къарагъулы башындадыр,
Бу невм-ы гъафлет къартында, яшындадыр.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъулары.*

*Башкъа эр ким чокъ къазанур, аз сарф этер,
Амма о аз къазанур, чокъ масраф этер,
Себеби, малынъ азабындан хавф этер.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъулары.*

*Бен эскийим, банъа керек эски олсун, дир,
Тазе отъмеги быракъуп баятын йир,
Демир ёла бинмеюп, о яян китер.
О татарлардыр: Къырымынъ ерлилери,
О бизлериз: бу Ватаннынъ огъулары.*

*(Усеин Шамиль Токътаргъазы,
«Нале-и Къырым» шиирлер джыйынтыгъындан, 1910)*

Подытоживая, хочу сказать, что смена названия народа может привести к негативным последствиям. В связи с этим мы должны призвать наших национальных лидеров к бдительности и быть внимательными в сложившейся ситуации. В своих выступлениях наряду со словом «къырым» обязательно должны произносить «татар». Потому что в действительности наш народ носит название «къырымтатар». И отрицать данный факт сегодня абсолютно бесполезно. И, наконец, хочу напомнить одну шутку, в последнее время ставшую популярной. Она звучит так: «Интересно, а едят ли сторонники «къырымлы» национальное блюдо «татараш»?»

Эдиге Бурак:

Я приветствую участников круглого стола. И хочу сказать, что целиком поддерживаю всё то, что до меня говорил уважаемый Рефат бей. Им было сказано, что в османских документах северные земли значатся как Татаристан. К этому хочу добавить, что европейские историки в своих трудах Крым называли «Минор Тартария» («Малая Татария»), а государство Дешт-и-Кыпчак – «Мажор Тартария» («Большая Татария»). Что касается сегодняшнего дня, мы являемся малочисленным народом, разбросанным по всему миру. Мы имеем диаспоры, среди которых есть достаточно активные и влиятельные. Однако наблюдается и процесс ассимиляции, для

остановки которой в перспективе наш народ должен будет пройти через большую и сложную работу.

Являясь крымским татариним, мне сложно представить что ассоциирующееся с силой и гордостью название «къырымтатар» когда-то сменится иным. Об этом не могли думать и Усеин Тохтаргъази, которого процитировал Рефат бей, и Номан Челебиджихан. Что касается последнего, то в первоначальном варианте его стихотворения «Ант эткенмен» были такие слова: «Ант эткенмен татарларнынъ ярасыны сармагъа». Однако почему-то наш Курултай внёс изменения в текст и вместо «татарларнынъ» появилось «миллетимнинъ». В продолжение размышлений об этой проблеме вспоминается ещё одно широко известное стихотворение «Савлухман къал татарлыкъ», где, как мы видим, также упоминается название нашего народа «татар».

Уважаемый Хакан бей в своём выступлении сказал, что Крым для нашего народа имеет большое значение – это наша Родина, вместе с тем это географическое название. Здесь уместно вспомнить о Геническе, Чонгаре, Буджаке, Добрудже, где проживают крымские татары, являясь частью населения этих географических местностей. Мои предки, крымские ногъаи, выходцы из района Керчи и Джанкоя. Всё это места, земли Золотой Орды, где существовала вся инфраструктура, характерная для государства того периода. Мы с историками посещали упомянутые места, были в Йени Сала – одном из золотоордынских городов. Там были обнаружены монеты тех времён, подтверждающие существование государства татар.

На сегодняшний день в социальных сетях уже ведутся острые дискуссии. В них чувствуется градус напряжённости, который, возможно, поднимается, условными агентами, педалирующими этот вопрос. Наряду с этим есть и несогласные с данной идеей и не желающие называться по-иному. Думаю, что нам, историкам, без нагнетания ситуации нужно углубиться в изучение данного вопроса и на академическом уровне, так же, как сделала уважаемая Эльвира ханым, в подробностях, языком фактов изложить все предпосылки возникшей ситуации, а также к чему может привести её дальнейшее развитие. Уверен, что Филис оджа, как специалист по данной проблематике, в научно-исследовательских публикациях тоже скажет своё слово, а с нашей стороны оно должно быть поддержано.

Зеври Комурджи:

Сегодня крымскотатарский народ пребывает в исторических условиях, при которых требуется максимальное единение и концентрация на поиске путей самосохранения и дальнейшего развития. Однако, вопреки этому мы наблюдаем влияние ряда факторов, способствующих как разделению, так и ведущих к ассимиляции народа. Сюда же можно отнести слово «кырымлы», подброшенное в среду крымских татар как кость раздора, на почве дискуссий о необходимости переименования названия народа.

Причина этих и других подобных процессов ясна – боязнь единства крымскотатарского народа, который может крепко стоять на ногах в борьбе за свою свободу и восстановление исторических прав. Не буду касаться политических аспектов выше обозначенного мотива в силу того, что сегодняшняя наша площадка ориентирована не на них. Постараюсь поделиться собственными наблюдениями, связанными с проблемой навязывания нам слова «кырымлы» и отношения молодёжи к ней.

В социальных сетях на просторах Интернета отчётливо просматривается такая часть крымскотатарской молодёжи, которая считает, что слово «татар» придаёт нашему народу азиато-чингизидский оттенок. Судя по комментариям и мыслям, излагаемым в дискуссиях, предлагается в XXI веке ориентироваться на западноевропейские ценности, а также демонстрируется нежелание считать себя потомками золотоордынской цивилизации. На наш взгляд, это глубокое заблуждение. Выбрав такой путь, мыотрежем себя от сообщества тех народов, которые имеют древнекыпчакские корни. Нам грозит потеря связи с казахами, казанскими и астраханскими татарами, узбеками и многими другими народами, в совокупности представляющими мощный конгломерат тюркского мира. Несомненно, это путь к обособлению и последующей ассимиляции.

Уважаемый Эдиге Бурак оджа в своём выступлении уместно вспомнил случай, когда решением Курултая в стихотворении Номана Челебиджихана слово «татарларнынъ» было заменено на «миллетимнинъ». Нам неизвестны мотивы этого действия. Ведь с точки зрения определений слов «миллет» (нация) и «халкъ» (народ), мы сегодня являемся народом, но не нацией. Исходя из этого, судя по сложившейся ситуации вокруг самоназвания, непонятно, было ли это сделано с желанием в перспективе расширить рамки народа и стать нацией, но уже под названием «кырым»? В любом случае, на наш взгляд, это противоречит логике и истории. Мы являемся потомками Золотой Орды, в нас течёт татарская кровь и мы должны называть себя крымскими татарами. Игнорирование этого и переименование народа только усилит раскол, уже имеющий место на религиозной почве по многим аспектам. В том числе и в связи с такими заявлениями, как «мы не крымские татары, мы крымские мусульмане», «национальность не важна,

важно вероисповедание». Несомненно, мы мусульмане, но мы крымские татары, наш язык крымскотатарский.

Нарие Сейдаметова:

По проблеме, озвученной на сегодняшнем круглом столе, предыдущие выступающие много сказали, привели достаточно аргументов. После содержательных выступлений уважаемых коллег Хакана Кырымлы, Эльвиры Кемал, Рефата Абдужемилева, пожалуй, добавить нечего. Остаётся согласиться с тем, что во всём мире нас знают как крымских татар, узнают по признакам, идентифицирующим нас как крымских татар. Поэтому считаю, по крайней мере, на сегодняшний день, что название нашего народа должно остаться неизменным, и это верный путь для сохранения единства и гарантии нашего будущего. Даже если коренному населению Крыма было дано наименование «татар» в качестве экзоэтнонима, народ его принял. Кроме этого, не раз приводились аргументы из исторических документов, ярлыков крымских ханов, где мы именовались «татар», наш язык значителен как татарский. Так же, как под этнонимом «тюрки» подразумеваются все тюркские народы, название «татар» присуще всем тюркам северных регионов, а именно, в Средние века – золотоордынцам, в российской истории – волжским татарам, башкирам, азербайджанцам, некоторым народам Северного Кавказа.

Таким образом, подытоживая: Къырым – это географический признак, «татар» – этнический признак, крымскотатарский язык – язык, объединивший кыпчакские и огузские ветви. Наш этноним отражает географический аспект и привязывает нас к определённой местности, а «татар» – слово, обозначающее наши этнические корни, то есть отношение к северной части тюркских племён.

Метин Омер:

До нашей встречи, я не был знаком с рассматриваемой проблемой. Но, углубляясь в её суть, начинаю понимать, что идея смены этнонима может иметь под собой политические мотивы, философское переосмысление и просто желание незначительного количества людей. Судя по выступлениям уважаемых коллег, как я вижу, это больше похоже на последнее. Я исключаю политическую составляющую этого явления, так как провозглашающие идею переименования в «къырымлы» или «къырым» сами же состоят и принимают участие в структурах национального движения крымских татар. Если думать, что идёт некое философское переосмысление этнонима нашего народа, то здесь тоже можно говорить о маловероятности этого варианта в силу непопулярности и нераспространённости такого

подхода. Остаётся третий вариант – мысли и желание отдельной немногочисленной группы нашего народа.

В этой связи хочу сказать, что в Румынии есть другая проблема. Наш народ называется просто – татары. История объясняет это тем, что с 1947 года Румыния переходит в коммунистический режим, и, как следствие, все связи с Крымом прерываются. Однако, после установления связей с Крымом, в 90-е годы, проблема по названию не поднималась, соответственно, не была популярной. В силу ограниченности времени я не буду углубляться в историю, тем более выступавшие передо мной коллеги очень аргументированно и содержательно объяснили, как поднимался данный вопрос, а также почему название «кырымтатар» в полной мере соответствует истинному и должно остаться неизменным.

Хочу только добавить, что отсутствие в этой проблеме, на мой взгляд, политико-философской составляющей это факт. Предлагаю в повестке сегодняшнего дня её не выдвигать на первый план и не нагнетать ситуацию до конфликта. Но, в то же время, призываю учёных активизировать и углубить научные исследования по этому вопросу.

Рустем Комурджи:

Я думаю, что поиск правильного решения по данному вопросу в большей степени должен вестись на плоскости компетенций историков, лингвистов, социологов и политологов. В этот ряд также могут войти специалисты по фольклору, которым будет и есть что сказать по проблеме, обсуждаемой нами сегодня на этом мероприятии. Всем известно, какую связь фольклор, особенно словесный, устанавливает с исторической памятью народа и какую роль он способен выполнять в сохранении его национальной идентичности. В связи с этим будет целесообразным провести поиск примеров, связанных с этнонимом, в народно-песенном творчестве крымских татар. При подготовке к сегодняшней встрече был проведен небольшой анализ. Как оказалось, в песнях встречаются как слово «татар», так и «кырымлы». В силу ограниченности времени вашему вниманию предлагается часть этой работы.

В некоторых исторических песнях встречается слово «кырымлыиз». Но при изучении контекста песни выясняется, что оно обозначает принадлежность народа к конкретной географической точке, в данном случае Крыму, и никак не отражает название народа. Например, в песне переселенцев, отражающей события 1856 года, есть такие слова: «Кырымлыим. Балалыкътан тувгъан ерим сүйемен» (Я из Крыма. Люблю места родные, где детство я провёл)¹. В более позднем варианте этой песни «кырымлыим» народ за-

¹ Здесь и дальше свободный перевод докладчика.

менил на «татарлыгъым». Сработал некий генетический манок, который из коллективного бессознательного крымских татар на поверхность вывел «татарлыгъым» для дальнейшего исполнения в данном образце фольклора. Сегодня народ поёт «Татарлыгъым, тувгъан да ерим. Балалыкътан суйемен» (Татария, родной мой край. Люблю тебя я с детства).

В 1917 году появилась песня «Ал байракъ» (Красное знамя). Она была опубликована в сборнике М. Красева «Песни крымских татар», куда вошли революционные и общественно-бытовые образцы песенного творчества крымских татар. В её поэтическом тексте встречается такое выражение «Къырымлыиз, эй, къардашлар» (Эй, братья, мы крымчане). Однако нужно понимать, что это музыкально-поэтическое произведение исполнялось в период активной деятельности Номана Челебиджихана. А с какой целью и намерением в его риторике использовалось слово «къырымлы», все прекрасно знают. Поэтому, однозначно, это не название нашего народа.

В дневнике Васюкова С.И. «Крым и горные татары», изданном в 1904 году, есть такой абзац:

«А, а!..» – говорят они...(речь идёт о татарах, курсив Р.К.) – «Визжить!.. значить, татаринъ ъдетъ; пусть знаютъ: татаринъ не воръ, а честный чоловікъ!». Правда, крымские татары (исключая ялтинскихъ проводниковъ, т. е. содержателей лошадей) люди хорошие и добродушные, но тѣмъ не менѣ мнѣ кажется, что такой обычай происходитъ вслѣдствіе темныхъ ночей на югѣ².

Как видим, автор передаёт разговор представителей коренного народа Крыма, в котором они называют себя «татаринъ». Этот же этноним использует и писатель.

Принимая во внимание формат сегодняшней встречи, ограничимся только этой информацией. Анализ музыкально-поэтического творчества крымских татар на предмет этнонима непременно продолжится. По завершении к результатам будут комментарии с выводами, где предстанет более полная картина использования народом собственного имени.

Уфук Айкол:

Я внимательно слушал выступления уважаемых коллег. Принимая во внимание такой объём полезной и содержательной информации, аргументов, хочу от себя добавить, что переименование нашего народа однозначно ведёт к отрыву от истории, отстранению от процессов, веками происходивших на исторической арене. Более того, это сыграет на руку той политике уничтожения коренного народа Крыма, которая началась в XVIII веке и представляет определённую опасность для его будущего.

² Орфография от Васюкова С.И.

На мой взгляд, данная проблематика не обсуждается в кругу академических учёных, мнению популяризаторов названия «къырымлы» не высказываются возражения, основанные на научных знаниях. Это может привести к тому, что, играя определённую роль в политических движениях, они смогут вынести данную тему на уровень международных организаций. В связи с этим считаю, что если академическая наука никак не будет реагировать на подобные процессы в виде деклараций и публикаций, то все научные работы, в которых велась речь о крымскотатарском народе, потеряют свою ценность, окажутся на грани бессмысленности и бесполезности. Поэтому призываю историков, филологов, специалистов в сфере межнациональных отношений провести соответствующую работу и найти обоснованные ответы на поставленный перед народом вопрос: «кто мы?».

Эльдар Сейдаметов:

Я глубоко убеждён в том, что сегодня мы провели важное мероприятие, значимость которого обусловлена актуализирующимися в последнее время дискуссиями относительно названия крымскотатарского народа. Важным, на мой взгляд, является то, что в ходе сегодняшней дискуссии мы можем получить срез мнений как бы изнутри крымскотатарской научной общественности, проживающей как в Крыму, так и за его пределами, выслушать мнение представителей различных возрастных групп, как молодёжи, так и старшего поколения.

С целью донесения широкой аудитории сигнала о возможных отрицательных последствиях для будущего крымскотатарского народа в случае его переименования на «къырым» или «къырымлы» предлагается опубликовать материалы сегодняшнего научного мероприятия в СМИ и медиаресурсах. Есть надежда на то, что для этого свои площадки смогут предоставить газеты «Янъы дюнья», «Голос Крыма», журнал «Йылдыз», научные издания Крыма, Румынии, Турции. Также расшифровку стенограммы круглого стола, я думаю, мы могли бы разместить на страницах научного журнала «Крымское историческое обозрение» (КИО).

По обсуждаемой проблеме на сегодняшний день есть готовая статья Эльвиры Кемал, опубликованная в КИО. Было бы хорошо, если наряду с ней в ближайшее время появятся публикации и других коллег – участников круглого стола, представляющих такие научные сферы, как социология, политология, история, фольклор, источниковедение. Новые материалы можно будет разместить также в социальных сетях и группах, что, в свою очередь, сыграет положительную роль в формировании правильного представления и знаний об этнониме нашего народа.

Ф. Тутку Айдын Безикоглу

Подводя итоги круглого стола, хочется сделать ряд примечаний. Сегодня заметно не достаёт научных исследований с последующей публикацией их результатов, где сторонники и названия «кырымтатар», и «кырымлы» смогли бы найти для себя ответы по интересующим их вопросам. Особо полезной данная работа окажется для нашей молодёжи. Современные молодые люди, особенно те, кто не имеет исторического и литературно-филологического образования, далеки от своей истории. Нужно признать, что в этой проблеме определённая доля вины ложится и на нас. Отсюда и возникают идеи, в которых есть призывы разорвать связи с золотоордынским прошлым и развернуться лицом к европейским ценностям. В связи с этим мы должны поставить перед собой задачи просвещения нашей молодёжи в области истории и культуры. Желательно, чтобы формы просвещения были неординарные, вызывающие интерес к изучению и привлекающие внимание молодого поколения. Ведь всем известна истина, гласящая, что народ, не знающий истории, не имеет будущего.

Что касается работы по разрешению спора, связанного с обсуждаемой проблемой. Во избежание обострения и недопущения накала страстей вокруг названия народа, предлагается сконцентрироваться на исследованиях и, умножая количество весомых аргументов, вытекающих из исторических источников, ненавязчиво распространять полученные результаты. Пути распространения и популяризации исторических знаний могут стать как научно-академические издания в виде сборников со статьями специалистов разных сфер и направлений, так и социально ориентированные медиаресурсы. Вместе с тем, нужно быть бдительными, не допустить, чтобы в академические издания просачивались публикации пропагандистского и угоднического характера.

Чтобы сохранить историческую связь с тюркским миром, а также расширить интерес широкой публики к нашей истории, нужно создавать группы в популярных социальных сетях Twitter, Facebook³ и других, где зарегистрировано много молодёжи. Специально для групп и для их узнаваемости можно разработать логотип. Думаю, что подобное движение не вызовет раскол внутри народа, так как оно несёт под собой идею просвещения, трансляции глубоких знаний и утверждения нашего этнонима.

Наряду с этим предлагается провести мониторинг научных изданий и публикаций на различных языках, где размещается материал об истории и культуре нашего народа. В случае обнаружения учёных, использующих в качестве этнонима названия «кырым» или «кырымлы», будет целесообразным изучить их аргументы, используемые исторические источники и

³ Признан в РФ экстремистским ресурсом.

услышать объяснения по этому поводу. Из тех мероприятий, которые мы можем реализовать в контексте имеющейся проблемы, видится организация научных конференций и открытия YouTube-канала, где будут размещаться видеоматериалы, связанные с историей крымских татар. Также, имея сильную команду учёных в диаспорах, объединёнными усилиями будет полезным проведение в соцсетях медиакампаний, в рамках которых будут размещаться произведения известных исторических личностей. В них общество будет для себя находить ответы на многие вопросы из прошлого нашего народа, в том числе касающиеся этнонима.

На этом остаётся поблагодарить всех участников круглого стола, пожелать плодотворной работы, результативных исследований. И хочется верить, что наш народ всегда будет объединён и силен под общим названием «КЪЫРЫМТАТАР».

*Перевод с крымскотатарского языка выполнил
кандидат педагогических наук
Рустем Комурджи*

Памяти Вадима Винцеровича Трепавлова

31 марта 2023 г. после тяжелой болезни ушел из жизни известный российский историк, тюрколог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, председатель Международной Ассоциации исследователей Золотой Орды и почетный доктор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ **Вадим Винцерович Трепавлов** (10.12.1960 – 31.03.2023).

Научная карьера и жизненный путь Вадима Винцеровича являются примером добросовестного созидательного труда и служения своему Отечеству. В 1983 году он окончил исторический факультет Уральского государственного университета, в 1988 году защитил кандидатскую диссертацию «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.». С 1988 года он являлся сотрудником Института российской истории РАН. В 2002 году защитил докторскую диссертацию «История Ногайской Орды». Входил в состав экспертного совета ВАК РФ по истории (с 2013). Являлся членом диссертационного совета по истории России до XX века ИРИ РАН, членом редколлегий журналов «Российская история», «Этнографическое обозрение», «Золотоордынское обозрение», «Крымское историческое обозрение». Он является автором более 20 монографий и сотен научных статей по различным проблемам истории народов Поволжья, Сибири, Северного Кавказа, Центральной Азии, истории вхождения народов и регионов в состав России.

Его незаурядный талант историка, неизменно тактичное и уважительное отношение снискали глубокое уважение коллег из Татарстана и Крыма.

С большой теплотой и благодарностью вспоминается вклад Вадима Винцеровича в разработку целого ряда монографических трудов, включая многотомную «Историю татар» и «Историю крымских татар». В памяти коллег останутся яркие выступления Вадима Винцеровича на различных конференциях в Казани и Крыма по вопросам истории тюрко-татарских народов России.

Память о нем, как о выдающемся ученом, яркой личности и интеллигентном человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

Источник: <http://татаровед.рф/news/890>

Правила для авторов см. на сайте crimeanreview.ru
<https://crimeanreview.ru/pravila-publikatsii/>
<https://crimeanreview.ru/trebovaniya-k-statyam/>

Instructions to authors look at the website crimeanreview.ru
<https://crimeanreview.ru/en/rules-of-publication/>
<https://crimeanreview.ru/en/requirements-for-articles/>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons
“Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials are available under the Creative Commons License
“Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2023. Т. 10, № 1

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW
2023, vol. 10, no. 1

Компьютерная верстка – *А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Цена свободная.

Подписано в печать 28.06.2023 г. Выход в 04.07.2023 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Бумага офсетная 80 г/м²
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru